

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

2. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

17.02.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

<i>Черная дата</i>	2
Шамсудди ИБРАГИМОВ. <i>Геноцид</i>	3
Наталья ВИКИЕВА. <i>23 февраля</i>	5
Мадина ИДРИСОВА. <i>23 февраля 1944 года</i>	5
Ахьмад СУЛЕЙМАНОВ. <i>Тешаш дийна боллушехь</i> . <i>Дагалецамаш</i>	6
Зарема ДЖАБРАИЛОВА. <i>Черная птица</i>	11
Асма МАЦАЕВА. <i>Сийлахьчу к'чинхегаман турпалхо</i>	13

ПРОЗА

Разида ЭРСЕНОЙ. <i>Спецпереселенцы</i> . <i>Повесть</i>	16
Вахит ХАДЖИМУРАДОВ. <i>Боец разведроты</i> <i>Ильясов</i> . Рассказ.....	35
Шамсудди МАКАЛОВ. <i>В бывшей мечети</i> . Рассказ из цикла « <i>Записки врача</i> ».....	46
Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. <i>Запачка</i> . Рассказ.....	58
Маржан ДИКАЕВА. <i>Котенок</i> . Рассказ.....	64

ПОЭЗИЯ

Чага ГАЙРБЕКОВ. <i>Сан лаьмнаш</i> . Стихаш.....	33
Аман УСМАНОВ. <i>Сахалинская земля</i> . Стихи.....	57

ДЕБЮТ

Руслан ЭЛЬГУКАЕВ. <i>Чечне</i> . Стихи.....	54
---	----

ИСТОРИЯ

Леча ГАРСАЕВ. <i>Основные этапы становления русско-нахских связей</i>	65
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гелани ИНДЕРБАЕВ. <i>Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы</i>	68
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. « <i>Отцы</i> » и « <i>дети</i> » современной чеченской литературной критики.....	85

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

<i>Ночной прохожий</i>	95
------------------------------	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. <i>Когда муза требует тишины</i>	95
--	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Черная дата

Мы не манкурты. Наша память еще не заросла коростой. Мы помним все. Мы не забыли ничего. Мы помним и трагедию 67-летней давности, отмеченную черной датой в мартирологе чеченцев.

31 декабря 1944 г. Государственный Комитет обороны под председательством И.В. Сталина утвердил постановление о выселении вайнахов в Казахстан и Киргизию. Вопрос предварительно обсуждался еще 11 февраля 1943 г. на Политбюро ЦК ВКП (б). Молотов, Жданов, Вознесенский и Андреев высказались за немедленное выселение, включая и чеченцев-аккинцев, проживающих в соседнем Дагестане. Переселению подлежало 459 846 человек. Из Дагестана – более 35 тысяч чеченцев.

23 февраля 1944 г. началась изуверская операция против мирных жителей Чечено-Ингушетии и части Дагестана. С одобрения Сталина был использован гитлеровский метод вероломства. Солдаты во главе с офицерами ходили по селам. Ничего не разъясняя, на сборы давали 10–13 минут. Из жилых помещений на мороз выгоняли беззащитных детей, женщин и стариков, а больных сбрасывали с больничных коек. Нетранспортабельных тут же расстреливали. За проявленное недовольство – тоже расстрел. За попытку бегства – расстрел.

В феврале-марте 1944 г. горные селения Чечни были превращены в руины. В домах, конюшнях валялись сожженные трупы, стонали раненые, сброшенные в ущелья. Их добивали специальные команды.

А жителей горного селения Хайбах согнали в сарай и заживо сожгли. Их выселить не было возможности: единственный мост через реку Аргун, соединяющий с внешним миром, снесли паводки.

Долгие тринадцать лет мыкались чеченцы на чужбине, лишенные своих родных очагов и родовых кладбищ. Как бы гостеприимно ни встречали казахи и киргизы наших сограждан, но, оторванные от Родины и родных очагов, мы чувствовали себя уязвленными. А многие навеки нашли свой последний приют там, на чужбине. Теперь чеченцы вынуждены ездить в Казахстан и Киргизию, чтобы поклониться могилам родных и близких.

Прочитаем до1а и постоим в молчании, склонив головы перед их памятью. И пусть никогда не повторится черная дата в судьбе ни одного народа нашей многострадальной земли.*

Редакция

* До1а (дуа) – молитва-просьба, обращенная к Богу.

Мы на Курской дуге не дрожали.
Мы победу Отчизне несли.
А вот те, кто оттуда бежали,
Нас отправить в Сибирь помогли.

Мы легендой военной стали,
Подávalи пример на фронтах.
Но с подачи Лаврентия Сталин
Нашу славу развеял как прах.

Белоснежных коней не дарили
Мы десанникам в черных горах.
И красавиц своих не водили
Им на откуп, в кровавых слезах.

Мы к врагу на поклон не ходили,
Не роднились, не близились с ним.
Аракою мы их не поили,
Не готовили райский им блин.

Зная это, Лаврентий и Сталин
От досады уснуть не могли.
И частенько подумывать стали
Да придумали то, что смогли.

Тот позор на чеченцев списали,
Нас предателями нарекли,
Подлецам нашу славу отдали,
Нас в далекую степь уекли.

Так знакомились мы с Казахстаном,
Объяснились, как только смогли.
Суд, чинимый жестоким тираном,
Оправдать мы никак не могли.

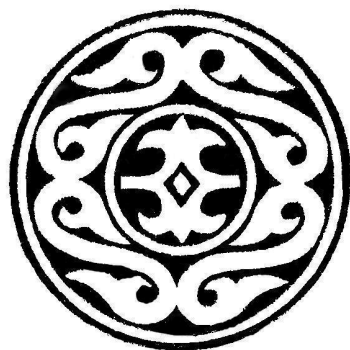
Передайте, чтоб знали потомки,
Что не мы предавали страну.
Имена наши пусть и не громки,
Но сражались мы даже в плену.

Знайте! Светлых обид не бывает.
Ущемленное сердце болит.
Кто чинил геноцид – забывает.
Кто страдал, тот не сможет забыть.

Только вам доверяем, потомки,
Боль и память загубленных лет.
Сохраните сей правды обломки,
А не то вам прощенья нет.

Год суровый – год сорок четвертый –
Будет в памяти нашей всегда.
Но и год девяносто четвертый
Нам оставил не меньше следа.

Вот такая история наша,
Несгибаемый нахский народ.
Ничего, наша жизнь будет краше,
Верю я: солнце правды взойдет.

Сулейманов Ахьмад

Тешаш дийна боллушехь...

Дагалецамаш

Дерриге а дицделлера... Дерриге а дицдинера... Цхьаь доцург.
...Мацалла яра гуобабккхина... Леш дара бераш, зударий, баккхий нах.
Цхьабарш яа сискал а йоллушехь лара, адамашка хIоттийна ирча хьал ца лалуш.
Лелийнарг а, хуург а, гинарг а дицдинера гайгIано, балано, халано... Мухха а чекхделира диъ шо.

Текхечира I948-гIа шо. Адамаш кIеззиг дуьзнера, кIеззиг сапаргIат девллера.
Гуонах гуш декхий дацара... ХIета а...

Тахана Казахстанехь, Киргизехь шегахь хилла вуон хьал хьахо ца лууш нах карабо. Изь хетачух тера ду. Амма хета-м ца дезара. «Собгахь дика хьал дара, нах мацалла леш болчу хенахь!» – олу цхьаццаволчо. Боккьалла а иштта «дика хьал» цуьнгахь хиллехь ду-кх изьхь! И «дика хьал» шашна нисдинарш а бара. Дала лардойла вай оцарех!

Собгахь а, сан доьзалехь а-м вуон хьал дара. Гонахьарчаьргахь долу вуон хьал бахьана долуш. Уггар меца а со вара, уггар хьогах а со вара, уггар верзина а со вара. Сан доьзал а. ХIунда? Лулахь а, юьртахь а, меца а, гийла а, верзина а цхьаь а волуш, цхьан а цхьаь бен вацахь а, вуьзна а, вулавелла а ца вахалора. Тешаш тахана а болуш бу. Семипалатински областерчу Урдарски кIоштахь баьхначех цхьаь дIаваьлча а, ас, нахана хеззачохь, олу: кхин цхьа теш а дIавели-кх сан! Дукха хан йоццуш тхан юьртара цхьа зуда а ели. Теш яра иза. Оьзда лаьттина а яра. Массарна а шех масал хилла. Иза а, цуьнан доьзалан да а. Саждат яра цуьнан це. Со тезета вахара. Турпалан Исех йисанарг яра иза. Кадам бина ваьлча, ас аьларг цхьа дош дара: «Кхин цхьа теш а дIаели-кх сан!» Юха бIаьрхьалха хIоьттира Сибрехяхь хилларг.

...ХIун ду а ца хууш, урам новкьахула схьавогIучу суна дуьхьалкхийтира, вуно сиха йогIуш йолу Саждат. Со гича, иза сецира. Шен коьртара йовлакх схьадаьккхира, оцу хенахь шен хилла йолу кIеззиг сира бос кхетта хаза кIажарш гучу а йохуш... Со цецваьккхира цо динчо.

– Ами! Хьайн со лолда хьан... Ами, хьайн со, йиша, лолда хьан кхин дIагIон велахь! Хьо тахана лоцуш ву хьуна. Хьо лацахь, хIокху адамаша хIун дан деза? – шен йовлакх суна тIетуьйхира Саждата.

– Саждат, хьо стенна йобхна? ХIун хилла вайна тахана?

– Коменданта Дороховс ГIобнакьин йоIана Непсина йиттина ... Тхуна а гуш. Цийн Iома чохь Iуьллуш ю... Комендатури чохь. ВогIу ца вогIу а ца хууш, цигга тIе цхьа воккха хьабкам а кхаьчна. «Хьо дIа ца ваккхяхь, хьо дуьненчуьра тIепаза ца вайахь, гIуллакх хир дац!» – бохуш, оцу хьабкамехь хьо вуьйцуш ву Дорохов... Со лолда хьан, Ами, кхин дIагIон велахь.

– Саждат, дукхьяхарг, ахь бохург дан сан бакьо яц тахана. Со ца волу ца вахча. Хьан ваша Увайс варий цигахь? Мовла варий?

– Вара. Дуккха нах бу цигахь. Вайниш. Шу сихха дIа ца довлахь, цхьацца чу а вуьгуш, ас еттар ю шуна! ДIадовла! ДIагIуо! – бохуш, тIечехаш ву Дорохов...

– Саждат, ас тахана хьан сийлахьчу йовлакхна сужда ца до! Айса хьан а, йовлакхан а сий дешшехь, цу девнна юккье ца вахача ца волу. Бакьо яц! Таро яц! Бутт хьалха ГIудин Берзан йоI гора латтий, ткьа тахана – ГIобнакьин йоIана йиттина...

«японски агресивни политика» муха хилла а... Танака мила ву а. Амма дуккха исторически а, кхин тайпа а книгаш ешна а вара; цахь ас гуллина, сан вешин йоккха библиотека а йисинера. Айса деш долчух дика кхеташ а воцуш, амма цхаммо а хьаха а ца деш, дуьне мел ду акхадевлла, картолашший, клен кенашший лехьош лела вайнехан бераш бахьанехь со «реза» хилира. Со «ишколе» балха вахара. Белхан меттиг Джуке волчу чохь а йолуш, сайна лиьча, ишкола чухула а кхерсташ, хьехархошца а, дешархошца а юкьаметтигаш а лелош. 1948-чу шеран Иаьнан каникулаш д'Айолалуш педсовет хилира. Со вара дакъалоцуш. Хьехархой казахаш, оьрсий, немцой бара. Со цхьаь, нохчо, спецпереселенец. Педсовет чекхьяьлча, ас цхьа Ювдалниг далийтира сайгара. Оцул ч'Юг'а ларлуш воллушехь. Ас элира:

– Со дика сурт дилла хууш ву...

Массо, к'ажвахана, велавелира... Да а ца боьлхуш, севцира. Ч'Юг'а забар хеттера массарна а и ас аьлларг. Суна хиира, айса Ювдалниг аьллийла. Кхин а Тетуйхира ас, вуоха а воьхна:

– Сан ши сурт Крупская ц'арахчу Халкьан кхоллараллин Ц'ийнехь а хилла. Хастаме совг'ат а ...Москвара... Тхо ц'ера дохуш а и ши сурт тхан краеведчески музейхь экспозицехь дара...

Кхин а ч'Юг'а к'ажбахана, бийлабелира хьехархой а, директор Джуке а...

– Хьовсийша, мел забарен стаг ву... Ахмет-Аг'а! Наггахь иштта тхан самукьадаккхяхь! Хьо гуттар тийна, кхольина ву. Наггахь тхо а деладе, тхьоцанний хью а вела!

...Цул т'аьхьа дикачу аг'ор хийцаелира хьехархойн соьца йолу юкьаметтиг.

– Вайна ч'Юг'а Сталинан сурт оьшура. Диллалур дарий хьобга Сталинан сурт? Дьоххург кхоор дац. Доккха сурт. К'юштахь цхьаннахь а дац Сталинан доккха сурт, – элира соьга директора цхьана дийнахь.

– Диллалур ду. Х'унда ца диллало... Сталинан сурт. Хаза а хеташ.

– Мах?

– Мах боьхур бац... Сталин суртах мах боьхур бац. Мах а боцуш... Цхьа бутт хан оьшу... Ойла ян а, цхьацца г'ирс кечбан а... Г'атта а, басарш а... Мел доккха хилча тоьар ду Сталинан сурт?

– Кхо метр лекха а, ши метр шуьйра а. К'юштан массо а хьаькам цецваккха.

– Массо хьаьким цец а ваьлла, лийр волуш сурт диллича муха хир дара?

– Дика хир дара, Ахмет-Аг'а. Диллахь а иштта доккха а, дика а сурт! Сталинан сурт. Массо а хьаькам вайх хьаьгна, лийр волуш...

Диллира «массо а лийр волуш» Генералиссимусан Сталинан сурт. Б'аьста дара иза. Ериг Нуалы юрт тхан тишчу ц'ийнан лаппаг'ина хьалхачь лаьтташ яра Юьйранна дуьйна сарралц. Сталинан сурте хьобжуш. Бераш а, зударий а, баккхий нах а, нохчий а, казахаш а, немцой а, оьрсий а, хьехархой а, завучаш а, директор а... Кхана ишколе д'адахь дезаш дара Генералиссимусан сурт. Тахана Г'юбнакьин йо'лана Непсина йиттира комендант волчу Дороховс. Иза х'инца нохчийн зударшна т'екхийда воьллера. Бутт хьалха Г'удин Берзан йо' Окки, стол т'е сахьт а, тапча а йиллина, диь сохьтехь гора латтйира... Аьлча а, латтйира, шена со т'екхаччалц. Со воьгуш ву аьлла, цхьамма аьлча, ша т'е а хьаьдда, г'атта а йина, суна ца гайта, изккхийнера, ядийтинера. «Яда! Кьайлаяла!» – аьлла! Ткьа тахана Г'юбнакьин йо' Непса яра йолхузза пенах тоьхна, корта а, юьхь а йохийна, шийлачу ценкхачь Юьллуш... Воьгу-ца воьгу а ца хууш, Бахтера схьавоьгу Семипалатински областан МВД-н талламан отделан начальник т'е'оттавеллера оцу ирчачу суртана. Амма «бехке» Ахьмад винера. Цу дийнахь шена гина а воцу, «адамаш г'иттош» волу, советийн Иедалан мостаг'а – Ахьмад. Сталинан сурташ дохкуш а, духкуш а волу Ахьмад.

Ишколехь дерриг бераш талхош волу, хьехархошна юккьехь Иедална дуьхьал агитаци еш волу Ахьмад...

– Ма гIохьа, Ами, оцу чу. Хьо бехке веш ву-кх Дороховс. Хьо цара араволуьйтур вац-кха! Оцу чохь цхьа воккха хьаькам а ву, вогIу ца вогIу а ца хууш, кхаьчна. Ма гIуохьа оцу чу! – дийхира зударша, божарша... Нукаев Увайс леррина хьаьжира соьга: чу воьду я ца воьду?! Иза Турпалова Саждатан ваша вара. Кьонаха! Могуш вацара. Кьонаха-м вара!

Чувахара... Маршалла а хаьттина, нийсса бIаьра а хьаьжна, элира:

– Стенна, хIун бахьана долуш йиттина бехк боцчу зудчунна?

– Капитан Ефименко! ХIара ву-кх ас хьуна вийцинарг. ХIокху бандито тхоьга болх ца бойту... Сталинан сурт а диллина... Зудчунна эпилепси ю. Сан куьг кхетта а дац...

– Гудаева Оккина а яра эпилепси? Ахь деа сохьтехь гора латтийначу?

– Хьажал хьо, капитан Ефименко, эладитта ду-кх шадерриг а! Кара а до хIокху бандитана ала а, кхолла а хIума... ХIара дIа ца ваккхяхь, саботаж а, провокацеш а дIаевр йолуш яц. Го дехьа суна, капитан... хIара дIаваккха... дуьненчуьра а! Со цIена стаг ву! Хьанал стаг ву!

Капитан Ефименко шекваьллера хIокхуьнан «цIеналлех» а, «хьаналлех» а.

Гобнакьин йоI Непса Дашлакьийн Идрисан горючи а, хи а кхоьхьуш йолчу стерчийн хIургона тIе а йиллина, дакъа санна, цIа яхьзира. «Заветы Ильича» колхозехь ехаш яра иза. Ас тIаьхьа а вахана, цу дийннахь заявлени а яздина Урджарски районан МВД-н начальникна – капитан Зайцевна тIехьажийра... ШозлагIчу Iуьйранна, итт сахьт доллучу барамехь сан «Сталинна» гуолецира... милицис... Районан спецкомендатуран начальнико Берлизовс, цуьнан зама. Возчиевс, кхин болчара а...

Сургана хьалхха дIа а хIоттийна, Сталинна гуш, соьга барт хатта болийра:

– Айхьа дечун ойла йой ахь? Айхьа хIун дина хаьий хьуна?

– Ас чоьга ойла йина айса дечуьнан. Айса хIун дина а хаьа. Ас вайн сийлахь-воккхачу баьччин Генералиссимусан Сталинан сурт диллина...

– Иза «вайн» вац! Хьан, аьлча, вели а вац! Тхан ву Сталин.

– Цуо тхуна а шен «кьинхетамах» дакъа дина...

– Сан бIаьргашна а гойтуш, дIахIаллакде и сурт!

– Муха – «хIаллакде» безчу механ сурт? Дуьненан меха Сталин?! Иза диллина даьлла сурт ма ду?! ДIа а хьой, райкоман, исполкоман, МВД-н хьалха дIатоха! Ас диллича а, кхечо диллича а хIун бен ду иза?

– Уничтожь на моих глазах! – хьеравелира Берлизов...

– Дагаде ас, хьаштагIчу кхосса ас баьччин сурт? Муха?

– Хьайна луьург де! Охьадохадел! Охьаатал! Сихло!

– КIант, хьайга боххург диехьа! – элира нанас а, вашас а... массара а.

– Сайга бохург дан сакIамделла, хала садетташ со суо а вара. Чоьга хазделлера сургана тIехула цхьа «хаза» дастаме дешнаш язда! Цул тIаьхьа хьаштагIа чу кхосса...

«Маржа яI, боцу ницкь!? Ас хIун де? Сан халкьан дегIах яккхий, дера чевнаш ю... Со цу чевнийн даьIнаш лайна – сайн бIаьрхишца уьш дуьлуш ву!»

– ХIара сурт ас дохийча, жоп хьан лур ду?

– Жоп ас лур ду! Дохадел иза! – элира Берлизовс.

Лакха йистте уьрсан мIаьчиг Iоьттина, кIеззиг датIа а дина, ас гура чуьра хурашкин ах, цхьа бIаьрг, ах мекх а оьккхуьйтуш, охьадатIийра сурт... «Нас вырастил Сталин...» Шина бIаьрган юкь, батт, мара, чIениг йоккхуш важа дакъа а схьайицира... «на верность народу».

Хурашкин важа ах, мекх, бIаьрг оьккхуьйтуш, охьайицира кхозлагIа дакъа а. «На труд и на подвиги нас вдохновил»... Гимнан могIанаш а доьшуш, сурт

датийра ас. Кхо дакъа а дина, и кийсакаш нене дѣаелира:

– Йоѳана аганан партал елахъ хѳокхарех... Зайнап яра и «йоѳ». Нанас суна схѳакхоѳсира. Тѳаккха:

– Сайга хоттуш хилахъ, капитан Берлизов, ас хѳо дѳалур ву-кх хѳокху гѳуллакхна бехке вина ... – элира.

– Нам надо бежать! – мохъ белира цхана милиционеран. Дукха сиха машен чу а хевшина, уш дѳатилира.

Шозлагѳчу дийнахъ уггаре лекхара хѳаѳкам веара. Капитан Зайцев вара иза. МВД-н начальник. Билгалаваѳлла со «дукхавезаш» вара. Суна ша а мавеззара...

– Мичхѳа ду сурт?

– Суртах дисина дакъош хѳорш ду ... – дѳагайтира ас, сахиллалц жимачу йоѳа тѳехъ шен хирг дина йолу Сталинан суртах хилла дакъош. Уш, хи чу а хѳакхийна, якѳо тѳийриг тѳе хѳалаоѳхкина кхозура массарна а гучохъ, арахъ. Сталинан батт хиллачохъ даѳккхина горга гѳуѳрг дара «хѳаштагѳна», аѳлла. Кхеравелла, хѳеравалаза висира воккха хѳаѳкам а. Дукха сиха шен машен тѳе а хиѳна, кѳур баѳхѳира... Йоѳ аганара хѳалагѳатталц, аганан партал йина лелиѳра и кийсикаш, амма и кхо дакъа кхин доха а ца деш, ваѳшта диллича, «Сталинан» сурт а нислуш, лелиѳра, тѳелхиг довллалц.

Иштта чекхѳелира дуѳххѳара а, тѳаѳххѳара а ас диллинчу «сийлахъ-воккхачу баѳччин» суѳртан истори. «Сталинна тѳе бехѳелла йоѳ ю хѳара!» – олура и гѳуллакх дицдаллалц тхан йоккхажѳолчу йоѳана. Иза а дицду-уш дѳа дицделира...

Оцу гѳуллакхан тешаш хѳинца а болуш бу. Ткъа Сталин? «Дерриг дуѳненан кѳинхѳегамхойн сийлахъ-воккха баѳчча?» Иза вац. Воцуш а, кхин хир воцуш а дика а ду! Дала лардойла вай! Делан мостагѳа, халкѳийн мостагѳа, Дуѳненан мостагѳа вара иза.

В холодных объятьях
казахских степей.
Их светлые души, привыкшие к боли,
К той боли, что делает ближе,
родней.
И наше великое общее горе
Сплотило нас вместе,
как пальцы в кулак.
Нет, мы не делились на разные тейпы –
Мы были друг другу и брат и кулак.
В холодных сырых
деревянных бараках
Мы жили по восемь, по девять семей.
Свиристествовал голод,
болезни косили
Измученных и истощенных людей.
Терпя униженья и несправедливость,
Гонимые ложным злословьем вождей,
Мы выжить сумели
как род человеческий,
Не став обозленную стаей зверей.
Забутые всеми – и Богом, и властью –
За что нас судили
в тот проклятый год?
За что мы смогли провиниться
так страшно?
За что истребляли тебя, мой народ?
Когда на глазах у детей убивали
Отца вместе с матерью,
злбно глумясь;
Когда стариков, не щадя, добивали,
Седин благородных их лет
не стыдясь.
За что провиниться успели младенцы,
Что к матери льнули
и к теплой груди?
За то, что чеченцы, за то,
что чеченцы,
За то, что чеченцы, убиты они.
Никто не забыт и ничто не забыто!
Но много ли можно словами сказать,
Когда от бессилия высохли слезы
И не было сил, чтоб от боли кричать?
И даже земля, обессилив, молчала,
В крови захлебнувшись
и в горе людском.
Она, словно мать, что дитя утешала,
Спеша, открывала
усопшим свой дом.
А сколько осталось их
непогребенных,
Не знает никто. Но души их бранные
Стенают и бродят по тропам в горах,
Где, сожженный заживо,
стонет Хайбах.
В своем бесконечном
хожденьи по кругу,
Им нету покоя и в мире забвенья.

Они вновь и вновь
это утро встречают,
Безмолвно прося друг у друга
прощенья.
«О память! – воскликнул старик,
оглянувшись, –
Тебя невозможно убить и отнять.
Ты вновь бередишь
незажившие раны,
Двух жизней не хватит,
чтоб все передать.
Все то, что мне душу терзало годами,
Тебе, отчий дом, я хотел рассказать.
Моя колыбель, что меня согревала,
Тебе ль суждено мне убежищем стать?
Ты помнишь меня еще
отроком юным.
Ты помнишь тепло моего очага.
Я бредил тобою те долгие годы,
Живя под клеймом изувера-врага.
А стены стоят, даже крыша осталась,
И окна – подобье глазниц без лица.
Здесь все говорит, тишину заполняя,
Здесь тени похожи на мать и отца.
Они не дожили до встречи с тобою,
Я их схоронил еще в сорок шестом.
И даже в предсмертном
порыве сгорая,
Они вспоминали тебя, милый дом...»
Старик говорил, а душа зарыдала,
В ней долго томилась молчания боль.
И слезы ручьями из глаз побежали,
Его отпуская из плена на волю.
Отцовская сакля давно опустела,
И полуразрушен холодный очаг.
Лишь ветер-бродяга, в окне завывая,
Вторит голосами, что в сердце звучат.
Он поднял глаза
к потемневшему небу
(Покоя и мира блаженный причал!),
Раскатами грома земля задрожала,
И, слушая небо, старик замолчал.
И черною птицей над ним
закружился
О прожитой жизни
несложный стих.
Он долго сидел, размышляя о прошлом,
И так же, задумавшись, молча затих.
И пусть никогда не забудут чеченцы
Тех горестных дней,
что постиг наш народ.
Людскою молвой будет
полниться время,
Он, прошлое помня,
тогда лишь живет.

Мацаева Асма

Сийлахьчу кӱинхегаман турпалхо

Хӱора а адаман дахаран цӱарах беца и кхоллам. Дӱахьаьжча гуш ерг бӱаьрго доза лоцур доцуш байн аре хиларх, и бай а беца дуткӱачу хелагех лаьтташ. Иштта, тайп-тайпана кхолламаш болчу адаманаш юьзна дуьненан овгал. Цхьаь хьобсту кхолламо, важа чехаво. Къаьсттина, вайнехан зударийн кхолламаш хилла, дахаран муьрехь нислучу кийсагашца дуьстича, хала а, чолхе а.

Дашочу кӱоламца хӱораннан а кхоллам дӱаязбеш, Дала ша хадийна адаман дахаран лакхенан мах, иза шен кхолламан лорах ваха кӱобалвеш. Адаман кхолламан мухӱар тухучу седано шен лаамехь, я лаамаза чолхечу дахарна векал йина, дуьненан хьесапехь алссам яккха хан елла дуьненчу еана Заводской кӱоштахь Кировн цӱарахчу поселкехь ехаш йолу «Сийлахьчу кӱинхегаман турпалхо», 1925-чу шарахь йина Абдулаева Арубика. Иза ю бӱе эзарнаш вайнехан зударшца, церан кӱизачу кхолламан дакъа декъа еанчех цхьаь.

1944-гӱачу шарахь, Таьнан уггаре луьрачу муьрехь, шен орамций дахар хадош, нохчийн къам махках доккхуш, Арубикин хилла ткъаяссана шо. Шуйта кӱоштахь, Чолхунчу олучу кӱотарахь йина а, кхийна а йолу йоӱ, кхечанхьа, кхечу шаьбарашкахь кхиниг дахар хилар цахууш, ша ирсе хеташ яьхна ша махках яккхалц. Кӱотарна Чолхунчу цӱе тиллар доьзна хилла «чалх» орам тӱера схьаэчна. Луьста коьллаш, уьйтӱахь хьаьмцаш, стеш, коканаш, элхьаьмцаш, хьармакаш долуш, хьалахьаьжча стиглах баххьаш хьекхалуш лаьттачу пепнаша гуо бина, чекх са гуш, гӱар-гӱовгӱане догӱу шийла шовданаш муьтӱлуш, шегӱа дан вон дарий хьовха хӱокху хазачу дуьненахь, аьлла хеташ, Таламан исбаьхьаллех ийна самукъане ехачу йоӱана-м ца хаьара и ирча бакъдерг довзуйтуш, кӱизаллех боьттина мохь бохьуш еьна лаьтташ кхане хилар. Таламо шен рогӱехь, карахь болчу ницкӱаца ялийнера, дегӱах чекхьуюьйлу морса шело, ирчачу кхоо адамийн дахьийнчу дегнаш тӱера гӱаьттийча санна.

Маьркӱажехь, могӱарерачу бахархойн хьанал пхьор кечдина Арубикин нанас Аьлбикас, шен доьзал шуьнехь гулӱбечу хенахь, неӱ ца тухуш чубаьхкира боху Арубикас кьона салтий, шайца цхьа эпсар а волуш, шаьш буьйса йоккхуш совцуш хилар хӱокхеран неӱ-сагӱехь лаьтташехь дӱа а хоуйтуш. Арубикин нана Аьлбика йоьхна хьийзачу хенахь, воккхах волу кӱант Абоязид чохьха ваьллера, кхайкхазчу хьешийн лорах вогӱуш санна. «Ва кӱант, ахь балий хӱара хьеший?» – олуш, ша йоьхна хилар хьулдинера кьоначу нанас. Юьхь-сибатехь гӱехьха бос тӱе а богӱуш, синтете хилира боху, ткье ялх шо бен доцучу кӱантах верас вина Таш йолу Аьлбика. Амма чолхечу замано хенал хьалха воккхалла тӱетеснера цунна, да дӱакхалхар бахьанехь. «Йоха ма йохалахь, нана, хир ду бохуш дийцинарг ду тахна вайн кьомана тӱедеанарг. Хӱокхул тӱаьхьа и даьхни а, хӱара бахам а вай пайда оьцур боцуш буьсуш бу. Дӱаелла божалийн неӱарш, дӱахеца даьхни а, дихкина жӱаьлеш а. Карахь схьаэчна мижарг карор бу вайна», – аьлла, доьналлах ца воха гӱерташ дӱахӱоьттинера Арубикин Абоязид. Ткьа, ша-м хьийзара боху Арубикас, хиллачух кхоччуш кхета ницкӱ ца тоьуш, ойланаш дуьне мел ду екьаелла, шерашкахь гулдина рицкӱа эрна арахь охьакхобьссина, паналлехь дахар дилла деза бохург хӱун ду бохуш, юх-юха а хеттаршка юьйлуш. Божалашкахь дустуш-кхобуш лаьттина стерчий, узуш долу хьелий, хьуьнан юккьахь бехачу хӱокхарна, лаьттан кьоьлла цахиларе терра, генара хьун схьалаьчна ирзо даьккхина йинчу жоьли чохь жа, хьанна дуьтуш ду хӱара дерриге а, – бохура кьоначу йоьлан даго.

Кӱеззиг рицкӱанах а кхетта, баьхкинчу салташа къамелехь шогалла йоцуш, Арубикин вешига йийцина харц политикийн, цхьана а стеган хийца ницкӱ боцу мекара Талашо. Иштта дӱайолаелла декъазчу дахаран хьалхара юьхьиг. Абдулаева Арубика цу муьрехь хьалхарчу классехь хьехархо хилла. Илманна тӱехь бен бух болу дахар кхолла йиш цахилар хууш волчу Арубикин дас

Абдулаева Арубика Абдулаевна.

– Дурдаев Іабдулас шен бераша доьшу агІо лехна цу халачу хенахь а. Хъанала рицкъа лохуш, даьхни а, латта а лелош, доьзалехь шайгара чорда къамелаш ца хозуьйтуш, бертахь даьхна Арубикин да-нана.

Нахана «дурс» аьлла хеташ, хьакь доллуш ша лелочу морсачу мекхийн сий доььур доцуш, вуьззина къонах ву олуш хилла цуьнан да – Дурдин Іабдулла. Цу хенахь парторг хилла иза, ткъа Арубики нана, Инаркъин Аьлбика, схьадллина КъурІан санна, комаьрша, даржийна куьг долуш ю олуш, цѐ яхана хилла. Кестта дезткъе ялх шо кхочуш йолчу Абдулаева Арубикас, тахана санна, массо хІума дагадогІуш, дуьйцу дахаран шогачу кийсакех а, кѐззиг дахаро Іехийна, дог делош еана хиллачу заманах а лаьцна.

– Вайн къам дохийначу хенахь, массо хІуманна куьйга-бакъонаш яйбина, адамаш адамаллийн хьесапера даккха лууш хиллачеран луур цадалийта, Гора дайна ша-ша ца гайта тІаьхъара ницкъ схьалахъийна, гІамаршлахь Іохкучу мехкашкахь дехачу хийрачу къаьмнашна хьалха йохъах цадохар коьртаниг лерина вара хІора а нохчо, – бохура Арубикас. – Делахь а, нохчийн къам Іедална дуьхьал хилла боху инзаре харц цѐ тІехь кхоьल्लीна, шаьш дІакхачале хьалха силадолу къам сийсаздеш хадийна лахара мах болуш, цу бухахь долчу къаьмнийн бІаьрг бузош, дахаран дай хила хала хир дуйла хаьара массарна а, – бохура цо. – Вайнехан гІиллакхаш шайна девзинчул тІаьхъа: «Ма харц хилла шух лаьцна дуьйцуш тхуна хезна къамелаш», – бохуш, чІогІа цецдуьйлуш, шайн таро- аьттоне хьаьжжина, гІо дан а гІерташ, хийрачу махкахь яккха йоьгІна хан чекхъяллалц бертахь чекхъяьккхира шаьш и хан бохура вайн турпалхочо Абдулаева Арубикас.

Дуьненан хьесапехь, са долчу хІуманна уггаре халаниг лерина мацалла. Иза лан хала яра, кхидІа а дуьйцура йоккхачу стага. ХІинца рицкъанах, хьолах доьллачу цхьадолчу адамаша: «Наха хало лайра, тхо-м мелла паргІатонехь дара», – баьхча а, оцу кхаа-беа баттахь дера мацалла лайра массара а. Шех лаьцна дош олуш, цхьан йисина, шен гергарчарех, нийсархойх хаьдда Іачу Арубикина лиира шен йиша-ваша хьахо. Шаьш цѐра дахале Шуьйта кІоштахь исполкоман председателан даржехь болх беш воккхаш волу ваша Абдулаев Аюзид а, Сийлахь-боккхачу Даймехкан тІамехь дакъалоцуш дІакхелхина шолгІа ваша Абдулаев Абу-Муслим а, иштта доьзалехь уггаре хьоме хеташ жиманиг ваша АбутІахІир а, иштта озда йиша а дара шаьш бохура цо. Харц политика тІехь бух боьттина, кхолламо цхьана ханна шаьш зиэн даржаш деллий хаа кхетам боцуш, хьере бирзинчу политикаша, къызачу кхиэлан кІел куьйгаш яздина, Дала шайх тешийна къам, тешнабехк бина, хийрачу мехкашкахь чемхелгийн хьесапе дигна Іачарна-м ца хийна шайна цкъачунна гуш ерш самукъане гІан-набарш юйла а, бекхам боцуш хІуммаь ца дуьсийла а. Іедална дуьхьала даьлла, эскарехь декхарш кхочушдан реза цахиларна хьакь доллу таІзар ду нохчийн къомана динарг, бохуш, массо маьШехь харц идеологи яржийна дІахьош, шайн даржаш бахъанехь дуьненан дай шаьш хетачаьрга, ца яьлла ладоьгІуш, къайлах саетта хала хилла Арубикина.

Кхетам лахара болуш, эскарехь гІуллакх дан ваха чухъаьдда воцуш, цхьацца верг ваьлলেখь а, цу хенахь, 1939-чу шарахь, шен лаамехь эскаре а вахана, 1941-чу шарахь баьллачу Сийлахь-боккхачу Даймехкан тІамехь мостагІна дуьхьала тІом бинчех цхьаь шен ваша а волуш, Арубикина лан хала хилла, оьрсийн къоман басахь доцуш шайн цийх латта хьандинчу нохчийн къоман кегийрхойн пусар цадар гуш. Амма тІаьхъарчу тІаьхъенаша цхьана заманахь шаьш лайначу

къизаллийн мах хадош, сий айбаре сатийсина вайн бӀаьхоша. Дагахь а доцург тӀехь а кхоьल्लीна, махках яьккхина, корталех шад бина схьаэчна карахь кегмерса межирг боцург хӀума доцуш, холчарех некъ юьхьарлаьчна, бӀе эзарнаш адамашна юкьахь, мискачу дахарна векал йина Арубика хьаналчу кьинхьегаман хьаьттахь кьахьега а, мостагӀашна дуьхьал кьийсамаш латточеран могӀарехь хила а реза болчу доьзалера ша хилар хоуьйтуш, мел яккхийчу халонаша ког тийсарх, кьар ца луш схьаеьна. Арубикин жимах волу ваша меттахь висина, цунна кхеттарг лен цамгар юйла а хууш, шениг бен куьг ца товш волу ялхийтта шо дуьзна, кхиьна вогӀу ваша лелош, цул сов, ялта лелочу хьаьттахь бен болх бита йиш йоцуш лелла иза. Цул тӀаьхьа дукха хан ялале дӀакхелхина Арубикин ваша, ткьа йиша муьлхачу махка кхаьчна ца хууш, хан яьккхина Арубикас. Дикка хан елира иза шена гергарчарах дӀа ца кхеташ.

Халонаш ловш, цьхамогӀа шераш дӀаихначу хенахь, Делан йоза а тоьлла, ДегӀаста юхадерза бакьо яларх ца тешаш, ца еана Абдулаева Арубика. Лайна халонаш йицлур яц, валаза висинарг кханене кхийда. Арубикас лекхачу лаьмнашкахь Гуьллучу Итумкхаьлла олучу юьртахь.

Иаламо зудчунна тӀедехкинчу декхаршна инкарлонаш ца еш, цхьайтта доьзалхо дуьненчу ваьккхина Арубикас. Амма царах ворхӀ доьзалхо Делан кхиэле дӀавирзина. Алссам вонашна ков делла дезначу зудчо хастам бо шен кхолламна реза хуьлий. Юкььерачу ишколан библиотекехь болх бо Арубикас. Шуьйта кӀоштан райкоман хьалхара секретаран даржехь волчу вешера Абдулаев Абязидера гӀо хуьлуш кхийна цо шен боккха доьзал. Иза дагавогӀучарна хаьа, шен даржах куралла ца еш, хьаналчу рицкьанх тоам беш, сонталла йоцуш волчу цо шен доьзалехь а, и гӀиллакхаш кхийна хилар. ГӀиллакхах, кьинхетамах, комаьршаллах, оьздангаллах гӀа-бацал дукха дийцарх, и адам цу агӀонийн охӀла дацахь, эрна ду бохура Арубикас. Цу тӀаьхь цхьа масал далийра цо. Краснодар гӀалахь кьона эскархой Ӏамош, лакхарчу эпсараран даржехь а волуш, Мохьмад-Сани бохуш кӀант вара шен, карахь герз даьлла валар хилла цуьнан бохура йоккхачу стага. И вара доьшучохь а, балхахь а шех дозалла дайта хууш жима стаг. Оьрсийн хьехархошна чӀогӀа дукхавезара дешарх кхеташ волу кӀант, шайца нисвора Илма довзарна тӀехь. Цхьаь санна, массо предметах дика кхеташ, дашо мидалца итт класс а, тӀаккха лакхара тӀеман академи а кхиамца чекхьаьккхинера цо.

ХӀинца санна, дукха ца хуьлура хӀетахь адамийн кхалхарш хӀетахь. Адамо, шега деана вон санна, тӀеобьцура хийрачу стаге деана вон а, дуьйцура Арубикас. Пондаран аз ца хозуьйтара, кегийрхошна шайна хаьара ловзар а, синкьерам лулахь хила йиш йоций, хийрачу нахе деанчу вуонан дакьалоцуш. 1975-чу шарахь, октябрь беттан ялхалгӀа терахь дара марха досту де а, дуьненан долара а ваьлла, тӀаьххьарчу хӀусаме Арубикас шен кӀант Мохьмад-Сани дӀаверзаво де а. Цу воне схьаобхучу юьртахоша шайн чохь мерза даар ца кечдина шаьш, дукха холча хӀиттина бохуш. «Иштта соьга деанчу вуонан оцу наха дакьалацарна, доьналла доьссинера соьга оцу адамашна дуьхьалийила», – олуш, йоккхачу стеган бӀаьргех хи делир, Итумкхаьлларчу наха шеца лаьчначу гӀиллакхан доккхачу дозаллица мах хадош. ХӀан-хӀа, и дацара оцу нехан Дала динчунна реза ца хилар. Шайца нийсса кхиьна ваьлла дикачу кӀантах хаьддачу ненах кьахетар дара. Шен кьамел дерзош Арубикас элира: «Кьортаниг – шайн дахарехь хьанал доьзал кхиор а, махкана ша пайдехь хила аьтто бацахь, зуламе мукьана цахилар а ду».

Разида Эрсеной

Спецпереселенцы

Повесть

Часть I

В изгнании

Эта повесть началась давно, лет двести, а может, и больше назад. Но напластования времен, событий делают невозможным отделить то, что было, от того, что есть и что будет: сегодняшний образ жизни, склад души, манера мышления и поведения зависят от того, что было до тебя, от того, что будет без тебя, хотя человек это не осознает в своей повседневной жизни. Итак, это летопись жизни о времени, равнодушном и жестоком, отнявшем у человека всякое понимание смысла происходящего с ним, вокруг него. Это история жизни изгоя – человека, изъятого законом из общества, поставленного вне общих законов государства. Это повесть о несостоявшейся жизни, искалеченной жизни многих поколений чеченцев, вехой которой стало 23 февраля 1944 года.

Глава 1

Детство Маржан началось со снов. Повторялись одни и те же сны. Их было три. Поле с выступающими холмиками. Она видит себя – едва поспевает за тетей, хотя та крепко держит ее за руку: Маржан чуть ли не подпрыгивает, так как рука тети почти над ее головой, и оглядывается по сторонам. Маржан совсем не страшно: здесь все свои. Только ноги часто путаются, она ставит их неловко, наступает на комья земли. Но она не смеет заикнуться о том, что устала и не может идти дальше. Если бы она доставала хотя бы до карманов тети или если бы та взяла ее на руки... но Маржан боится тети Рукет, ей не до Маржан. Когда ни обратишься к взрослым, они посмотрят молча и ничего не ответят. Только когда заплачешь, спросят, что случилось. Даже когда сама не знаешь, что с тобой, но хочется спать, ноги одеревенеют, или живот болит, или еще что-нибудь, когда не можешь подняться с постели, хотя знаешь, что надо встать, а то скажут «лентяйка» и отругают, что не встаешь, – не верят, что не можешь встать, и только потом начинают шепотом говорить друг другу: «Она заболела», а затем заискивающим тоном начнут спрашивать: «Хочешь это, а хочешь вот это?» Нет, тетя Рукет отругает, если захнычешь. Хоть бы скорее кончилось поле. А полю ни конца, ни края, тетя Рукет все показывает рукой то в одну сторону, то в другую: «Здесь лежит Альви, а здесь Шамиль. Вот здесь Киса. Бедная Киса!» Тетя расплакалась и не может больше показывать. Зачем они идут, куда – Маржан не знает.

Печальное их шествие неожиданно прерывается. Маржан просыпается, видит какую-то стену, удивляется, куда делись могилки, не может понять, где она находится. Через несколько минут до нее доходит, что это было во сне. Опять вчера наслушалась рассказов, как ехали. Зачем они ехали? Чтобы хоронить родных и плакать? Кто им не дал жить «дома»? Почему они все время говорят «дома, дома»? Разве здесь не «дом»? Нет, они «домом» называют что-то далекое. Какой он, интересно? Почему все умирали, когда они ехали? Что это за Дарбаза? Там остановились, потому что много было мертвых. Нет, лучше другой сон, но он так редко снится, когда они вечером после ужина рассказывают что-нибудь хорошее: из жизни там, дома. Вот там было интересно. Они ходили друг к другу, ездили даже в другой город. А здесь

нельзя. Дадут маме разрешение поехать в Аральск? Ведь там все ее братья и сестры. Я тогда наконец увижу своего дедушку. Какой он, интересно? На фотографии он в странной одежде, поперек груди много-много кармашков, а усы у него большие-большие, наверно, колючие. У папы тоже усы, но не такие длинные, как у дедушки. И папа не носит такую высокую шапку, какая у дедушки на фотографии. Как там, интересно, у дедушки? Когда первый раз получили письмо от него, все почему-то плакали. Там песок, говорили, кругом песок. А здесь хоть похоже на Кавказ, говорят. Деревья, говорят, такие же, как там. Тогда какая же разница? Почему они только и говорят о доме?

Как всегда, после такого тяжелого сна Маржан долго не могла встать. Она несколько раз пытается встать и снова опускает голову на подушку. Мама теребит ее, но так хочется поспать. Теперь, когда все встали, сестры ушли в школу и никто не подпирает бок ни слева, ни справа, можно поспать по-настоящему – одной, на всей постели. Маржан опять погружается в сон. Опять могилки, они уменьшились до размеров Маржан. Их обходить легче. Тетя Рукет говорит: «Здесь маленький Шамиль. Сейчас ему было бы столько же, сколько тебе», и вдруг образ тети исчезает. Маржан стоит среди могил. А голос говорит: «Ты могла бы лежать здесь. Ты могла бы лежать здесь...» Маржан стало так страшно, что она захотела крикнуть, но что-то сдавило горло... В последний момент, когда, казалось, что уже умирает, она проснулась. Маржан проснулась от резкого толчка, спасшего ее от кошмара. Мама встряхивала матрац, лежавший на полу рядом.

Дом, в котором жила Маржан, назывался «директорским». Это было большое добротное одноэтажное строение с двумя выступавшими вперед флигелями. Слева от дома, отгороженная бетонным забором, была распределительная площадка нефтебазы с черной от керосина и бензина землей и вечно стоящими в ряд машинами, дожидаящимися очереди для заправки. Прямо от дома, на расстоянии двухсот метров, была проходная. Справа от директорского дома были бараки, в которых жили рабочие, а за бараками баня.

В директорском доме три квартиры. В правом флигеле жила семья главного инженера Потапова, в левом флигеле – семья Катьки, дочки механика Крылова. В центре дома была четырехкомнатная квартира директора.

Отец Маржан был необычный директор. Все замечали это, и Маржан было неприятно, что их семья не была похожа на директорскую семью. Они были такие же, как все, и жили бедно. Маржан вспомнила сторожа нефтебазы, дедушку Катьки, всегда как-то странно улыбавшегося, вспомнила, как он со смехом говорил: «Директорская дочка», когда она проходила через проходную. И она мысленно пыталась доказать, что ничего смешного нет в том, что они живут бедно. Маржан самой хотелось бы иметь еще платье и не бегать целый день босиком. Конечно, это правда, что у них пустует комната, самая большая, зала. Но это еще хорошо, что с ними живут еще бабушка Лука, Рукет и ее дети, троюродные сестры Маржан: Сацита и Йисита. Хорошо, что когда отец вернулся с фронта, его прислали сюда. Ахмада как раз посадили. Куда бы делись бабушка Лука и все они? Они живут в комнате справа по коридору, а мы слева. Нам хватает двух комнат: в одной папа с мамой, а в другой спим мы: Зара, Лала и я. А когда Лала уходит ночевать к Марем, к своей родной сестре, которая замужем, тогда бывает больше места. Да и угля не хватило бы, если бы жили еще и в зале, в большой комнате, в которую вел коридор. Она всегда закрыта, там очень холодно, а за большой голландской печью в углу слева от двери стоит корыто с сухарями. Это для овчарки, охраняющей нефтебазу. Туда даже заходить нельзя. Мама говорит, что там, на Кавказе, у нас тоже имелся большой дом и все-все было. Неужели все было? Мы же чеченцы. У Гиги ничего нет. У Зарган тоже ничего нет. Только у дяди Салавди, мужа Марем, все есть: и столы, и кровати, и ковер с лошадьёю на стене, и картина, где девочка на веранде держится за перила и смотрит на красивую женщину на лошади. У них так хорошо. Они угощают печеньем, у них всегда бывает настоящий калмыцкий чай, с молоком, а у нас без молока, и он такой горький,

а с молоком бывает редко. Мама говорит, это потому, что у них дядя Салавди и Малкан работают. Неужели чеченцы жили по-другому, и у них все было? Не может этого быть. Катькин дедушка говорит: «Вы известные головорезы, вас давно надо было не выселять, а расстрелять!» Почему он так ненавидит нас? А вот Филипп Иванович и Марья Петровна, бухгалтер и его жена, очень хорошие люди. Они никогда так не говорят. Когда они приходят в гости, всегда что-нибудь приносят, всегда погладят по голове и смотрят очень хорошо, а когда вспомнят о Катькином дедушке, говорят: «Матвей Захарович дурной человек. Не обращайтесь на него внимания».

Маржан очнулась от размышлений и подумала: «Надо скорее встать». Она встала, прошла, было, к умывальнику, но умываться неохота. Она с тоской посмотрела на стол с заброшенной на посуду большой салфеткой.

С утра ей всегда хотелось есть. Ели в семье один раз в сутки – вечером, когда все собирались дома. Тогда и готовили. В другое время ели что придется, в основном пили чай с хлебом и сыром. Это был даже не сыр, а брынза. Брынзу замачивали в соленой воде, и рассол использовали в качестве соуса. Это называлось «нехч-берам»¹. Сладкий чай, хлеб, берам и лук составляли еду почти всех чеченцев. Готовить что-то другое днем не было ни средств, ни времени: женщины шили днем и ночью фуфайки, бурки², одеяла и в базарный день продавали, так что им было не до детей. Дети, как правило, были предоставлены самим себе. Старшие нянчили младших. Лишь вечером, когда все собирались дома после дневных поисков средств к существованию, взрослые обращали внимание на детей. Готовили поздно вечером. Маржан слушала разговоры старших, но часто не дожидалась ужина. Она не выдерживала и уходила спать. Забиралась в комнату отца с матерью и ложилась на мамину кровать, так как общую постель для детей еще не стелили. На маминой кровати, хотя она была не менее жесткой, чем общая детская постель, спалось легко. Маржан засыпала. Временами сквозь сон до нее доносились голоса из общей комнаты. Иногда во рту появлялась слюна, стекавшая из уголков рта. В это время ей снилось, что на полу расстилают скатерть, на которой раскладывались всевозможные кушанья, какие, она толком и не знала, просто видела изобилие еды, разнообразной и аппетитно выглядевшей. Весь сон уходил на наблюдение, как раскладывают еду; длилось это, как всегда, долго, и в момент, когда надо было приступить к еде, Маржан просыпалась. Осознав, что это был сон, она снова засыпала. И тогда ее теребили сестры: «Иди кушать, опять легла спать без ужина!» Иногда ее оставляли в покое, когда она слишком упиралась и не открывала глаз. Но чаще заставляли подняться и, ежась от озноба и плача, она плелась на кухню, сердитая и недовольная. Поев, приходилось снова ждать, когда же расстелют постели. Но сначала надо было все убрать: одна сестра мыла посуду и вытирала ее, другая протирала пол. Затем был чай, за которым рассказывали о жизни «дома». И только после чая старшая сестра шла стелить постель, а младшая мыла чайную посуду. Наслушавшись рассказов о «райской» жизни там, Маржан шла спать. И ей часто снилась эта жизнь. Она идет по улице, подпрыгивает и срывает с веток абрикосы, вишни, и никто ее за это не ругает, никто не обращает внимания. Когда просыпалась, она думала: «И это есть Кавказ? Что особенного? Здесь тоже по дороге растет урюк. Конечно, персики, груши растут за забором, но там живет узбек. Он бьет, когда у него в саду рвут персики. Но на улице полно урюковых деревьев, рви урюк, сколько хочешь. Он все равно никому не нужен, падает на землю, его топчут прохожие».

Мать все не появлялась. Сестры рано утром ушли в школу, и матери все приходилось делать самой.

Когда пришли сестры, они все вышли во двор, расстелили на земле палас, положили на него старое хлопчатобумажное одеяло, сели и стали чесать свалявшуюся верблюжью шерсть из распоротых теплых одеял. Выстиранную

¹ Нехч-берам – сырный соус.

² Бурки – стеганные ватные сапожки. Носились с резиновыми калошами.

шерсть, свалывшуюся в комки, доставали из поставленных около матери и всех сестер мешков и растягивали пальцами комки шерсти, превращавшиеся таким образом в распушенные легкие воздушные комья. Эти бесплотные воздушные шерстяные комья клали на одеяло впереди себя. Вскоре получилась гора расчесанной верблюжьей шерсти. Ее положили в мешки и унесли в дом, встряхнув палас. Все вернулись в дом. Дети зашли в детскую, которая была рядом с кухней.

Неожиданно пришел отец, а следом за ним шла Марем и громко причитала: «Какая беда, что же теперь будет? Неужели никто не поможет? О Аллах, где твоя справедливость?! За что нам еще и это испытание?» Маржан стало жалко Марем, у которой случилась беда, и она застыла на месте, не зная, как ей помочь. Слышались всхлипывания матери.

Дверь отворилась, и вошла Марем. Глаза ее были заплаканы. Она позвала детей на кухню. Там уже была разостлана на полу скатерть и разложены тяжелые серебряные вилки и ложки и белые полотняные салфетки, впопыхах захваченные почему-то матерью при выселении. Этими вилками трудно было кушать, и Маржан завидовала всем, у кого были обыкновенные легкие вилки и ложки.

На скатерть было поставлено большое старинное деревянное блюдо, полное дымящихся галушек, по краям его было разложено отварное мясо и большие розовые картофелины. В центре подноса была общая пиала с чесночным соусом.

– Какая вкусная картошка, – сказала Марем, – такая разваристая.

– Да, лучший сорт. В этом году на нефтебазе для работников дали участки под огороды, – сказал отец Маржан. – Вот она, – отец показал рукой на мать, – посадила картошку. Пять мешков собрали. Один мешок дали семье Ахмада, один Зарган, вам дадим один, и нам останется два.

– Нет, нет, нам не надо, – поспешно ответила Марем. – У нас тоже есть участок. У нас же двое работают в техникуме, нам тоже дали участок.

– Ну, хоть два ведра возьмите. Эта картошка так похожа на нашу, шалинскую.

– А откуда мясо?

– Саид принес. Он уже знает.

При упоминании о случившемся у Марем застрял кусок в горле. Отец заметил это:

– Кушай, Марем. Что бы ни случилось, надо продолжать жить. Ты сама это знаешь. Вы перетерпели больше, когда вас везли сюда. И это переживем, даст Аллах.

Марем заплакала:

– Кто же этот человек, который донес на вас, дядя? Что вы ему такого сделали? За что он так? Ведь вы коммунист, офицер Красной Армии, награды имеете, всю войну были на фронте. Разве можно такого человека снять с работы? Всего второй год, как вернулись, разыскали нас, привезли сюда. И теперь такое...

– Я чеченец прежде всего, – сказал отец Маржан. Он не хотел говорить о том, что произошло на работе, но к Марем он относился почтительно, потому что она рано повзрослела, пережив тяжелые испытания при выселении, потеряв отца-инвалида, мать, братьев, умерших от тифа в дороге. После недолгого молчания отец продолжил: – Но я коммунист и честный коммунист. Я не присвоил себе ни одного литра бензина или керосина. Мне говорили: «Дурак ты, Максалмин, у тебя целая нефтебаза, а ты живешь, как святой. Мог бы зарабатывать на жизнь по-умному, продавая керосин понемногу, незаметно». А я не могу это делать и сплю спокойно. Я знаю, что, приди ко мне в любой час ночи, разбуди, и я отвечу на любой вопрос. Я хочу спать спокойно и иметь то, что дает мне государство.

– Тогда почему же вас сняли?

– Сказали: спецпереселенец не может быть на руководящем посту. Мне говорили в прошлом году, что будет переучет переселенцев, ведь многие не

доехали и умерли в дороге, а многие умерли уже в пункте назначения. В этом году провели переучет. Этим воспользовались отдельные люди. Кто знал, что это для нас так кончится?

– Ну, а кто же этот человек, который донес на вас?

– Секретарь Учкурганского райкома КПСС, – сказал отец медленно и, понизив голос, добавил: – Он нас ненавидит. Мне говорили, что он считает, что с нами мягко обошлись. А я не обращал внимания на то, что о нем говорили, и просто не верил, потому что считал: ко мне, коммунисту и боевому офицеру, воевавшему с финской кампанией до победы над Германией, он не может придрататься. Партия мне доверяла, на фронте в партию приняли. Думал, что меня просто хотят настроить против него, не верил и не хотел думать о том, что говорили. А тут, месяц назад, приехал он ночью и требует дать ему бензина. Я завел его в дом, поднял жену, мы предложили угощение, а он отказался, сказал, что очень спешит, ведь они в райкоме и по ночам работают, иногда только под утро разъезжаются. Он повторил свою просьбу. Я сказал, что не буду поднимать с постели рабочих в два часа ночи. Он стал говорить, что барана привез за бензин. А я ответил, что это не мой бензин, а государственный, и, когда утром рабочие выйдут на работу, они ему, как положено, отпустят бензин. А он в ответ вдруг стал кричать: «Ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что при фашистах у вас была бы частная собственность? Вы все были кулаками. Все вы мелкобуржуазные собственники. И остались ими по духу. Партия пожалела вас, а вы опять за свое... Ты пожалеешь, ты у меня ответишь. Мы наведем порядок, никакие награды тебя не спасут. Не будет спецпереселенец работать руководителем в Советском государстве. Запомни это». Вот так было.

– Знаешь же, что злой человек, ведь говорили тебе, уступил бы, о детях подумал бы, – вступилась, было, в разговор мать Маржан, но отец резко оборвал ее:

– Замолчи, много ты понимаешь! Если вы добрались сюда без меня и выжили, и теперь не умрем. Я знал, что рано или поздно это случится, знал, что найдут, к чему придрататься, и снимут с работы. Мы теперь как спецпереселенцы абсолютно бесправны и любой может отыграться на нас или сделать что угодно.

В этот момент постучали в дверь. Пришел бухгалтер нефтебазы Филипп Иванович. Его пригласили к ужину.

– Максалмин Султанович, я не буду заходить. Я пришел сказать... Знаете, мне неприятно говорить, но будьте готовы к переменам. Я задержался в конторе и... позвонили из горкома. Сказали, чтобы вы сегодня же освободили директорскую квартиру и переселились в барак для рабочих. Завтра утром приезжает новый директор.

– Спасибо, что зашли. Но уже половина девятого, темно. Не придут же ночью переселять. Барак ведь здесь, во дворе.

– Нет, они сказали переселить сегодня же вечером. Если что, позовите нас, мы с Марьей Ивановной поможем. Ну, я пошел, извините.

Отец проводил Филиппа Ивановича и остался на веранде покурить. Он вернулся в комнату помрачневшим и сосредоточенным, но не сразу присоединился к продолжавшим ужин и разговор домочадцам.

– Когда я проснулась, – говорила мать Маржан, – я долго не могла понять, где я и что со мной. Я лежала в кровати. На стене висели длинные косы. Я дотронулась до головы – волос нет, и я поняла, что меня остригли наголо.

– Ну, конечно, у всех был тиф. На станции Дарбаза тогда остановили эшелоны, многие умерли, как наши, – сказала Марем и заплакала.

– Да, – продолжала мать. – Зара и Маржан только не заразились, и их привезли в больницу вместе со мной, но они жили в сестринской комнате, медсестра за ними смотрела. А когда я поправилась и стала выписываться, оказалось, что завхоз сбежал из больницы вместе с моими вещами и маленьким сундучком, в котором были все мои украшения. В нашем доме за несколько месяцев до выселения поселились полковник и еще два офицера. Полковник позвонил

куда-то, сказал, что муж мой фронтовой офицер и что-то попросил. Тогда солдат принес пропуск для меня, разрешавший мне взять в грузовик все, что мне будет нужно. Я взяла немного вещей, мешок муки и мешок, в который положила восемнадцать куриц. Я ошипала в вагоне кур и пекла лепешки и куриное мясо на железной печке в вагоне... А в Дарбазе попала в больницу. Я выписалась из больницы в больничном халате. Вместе с девочками, которые, слава Аллаху, были здоровы, я вернулась в барак Трудармии. Моей матери уже не было в живых и ваши уже все умерли.

Они обе громко заплакали, но, утерев слезы, Марем сказала:

– У меня до сих пор в глазах стоит маленький Эла. Ручонки высохли, кормить его было некому, когда мама умерла. Так он и умер. А на последнюю нашу фотографию не могу смотреть, плачу все время. Я смотрю на Харона и удивляюсь его взгляду. Ему всего два годика было. Он стоит на стуле и одной рукой держится за спинку стула, поставленного боком. Слева от стула стоит маленькая Лала, ей было всего семь лет, а справа я, мне пятнадцать. У Лалы обычные глаза. Она немного отечная, но смотрит, как обычно смотрят дети. А Харон смотрит, как взрослый. Глаза ясные-ясные, как будто знает, что будет. Иногда мне кажется, что он и оттуда на меня смотрит, – Марем снова заплакала. Дети тоже снова заплакали. Маржан всхлипывала вместе со всеми, но никак не могла понять, почему все должны были умирать. Они почему-то все время вспоминают, как они ехали и как все родственники умирали. Неужели больницы не было и куда делись тогда все врачи?

– И теперь эта новая беда. Вай, вай, что теперь будет? – запричитала Марем снова. Тут к ним подошел отец Маржан, сел на свое место и сказал твердым голосом:

– Не плачьте, хватит. Что предначертано Богом, того не избежать. Надо продолжать жить, что бы ни произошло. Я потерял много самых близких людей в 20-х и 30-х годах – двадцать шесть родных братьев, дядей и племянников. Из Ахяевых нас осталось только трое мужчин: я и два моих племянника – Ахмад и Саид. Я был младший и вынужден был бросить университет и приехать домой, чтобы доказать, что мы не были кулаками. Я сказал в райкоме, что нас было много и мы жили всем кланом на одном коште и сами обрабатывали землю, содержали скот и лошадей. У нас не было ни наемных работников, ни приказчиков, ни прислуги. Все делали наши женщины и мужчины. И это спасло меня. А когда Советы утвердились, мы все отдали, что от нас потребовало государство: и двухэтажный дом, который мой прадед построил для своих десяти сыновей, и конюшни, и наши пашни. Я бросил университет, потому что в газете в Хасавюрте появилась статья, что мы, мол, кулаки, поэтому, мол, у нас много земли. Я полгода добивался опровержения этой статьи и, когда в той же газете оно появилось, возвращаться в Ростов уже не было смысла, да и опасно было. Не плачьте. Кого похоронили, того уж не вернешь. Все наши люди потеряли в дороге или уже на месте родных. Не мы одни. Хватит плакать и причитать, надо думать о том, как дальше жить.

Марем, всхлипывая, сказала:

– Мой муж тоже говорит, что все изменится, что ошибка будет исправлена, ведь не может же весь народ быть плохим. У всех народов есть хорошие люди и плохие, и у нас были плохие люди, а они взяли и всех выслали. И еще так подло, так неожиданно, не дав даже собраться. Моя мама даже не стала ничего брать. Накинула на голову большой белый платок, перекинула один конец через плечо, пошла к подводе с пустыми руками и села в нее. Это отец нам собрал вещи и чемодан. Солдаты видели, что он инвалид, поняли, что он не мог пойти на фронт, и потому ему разрешили хоть что-то взять с собой, а то нам нечего было бы одевать... Моему так тяжело! Он так переживает! И еще этот хлопок. Как сентябрь – начинает нервничать. Все ведь в колхоз едут на хлопок и его не оставляют, заставляют со студентами техникума жить в колхозе. Туда едут – в кузове рядом с ним двое из НКВД. Там в колхозе ждут еще два энкавэдэшника, его сдают с рук на руки, как заключенного. А напротив сидят студенты и видят

все. Так он и принимает собранный студентами хлопок при энкавэдэшниках. Они ни на шаг не отходят от него. Такой позор. Он из колхоза приезжает больной. Куда он сможет убежать из колхоза? Он же со студентами.

– Он не имеет права выезжать из города, где его поселили. Такой закон. Поэтому его и возят в колхоз в сопровождении энкавэдэшников. Что-то произошло, наше положение стало еще тяжелее. Нас теперь называют спецпереселенцами. Говорят, извини, ты теперь спецпереселенец, мы не можем держать тебя на руководящей работе. Мои фронтовые ранения из справки изъяли, и в военном билете теперь никаких данных о фронте нет.

– Что же теперь будет? – запричитала снова Марем. – Как же без работы?

– Ничего, без работы не останусь. У нас в Советском Союзе, слава богу, нет безработицы. Меня беспокоит наше положение. Если меня, коммуниста, фронтовика, не оставили на работе, значит, всех чеченцев поснимали. Жаловаться некуда. Здесь никто помочь не может, а выехать ни во Фрунзе, ни в Москву нельзя. Не дадут разрешения. Я даже на совещания директоров нефтебаз во Фрунзе ездил по специальному разрешению НКВД и там отмечался по прибытии и отбытии... Но ничего, как-нибудь устроимся. Вы ведь выжили, и сейчас выживем, переживем и это. Я верю, что справедливость будет восстановлена. Не может быть так, чтобы коммунисты поверили, что я, участник Сталинградской битвы, мог сотрудничать с фашистами. Да меня бы не то что из разведки, из армии выгнали бы сразу и сослали в лагерь в Сибирь. Да меня бы в 43-м в партию не приняли бы. Мне ведь предложили вступить в партию на фронте, а теперь, значит, я не воевал, а пособничал фашистам? Они бы ордена у меня отняли бы в первую очередь. Военный билет заменили, а ордена-то не отняли. Чертовщина какая-то. Тогда все, на территории которых были фашисты, получается, тоже сотрудничали с фашистами, а у нас вообще их не было. Нет, с этим разберутся. Здесь что-то не так.

Марем сказала:

– Отец моего тоже говорит, что это страшная ошибка, что она будет исправлена, но рану, которую нам нанесли, не залечить. Пересаженное на чужую почву дерево не будет плодоносить так, как на своей почве, говорит он. Он еще говорит, что это испытание, посланное нам Аллахом, которое мы должны выстоять.

– Это не Аллахом посланное испытание, а Берией. Это он представил план нашего выселения, а Сталин только подписал приказ. Им нужно, чтобы нас на Кавказе не было. Но почему, непонятно. Почему они именно нас преследуют с самой революции?

– А моя свекровь говорит, – добавила Марем, – что еще наши святые предрекали, что они хотят отнять у нас Кавказ, но потерпят крах, хоть это будет нескоро.

– Дедушка правильно говорит, Езид правильно говорит. Это действительно тяжелое испытание для народа, но его нам организовали люди, и мы, коммунисты, знаем, кто они, мы знаем, что есть люди, которые искажают национальную политику партии. Целая армия русского Власова сдалась фашистам. А у нас ни один чеченец – ни солдат, ни офицер – не сдался в плен за все время войны, дошли до Берлина, а ныне, значит, мы пособники фашизма. Теперь, слава богу, грамотных коммунистов много, разберутся. При царе в тысячу раз хуже было. Цари вообще хотели нас уничтожить, истребляли целые роды... Что может быть страшнее? Нас хоть к мусульманам выслали. При царизме у нас учились единицы, и жили мы под надзором военной администрации и жандармерии. А при Советах всех заставили учиться. Нет, это действительно народная власть... Узбеки и киргизы – настоящие мусульмане, они приняли нас, как братьев. Конечно, и среди них есть недовольные и чуть что говорят: «Не нравится – езжай на свой Кавказ». Но так говорят бывшие приспешники баев и басмачей. А народ относится к нам хорошо. Я верю, что партия исправит ошибку. Я спокоен, потому что я никому зла не сделал и не украл ни одного рубля у государства. Единственная моя вина, что я чеченец, и все рабочие

это знают. Мне перед ними не стыдно. Меня все уважали, со мной работали хорошие люди. Вот только сторож нефтебазы Крылов ненавидел меня, а за что – не знаю.

– Он как раз встретил нас на проходной, когда мы из школы шли, веселый был и кричал нам: «Вашего отца с работы сняли. Так вам и надо», – сказала Лала. – Он смеялся долго-долго, я слышала, когда мы уже прошли через проходную...

Зара перебила ее:

– «Теперь вы спецпереселенцы, – сказал он и добавил: – А то ходили здесь директорские дочки. Будете теперь как все ваши – все равно что эрки. Моему деду ваш бандит в горах сапогом раздавил руку, и он сорвался в пропасть. Мы не забыли, как вы воевали против нас сто лет. Вы думаете, мы забыли, сколько наших солдат погибло на Кавказе? Никогда мы вам это не прощали и не простим. Правильно вас выслали, только надо было подальше, в Сибирь». Вот что он сказал и долго-долго смеялся, когда пропустил нас.

– Что поделаешь, встречаются и русские, которые не понимают, какое зло был царизм, как он угнетал самих русских. Ну, ладно, дети, идите спать, а мы еще посидим.

Дети ушли в другую комнату.

Глава II

Вскоре отец устроился работать кладовщиком. Семья Маржан переселилась в маленький побеленный саманный дом на бывшем Конном дворе, где теперь работал отец. Когда-то это был городской Конный двор, когда была конка, теперь же в конюшнях хранилось сено, а двор называли по-прежнему Конным.

После переезда Маржан познакомилась с соседскими девочками – Галей Савинкиной, жившей через дорогу, и Галей Канафеевой, ее дом был дальше, за большим двором школы, находившейся в двухстах метрах от Конного двора. Справа, между домом Савинкиных и Конным двором, через дорогу, на небольшом пустыре стояла часовня, служившая теперь городским моргом. На этом пустыре дети с близлежащих улиц играли обычно в лапту. Выйдя за ворота Конного двора на следующий же день после переезда с нефтебазы, Маржан столкнулась с обеими Галями. Они тут же познакомились.

– Пойдемте, поиграем в лапту. У часовни всегда играют мальчики, – предложила Галя Канафеева.

– Не-ет, – протянула Савинкина, – мама мне не разрешает играть в лапту: говорит, туфли стопчу.

– А мы снимем их, пока будем играть, – предложила Маржан. – А потом помоем ноги в арыке и обуемся. Мы всегда делали так на нефтебазе.

– Нет, мне мама не разрешает бегать босиком. Мне домой пора, а то мама поругает, если я долго буду на улице.

Галя Савинкина сразу ушла домой, а Галя Канафеева предложила сходить к магазину посмотреть, что там. Они часто играли на деревянных ступенях у входа в магазин, когда народу не было. Когда же были люди, дети слушали, как спорили женщины в очереди, а иногда и у прилавка. По дороге к магазину Галя спросила Маржан, кто ее отец, кем он работает. Маржан ответила, что не знает, кем работает отец.

– Как это ты не знаешь? Не знаешь, кем работает твой отец? А где вы жили раньше?

– Мой папа был директором нефтебазы, и мы жили в директорском доме. А потом мы переехали на Конный двор, и где он работает – я не знаю.

– Значит, его сняли, – сказала Канафеева, сверкнув крупными белыми зубами. У нее были пухлые круглые щеки в веснушках, большие круглые глаза и полные губы. Она была татарка, как тетя Аня, продавщица магазина около школы, но, в отличие от типичной черноволосой татарки тети Ани, Галя была светловолосая и больше походила на русскую, чем на татарку. – А мой папа судья, – продолжила после некоторого раздумья Галя. – Мы жили в Ульяновске,

но папу сняли и прислали сюда, в Кызыл-Кия. Папа говорит, что его понизили, заслав в этот маленький городок. Вот и твоего отца понизили, раз сняли с работы.

Они подошли к магазину и услышали крики, доносившиеся из него. Когда девочки вошли, среди общего шума Маржан сразу узнала голос Зарган, жены племянника отца, остановилась в дверях, потянув за рукав Галю, быстро спустилась по деревянным ступеням из магазина и, распрощавшись с Галей, пошла домой.

Отец уже был дома, но с ним были еще двое мужчин. Они сидели за столом с очень сосредоточенными лицами. Маржан сразу пошла в спальню, чтобы переждать гостей. Вдруг раздался резкий вскрик матери и плач. Маржан подошла к двери и услышала, как один из гостей сказал:

– Саид возвращался со свадьбы из Кара-Су со своими друзьями-карачаевцами. Это они его взяли с собой на свадьбу родственника. Когда шли обратно, Саид подошел к арыку и наклонился, чтобы помыть руки, а карачаевец ударил его кирпичом по голове. Их двое было. Значит, они специально его пригласили с собой, чтобы убить. В милицию не пойдешь, он без разрешения НКВД пошел. Убийство было за чертой поселения.

– Это подлое, подстроенное убийство, – сказал второй гость, – и его нельзя так оставить.

Мать, отец и гости ушли. Вскоре пришли сестры, они тоже были заплаканные.

В следующие дни отец и мать провели у Зарган, жены погибшего племянника отца. Всю неделю они принимали соболезнования. Маржан тоже ходила к тете Зарган на тезет³. Зарган сидела в центре топчана с ближайшими родственницами. Стульев и маленьких скамеек для гостей не было, и все сидели на полу, на паласе. Мужчины стояли во дворе. Там было много народу. Маржан удивлялась, как женщины рыдали и быстро успокаивались, выслушав очередные соболезнования, и, немного поплакав, снова переходили к разговорам, так что даже гул стоял временами, но он мгновенно прекращался, как только в открытых дверях появлялась новая женщина. Каждого, выразившего соболезнования и посидевшего немного в комнате, уводили на кухню покушать жертвенную баранину. Маржан надоедало сидеть среди плачущих или болтающих женщин, и она уходила домой, так как сестры были дома: из-за школы они не могли все время присутствовать на тезете, как мать Маржан, сидевшая на топчане рядом с Зарган и вместе с ней принимавшая соболезнования. Проходя по двору, где вместе с Салманом, сыном Зарган, стояли мужчины, Маржан услышала слово «маслалат» и никак не могла понять, что оно значит.

Зарган держалась сдержанно и собранно. Она не плакала и не причитала. Казалось, она вся ушла в одну мысль – как ей жить. Безграмотной, почти не знавшей русского языка, с четырьмя детьми, ей предстояло выжить, потеряв последнюю опору, – мужа. Лицо всегда спокойное, взгляд испытующий, словно она в любую минуту ожидала нового удара. Она сидела и смиренно принимала соболезнования. Временами, подняв голову, она твердым и спокойным голосом, через головы сидящих, отдавала распоряжения. Глубокие складки от ноздрей до уголков рта и ниже, твердый и сосредоточенный взгляд придавали лицу Зарган печать сурового стоицизма. Никогда не злоупотреблявшая едой, посаженная выселением на жесточайшую полуголодную диету, Зарган была сухой и поджарой и никогда не болела.

Когда тезет кончился, Зарган пришла к отцу Маржан. Они долго говорили о чем-то и снова прозвучало слово «маслалат». На следующий день все прояснилось, потому что пришли родственники и сообщили: старики решили, что следует пойти на примирение, но, если родственники убийцы не дадут выкупа, будет объявлена кровная месть. Зарган посоветовали пойти на примирение и взять выкуп, так как она осталась с четырьмя детьми без мужа.

² Тезет – поминки.

Она согласилась с решением стариков.

Как потерявшей кормильца, райисполком выделил Зарган две комнаты в жактовском⁴ доме. Когда Зарган с детьми переехала в свою квартиру, Маржан стала часто приходить к ним, потому что они жили недалеко от Конного двора, надо было только пройти с правой стороны мимо часовни до дороги, и там же, справа, стоял побеленный корпус на пять семей. Квартира Зарган оказалась рядом с квартирой Магомедовых из Ножай-Юрта, которые здесь, в Киргизии, считались почти родственниками. Зарган теперь с Айтулой Магомедовой вместе ходила и по магазинам, и на базар по воскресеньям.

В августе Маржан узнала от Гали Савинкиной, что мать записала ее в 1 «А» класс к лучшей учительнице школы Комиссаровой. Придя домой с этим известием, Маржан сразу обратилась к матери:

– Мама, а Галка Савинкина уже записалась в первый класс. Я тоже должна пойти в школу.

– Ну и запишись.

– А как?

– Не знаю, я не училась в школе.

Маржан ушла в комнату и стала думать, как ей быть.

Она еле дождалась, когда придет с работы отец. Как только отец поужинал и сел читать газету, Маржан подошла к нему и сказала, что хочет пойти в школу, как Галка Савинкина, но для этого надо записаться. «А разве тебе еще не рано в школу?» – спросил отец. Маржан расплакалась:

– Но Галка Савинкина уже записалась, значит, и мне пора.

– Женщина, – обратился отец к матери, – сколько Маржан лет?

– Не знаю, когда она родилась, ты был на фронте, брат мой Ази записал ее, он сделал метрику. А я не помню. Был большой-большой дождь.

– Дома дождь бывает и в ноябре, и в декабре, и в январе может быть. А где метрика?

– Она осталась в собесе, когда я получала пособие за тебя. Они потребовали метрику, я принесла, а потом случилось это, метрика там и осталась.

– Но запомнить-то можно было день рождения, если метрика была.

– Мой брат знал точно. А я не училась в школе. Меня одну из всех детей отец не пустил в школу, и здесь ты не разрешил мне ходить учиться читать и писать, когда на нефтебазу приходили и требовали, чтобы я ходила на курсы для неграмотных. Несколько раз приходили, грозили, что пожалуются на тебя в райком.

Маржан заплакала. Она поняла, что случилось что-то ужасное и непоправимое, когда она родилась, и теперь она не сможет записаться в школу из-за какой-то метрики, которая осталась на Кавказе, таком далеком и загадочном, но который каждый день напоминал о себе. От этих размышлений Маржан стало жалко себя от того, что никто даже не запомнил и не записал ее дня рождения, и она теперь не может сказать, сколько ей лет.

– Ладно, не плачь, Маржан, теперь ничего не поделаешь с метрикой. До сентября осталась неделя. Заявление я напишу и справку о здоровье сделаю, а остальное как-нибудь объясню, – утешил ее отец, приласкал и добавил: – Раз ты считаешь, что тебе пора в школу, значит пора. Пойдешь в школу первого сентября.

Маржан успокоилась и стала ждать этого события.

30 августа Маржан определили в 1-й «Б» класс, потому что класс Комиссаровой был давно укомплектован.

Придя в школу, Маржан поняла, что ее пути с Савинкиной и Канафеевой разошлись. Класс Комиссаровой учился во вторую смену и не в главном одноэтажном беленом корпусе, а в деревянном строении напротив. Их разделял

⁴ Двухкомнатная квартира, выдававшаяся государственным служащим и тем, кто был на государственном обеспечении.

школьный двор, довольно большой. 1-й же класс «Б» учился в первую смену. Маржан погрузила по этому поводу немного, но скоро отвлеклась от мыслей о подружках, потому что в ее классе оказались два земляка, почти родственники: сын Айтуды Асланбек и сын Гиги Мурдал. В классе было еще два киргиза, одна татарка, а остальные все были русские. Асланбека и Мурдала, как самых рослых, посадили за последней партой. У Мурдала были темные кудрявые волосы, а у Асланбека выделялись большие глаза, темно-карие с немного нависающими бровями, отчего казалось, что он смотрит исподлобья, как бы по-бычьему, хотя он был совершенно спокойный и уравновешенный мальчик. Несмотря на ее маленький рост, Маржан посадили за предпоследнюю парту второго ряда.

Начав ходить в школу, Маржан почувствовала себя большой, и некоторые обязанности по дому были ей теперь в тягость. Носить воду из колонки напротив часовни было тяжело, но не стыдно. А вот ходить на железнодорожный переезд и набирать из насыпи в маленький мешочек мелкий желтый песок для чистки посуды было стыдно. Стыдно и неприятно было всегда, а теперь особенно, ведь ее могли увидеть и учительница, и одноклассники и засмеяли бы: «Глядите, Маржан ворует, Маржан ворует». Но чистить алюминиевые кастрюли, чугунные сковородки, большие медные тазы для купания и, главное, серебряные вилки и ложки можно было только этим песком, иначе стертые места вилок и ложек зеленели, и ими нельзя было кушать. Маржан ненавидела их, но купить другие, какие были у всех, у них не было денег. Чистить было нетрудно, и она не возражала. Ей внушалось с детства, что девочка не должна сидеть сложа руки, девочка даже в гостях должна помогать соблюдать порядок и чистоту, не важно, в своем доме или чужом – имелось в виду, конечно, в доме родственников. Порядок и чистота – обязательное качество любого чеченского дома, и взрослые женщины-чеченки общались и делились новостями или воспоминаниями только после того, как после ужина посуда помыта, все убрано. Маржан знала, что чеченская девочка должна с раннего детства помогать по дому, но ей хотелось на улицу, к подружкам.

– Это оттого, что ты много читаешь, – говорила мать. – Перестань читать книжки, и тогда домашние обязанности не будут в тягость. А как же может быть жизнь без уборки дома?! Тогда и дом не нужен!

– Но я люблю читать книжки, – протянула Маржан. – Знаешь, как интересно. И играть хочется...

– Порядок в доме важнее. Если кто придет, а в доме не убрано, что подумают люди о нас? Если в доме есть женщина, должны быть чистота и порядок.

– Но ведь мы каждый день моем, чистим, убираем. Где грязь?

– Но ведь мы каждый день кушаем! Ты же не отказываешься кушать. А убирать в доме то же самое. А как же? У человека должна быть честь. А честь – лицо человека. А дом – лицо семьи.

Маржан подумала: «Наверное, я действительно ленивая, раз я так люблю читать книжки и играть на улице».

Глава III

В Кызыл-Кия не было никакой промышленности, кроме добычи угля. Шахтеры часто гибли в забоях. Поэтому у морга, у часовни, часто собиралась толпа, раздавались плач и крики с требованием выдать тело умершего. Двери часовни в такие моменты были широко распахнуты, и в дверях стояла толпа. Мальчишки поднимались на подоконник или, взобравшись кому-нибудь на плечи, заглядывали в окно и докладывали остальным, что там внутри. Девчонки стояли у дверей, вглядываясь в лица рыдавших женщин. Однажды Маржан решила узнать, что же все-таки там, внутри часовни. Она протиснулась между женщинами, прорвалась вперед, заглянула внутрь и застыла от ужаса:

перпендикулярно к центральному проходу, с обеих сторон, были деревянные полки, и на них лежали голые люди. Прямо перед лицом Маржан заканчивалась полка и прямо перед ее лицом оказались белые матовые ноги. Она на секунду застыла от ужаса, потом с криком бросилась, расталкивая людей, наружу и, рыдая, побежала домой...

Было начало ноября. Закончились хлопкоуборочные работы. Школьники без каникул сразу приступили ко второй четверти и догоняли материал, пропущенный в первой четверти из-за хлопков.

Было еще тепло и солнечно, только по утрам бывало прохладно. Лишь в декабре по утрам лужицы покрывались тонкой ледяной коркой. Отец Маржан всю осень ходил в вельветовом пиджаке и вельветовых брюках. Он шел домой на перерыв, шел, как всегда, быстро, и вдруг его кто-то остановил, хлопнув по плечу. Он еще не успел обернуться, как услышал:

– Ассалам алейкум, Макс!

Максалин Султанович обернулся и радостно раскрыл объятия:

– Здравствуй, Борис, как я рад! Как ты оказался здесь?

Они крепко, по-кавказски, обнялись, похлопывая друг друга по плечу. Это был кабардинец Борис Атажуков. Они учились вместе на рабфаке в Ростовском университете в конце 20-х годов.

– Как ты здесь оказался? – повторил свой вопрос Максалин, изумленно разглядывая Бориса.

– Партия, как и тебя, прислала, – сострил Борис. – В сорок пятом меня направили в Андижан, а теперь вот сюда перебросили. В райкоме работаю. О тебе узнал. Поговорить нам надо.

– Пойдем ко мне домой, пообедаем и поговорим, – предложил Максалин.

– Нет, времени мало. Пойдем на базар, посидим в чайхане, на воздухе, и поговорим. Теперь я в Кызыл-Кия живу, будем часто видеться.

Максалин молча согласился, и они пошли на базар. В чайхане они сели на широкий деревянный топчан, стоявший на открытом воздухе и, как только молодой узбек поставил на маленький столик самовар, пиалы для чая, блюдо с лепешками и фруктами и удалился, Борис, наклонившись вперед, произнес:

– Макс, я все знаю... Нет, мы найдем для тебя что-нибудь получше, чем должность кладовщика. Партия не для того учит людей в университетах. Я уже договорился. Освободилось место завхоза в больнице. Завтра утром пойдешь в больницу и оформишься. Помнишь наш девиз: не имей сто рублей, а имей сто друзей? Я думаю, ты не откажешься. Я не мог остаться в стороне.

– Ты настоящий друг, Борис. Я буду у тебя в долгу.

– Брось ты. Рад встрече. Рад, что мы снова вместе. Мы еще увидимся. Времени в обрез. Работы по горло. Мы в три часа ночи разъезжаемся по домам. Ну, ладно, бывай. Встретимся на днях, отдохнем, хорошо?

– Хорошо. Споем нашу. Не забыл?

– Нет, что ты? Все помню, иногда так тянет туда, на Кавказ, но ничего не поделаешь, – они расстались там же, в чайхане.

Отец Маржан пошел домой очень веселый и довольный и сказал, что встретил друга Бориса Атажукова, кабардинца:

– Мы учились вместе в Ростове, я на отделении финансов, а он на отделении экономики. Оказывается, его после войны тоже сюда назначили. Он в райкоме работает. Позвонил главврачу больницы и сказал: «Принимай нового заместителя по хозяйственной части». Завхоз, значит, – объяснил он матери. – Борис сказал, что устроить по специальности не может, что я не один уволен с руководящей должности, все наши полетели. Сказал по секрету, что установка такая: раз спецпереселенец, то директором быть нельзя. Он сказал, что после голодного 47 года провели переучет переселенцев и в 48-м году чеченцев перевели в особую категорию «спецпереселенцев», а это еще одно понижение в правах: чеченцам нельзя занимать руководящие посты и нельзя учиться в высших учебных заведениях. Нам квартиру дадут в доме для сотрудников больницы. Это недалеко отсюда и больница рядом. И ты будешь работать, –

сказал он матери, – я договорюсь. Чинить больничное белье. Будешь шить дома и относить выполненную работу. Я на радостях заказал радиолу «Рекорд», буду слушать последние известия, а девочки – пластинки.

Все очень обрадовались хорошей вести. Даже не верилось, что жизнь может измениться к лучшему.

Все получилось, как и говорил Борис: отец устроился завхозом в больницу, а мать швеей. Семья Маржан переехала в одноэтажный побеленный корпус, протянувшийся за стеной больничной территории. Теперь Маржан всегда проходила мимо часовни, идя в школу на Учкурганскую улицу.

Соседями семьи Маржан были греки Иван и Елена Чекалиди с шестнадцатилетней дочерью Марией и ровесником Маржан сыном Иваном. Мария уже была вполне сложившаяся девушка с темными кудрявыми волосами, часто уходящая по вечерам из дома и никогда не приближавшаяся к соседским детям, обычно игравшим вместе перед домом или сзади дома. Иван был ленивым и непослушным сыном, учился нехотя, за что его часто наказывали, ставя на колени в угол, посыпанный солью. Слева от квартиры Маржан жил врач Рачик Гайкович, который редко бывал дома. Во втором классе Маржан дали пионервожатого, ученика десятого класса. Звали его Саша. Как раз наступил сентябрь, время сбора хлопка. Маржан знала, что с третьего сентября все учащиеся горного техникума, медучилища и школ с пятого класса уезжали в колхозы и жили там почти до самого декабря. Саша предупредил сразу, что теперь и класс Маржан должен по воскресеньям участвовать в уборке хлопка. Когда дети пришли в школу утром в воскресенье, Саша сказал: «Ну вот, все собралось. Мы пойдем в колхоз помогать убирать хлопок. Постройтесь по три человека в ряд и пойдем, чтобы никто не отставал. А чтобы нам было весело, будем петь песни, которые мы разучили». Все построились и пошли. Пока вышли из города, все уже устали и стали спрашивать, далеко ли еще идти. Саша бодро ответил: «Нет, недалеко», – и начал петь: «Учил Суворов в лихих боях...» Все подхватили. И возвратились они с песнями о Суворове и «Варяге», пройдя пешком несколько километров. Для Маржан это было нетрудно, она привыкла к длительным прогулкам по городу, так как родственники и знакомые жили в разных частях города, а автобусов в то время еще не было, да и дети играли, уходя иногда за город.

Когда наступила зима, дети стали ходить к кирпичному заводу, где был покаты́й склон. Они называли его горкой и катались там на санках.

Маржан пошла к Зарган в гости и предложила Руми, старшей дочери Зарган, пойти кататься на санках на горки в стороне кирпичного завода, где они с Галкой Савинкиной и другими детьми обычно катались. Руми почему-то отказалась идти, и они стали кататься прямо на тротуаре. Руми вообще была веселая, задиристая и сорви-голова. Она не боялась даже милиционеров, могла зацепиться сзади за полу шинели милиционера, проехаться, присев на корточки, несколько метров по снежному тротуару и со смехом вернуться к Маржан и детям. Маржан удивлялась, почему милиционер ничего не говорил, даже не ругал ее. Санки были одни, и приходилось кататься по очереди. Когда санки везла Лала, Руми вдруг запела: «Лалла, лалла, дечиг-ворда лалла»⁵.

Придя домой, Маржан включила приемник. Шла передача «Мурзилка». Слушая передачу, Маржан разгадала все три загадки для дошкольников. Ей очень захотелось, чтобы в передаче по радио на весь Советский Союз прозвучала ее фамилия. Поколебавшись недолго, она написала письмо с ответом на все три загадки, а потом, вспомнив, что она в третьем классе, переписала его, начав с того, что ей только что исполнилось семь лет. Она подумала, что если ей всего семь лет, то будет считаться, что она еще может участвовать в конкурсе, запечатала в конверт и опустила его в почтовый ящик. Неделию она ходила под впечатлением того, что сделала, и переживала, что из этого получится.

⁵ «Гони, гони деревянную телегу»

Потом она перепугалась от одной мысли, что ее могут разоблачить и тогда ее вызовут к директору. Эта мысль, что на радио обязательно узнают, что она не дошкольница, а ученица третьего класса, не отпускала ее долго. Но потом целый ряд событий отвлек ее внимание от этого поступка.

Как-то Маржан проснулась среди ночи. Она спала с двумя сестрами и маленьким братом Мусой на топчане в первой комнате, бывшей одновременно и кухней, а родители – в следующей. Было еще темно. Маржан поднялась и стала одеваться. Слезая с топчана, она задела стол, проснулась мать и спросила из своей комнаты, что случилось. Маржан ответила, что ей надо идти в школу. «Еще рано, – сказала мать, – спи». Но Маржан уже была готова к выходу и, сняв крючок с двери, выскользнула на улицу.

На улице было темно и холодно. Снега не было, но лужицы были покрыты тонкой прозрачной корочкой льда. Маржан посмотрела по сторонам, было непривычно тихо. До ее сознания доходило, что тишина была слишком непривычная, но она не осознавала, что все еще ночь, а не ранее утро. Пройдя метров сто, Маржан ускорила шаг, чтобы проскочить через дорогу мимо часовни, которая стояла слева. Главное, быстро проскочить через дорогу, оставив позади часовню, а дальше она пойдет по дороге между домом Савинкиной и Конным двором, ведущей прямо к школьным воротам. Маржан как раз подходила к перекрестку, где слева, в метрах ста от перекрестка, на пустыре, стояла часовня, наводившая на Маржан ужас в этот ночной час. Она уже виднелась из-за забора последнего дома переулка. Поэтому Маржан напряглась, выходя из переулка, на одном дыхании проскочила перекресток и вздохнула с облегчением, лишь подойдя к школьным воротам. Сторож, работавший одновременно истопником, видимо, еще спал. Школа была семилетняя, никакого оборудования в ней не было, поэтому входная дверь не запиралась на замок. Маржан прошла в свой пустой и темный класс и тогда только поняла, что пришла в школу слишком рано. Она села за свою парту. Хотелось спать. Но идти домой было невозможно. Это значило снова пройти мимо часовни. Снова этот пустынный путь мимо часовни она не прошла бы ни за что на свете. Оставалось ждать утра. Маржан встала и подошла к голландской печи, стоявшей, подобно широкой круглой колонне, в углу. Печь еще была теплая. Маржан встала спиной к печи. Она уже давно мысленно ругала себя, что не послушалась матери. Вскоре Маржан согрелась и незаметно для себя заснула и проснулась от крика вбежавшего в класс первого ученика. Он вскрикнул, увидев силуэт у печи. Маржан, в свою очередь, тоже испугалась и проснулась.

Первый урок Маржан просидела спокойно, но на втором уроке ее потянуло ко сну. Сидела она за предпоследней партой и, спрятавшись за спину впереди сидящего мальчика, быстро провалилась в сон. Она шла по тротуару и, подпрыгивая, срывала с веток деревьев, росших вдоль тротуара, урюк и вишни. В конце дорожки висела табличка, на которой было написано «Кавказ». И вдруг она качнулась от толчка в спину, но не проснулась. «Ну и что особенного на этом Кавказе? – думала Маржан. – Здесь тоже вдоль дорог растет урюк. Рви, сколько хочешь. Никто ничего не скажет. Может, дальше там что-то еще? Кавказ. Что же там, дома?»

– Ахаева, встань! – услышала она сквозь сон. Она открыла глаза, ничего не понимая. Наконец сообразила, что находится в классе и что, видимо, что-то случилось, пока она спала. – Я кому сказала, встань!

Маржан встала и смотрела, по-прежнему не понимая, чем она могла так рассердить учительницу.

– Ты что, глухая? Я тебе сколько раз сказала: не балуйся!

– А я не баловалась. Просто я не слышала.

Рядом сидевший Коля Козлов, наклонив голову, зажал рот кулаком, чтобы не рассмеяться.

– Не упрямясь, Маржан.

– А я не упрямлюсь. Я ничего не делала.

– Какая же ты упрямая. Ты не знаешь, что делают в таких случаях?

- Нет.
- Попросят извинения. Попроси извинения и садись.
- А за что я должна просить извинения? Что я такого сделала?

Поднялся шум. Коля хихикал.

Учительница махнула рукой, чтобы заглушить шум и снова обратилась к Маржан:

- Ну, хорошо, Маржан, извинись и садись на место.
- Я не баловалась.
- Ты еще обманываешь?
- Она спала, – крикнул Коля радостно, чем и вывел из себя Ирину Вячеславовну.

– Прекрати, Козлов! – закричала учительница. А потом, повернувшись лицом к Маржан, сказала: – Ты отняла у меня пол-урока. Если ты сейчас же не извинишься, пойдешь объясняться к директору.

– И пойду, – пробубнила Маржан.

– Какая упряmica! Ты такая же, как... Все вы такие! Иди в угол, – лицо Ирины Вячеславовны побагровело от гнева. – Простоишь два урока, а после уроков пойдешь к директору.

Маржан встала и пошла в угол. Она не слушала, что говорила учительница и что отвечали ученики. Но через некоторое время Маржан почувствовала вдруг, как печка за спиной куда-то отодвинулась, а учительский стол и окно стали надвигаться, парты качались из стороны в сторону... Все закричали, засуетились, повыскакивали из-за парт и толпой ринулись к двери. Учительница промчалась вслед за учениками и скрылась за дверью, забыв о Маржан. Парты, стол – все прыгало и качалось перед глазами Маржан. Со школьного двора доносились крики. «Землетрясение!» – поняла Маржан. При землетрясении узбечки выбегали во двор, садились на корточки, натягивали на голову белый платок и полностью закрыв им лицо, вопили, раскачиваясь из стороны в сторону. Маржан поняла, что это землетрясение, но ничего не чувствовала, а только прислушивалась к шумам, доносившимся со двора. Через десять минут все успокоилось. И снова с шумом вернулись в класс ученики, удивленно глядя на Маржан.

Последней вошла Ирина Вячеславовна. Увидев Маржан в углу, она побледнела и остановилась.

– Где ты была?

– Я была здесь.

– Как, здесь? Ведь было землетрясение, все выскочили, и ты должна была выйти со всеми.

– Я стояла на месте. Вы же поставили меня в угол.

Ирина Вячеславовна прошла к столу и, немного подумав, сказала:

– Ну, хорошо, садись на свое место, хоть ты и не извинилась. Но больше не балуйся.

– Баловалась не я, а Коля. Вот, – не выдержав, неожиданно зло сказала Маржан.

Когда Маржан подошла к своей парте и села, Коля показал ей кулак и сказал:

– После уроков получишь.

Когда уроки кончились, Маржан не спешила уходить. Она думала, как избежать встречи с Колей. Он был рослый второгодник. Но как она ни оттягивала время ухода из школы, а пришлось уйти. К своему удивлению, Маржан не увидела Коли во дворе школы. Она успокоилась и пошла быстрее. Но при выходе из школьного двора за воротами Маржан столкнулась с Колей лицом к лицу. Он ждал ее и растянул рот в ухмылке, как только она вышла из ворот. «Ага, вот теперь ты получишь, ябеда», – сказал Коля и стал угрожающе приближаться. Сердце у Маржан заколотилось, ее охватило чувство надвигающейся беды, она не знала, что делать. Но Коля вдруг неожиданно отпрянул. «Ничего, еще получишь», – сказал он и пошел по дороге влево от школьного двора по направлению к магазину Ани. Увидев,

как Коля стал быстро удаляться, Маржан с облегчением вздохнула и повернулась к дороге, ведущей к ее дому.

– Что он хотел? – спросил голос из-за спины.

Маржан повернулась и увидела большеглазого Асланбека, которого одноклассники называли Бычий Глаз или Пучеглазый. Впервые она обрадовалась встрече с ним. «Вот что значит родственники, он меня спас. Коля бы меня избил, если бы не Асланбек. Обязательно схожу к Айтуле и расскажу им, как он меня спас», – пронеслось у нее в голове.

Маржан в растерянности все размышляла о своем чудесном спасении и ничего не ответила.

– Не беспокойся, он больше к тебе не подойдет, – сказав это, Асланбек пошел домой по дороге, ведущей к перекрестку с часовой. Придя в себя и очнувшись, Маржан пошла по той же дороге к себе домой.

Маржан была довольна, что так неожиданно разрядилась ситуация. Но вдруг она вспомнила о своем письме в «Мурзилку». Что теперь будет? Если они позвонят в Кызыл-Кия и узнают, что Маржан вовсе не семь лет, а десять, ее поведут к директору. Какой ужас! Все узнают, что она обманула. Какой стыд! Что делать? У кого спросить? Она терялась в догадках, пыталась представить себе, что будет, если они узнают. Маржан пришла домой и, как только Зара пришла из школы, обратилась к ней, рассказала, что она только хотела, чтобы хоть один раз по всему Союзу прозвучала чеченская фамилия, и все. Зара отругала ее и не знала, чем помочь.

В третьей четверти у них в классе поменялся пионервожатый. Саша с родителями уехал из города, и в класс Маржан прислали новую пионервожатую – узбечку из седьмого класса. Маржан приняли в пионеры. Бочхон была добросовестной пионервожатой, почти такой же, каким был Саша, и дети к ней быстро привыкли. Маржан вспомнила о Бочхон и решила попросить у нее совета, что ей делать. После классного часа, который провела Бочхон, Маржан сразу подошла к доске, давая понять, что она хочет поговорить с пионервожатой. Когда все вышли из класса, Маржан рассказала Бочхон все о письме. Бочхон, к удивлению Маржан, не восприняла все так драматически, как воспринимала это Маржан. Она сказала, что никто не напишет в школу о поступке Маржан, и письмо вообще может не дойти, а если и дойдет, то там их столько, тысячи, ее письмо вообще не прочтут. Она успокоила Маржан, и Маржан все удивлялась, как легко Бочхон помогла ей.

Вечером, выйдя на улицу, Маржан встретила с Галей Савинкиной.

– А мы переезжаем, – сказала Савинкина.

– Куда?

– В свой дом. У нас теперь есть свой собственный дом. Папа построил.

– Ты больше не будешь здесь учиться?

– Буду. Это недалеко. По Учкурганской, не доходя до шоссе, знаешь, там еще арык протекает. На той стороне от перекрестка наш дом. Так что я не уйду из нашей школы, ближе к нашему дому нет другой школы, и я от Комиссаровой не хочу уходить. Она очень хорошая учительница.

– А-а, – протянула Маржан. Все знают, что Комиссарова лучшая учительница школы.

– Давай завтра посмотрим наш дом, хорошо? Ты же будешь приходить к нам играть? У меня теперь будет своя комната, вот.

– А Галка Канафеева пойдет с нами?

– Они уезжают. Ее отца сняли. Они переезжают в Тихорецк какой-то.

– А где это?

– Не знаю, где-то на Кавказе.

– Да-а? – сказала совершенно заинтригованная Маржан. – На Кавказе? А за что сняли ее отца?

– Не знаю. Нашей Оли муж прокурор, его тоже сняли. Его перевели на другую работу. И Галкиного отца тоже перевели на другую работу. Судьи и прокуроры, как военные, говорит папа, долго не работают на одном месте. Ну,

ладно, я пойду.

Савинкина ушла, и тогда до Маржан дошло, что Савинкина возвращается к ней, потому что Канафеева уезжает. Это задело немного Маржан. Но она не подала виду, что обиделась, и обещала пойти с ней посмотреть новый дом Савинкиных.

После переезда Савинкиных в свой дом в воскресенье Маржан пошла в гости к тете Зарган. Старшая дочь, Руми, очень радовалась, когда приходили родственники и из кожи лезла, чтобы их развлечь. Как всегда, дети были одни на пустой веранде. Брат Салман ушел куда-то, у него были свои дела, свои друзья. На входной двери в квартиру висел большой, закругленный, как подкова, замок. После игр захотелось кушать. Руми сразу предложила залезть в квартиру через форточку в окне, выходящем из первой комнаты на веранду. Когда они пролезли сквозь форточку в первую комнату, к удивлению Маржан, она оказалась тоже пустой. Справа от входной двери в следующую, главную комнату, на двери которой тоже был замок, стояла печь. Между печью и стеной до окна был топчан, покрытый паласом, и на котором, по всей видимости, спали дети. В центре правой части комнаты стоял стол, накрытый газетами. Увидев газеты на столе, Маржан, окинув всю комнату взглядом, заметила, что весь потолок был оклеен газетами, из-под которых выползали тараканы. Руми заметила удивление Маржан и сказала очень серьезно: «Это живые существа. Их нельзя убивать». Маржан не знала, что даже тараканов убивать нельзя, а она ненавидела тараканов и боялась, потому что они бегали очень быстро. А оказывается, их убивать нельзя. Так вот почему мама все время говорит, что в доме должно быть чисто, чтобы никого не убивать. А у них тоже не грязно, а тараканы почему-то есть. Интересно, а что во второй комнате, может, тараканы оттуда ползут?!

В первой комнате не пахло ничем, и она имела нежилой вид. Руми сразу решительно направилась к двери во вторую комнату. Приказав Падам достать хлеб, Руми, как бы что-то вспомнив, подошла к печке, которая тоже была застелена газетами, и откуда-то из-под газет достала маленький кусочек проволоки, потом пошла к замку и, поковыряв провололочкой в замке, открыла замок. Падам подошла к печке и вытащила из духовки полбуханки хлеба, которая лежала там в кастрюле. Маржан поспешила к двери в комнату, так как ей давно было интересно узнать, что же там во второй комнате. Когда Маржан заглянула вовнутрь, она ничего не увидела. Внутри было окно, выходящее на улицу, оно было затемнено и, присмотревшись, Маржан удивилась: комната была пуста, как у них когда-то зала на нефтебазе, но справа от двери стояли два полных мешка: один с мукой, другой, как выяснилось, с сахаром, и больше ничего в комнате не было. Руми приказала выйти из комнаты и через минуту сама вышла, неся в руках два крупных куска сахара. Падам тем временем разломала полбуханки хлеба на равные части, сахар раскололи на мелкие куски припрятанным под топчаном гладким, как яйцо, камнем и стали есть сахар с хлебом. Никогда сахар с хлебом не казался Маржан таким вкусным, как в этот день. Она не могла есть хлеб, посыпанный солью, как делали другие, и не любила поливать сахар на хлебе водой, а вот так с кусковым сахаром было вкуснее, чем хлеб с сахаром-песком.

Продолжение следует.

Гайрбеков Чага**Сан лаьмнаш**

Сан лаьмнаш, лаьтта шу
могIара тийна,
Пхьобьхана гулбелла
бакхий нах санна.
Хийлазза сан халкъо,
шун кийрахь кхиьна,
Йина-кха дуьхьало
нуьцкьалчу бIанна.

Буьрсачу заман чохь мискачу дайшна
Вошалла аш дина
мостагI ван йийсар.
Аьрцнашкахь, баххьашкахь
кхиабеш майра,
Бахчабеш турпалхой машарна кьийса.

Сан халкъан шобь безам инзаре сега,
Къастаме, йовхонца,
кхетта малх санна,
Ца телхи, цIена и цхьа буьртиг эшна,
Дерачу кхолламо шух даьхча генна.

Йистина мацалла
къызаллехь хьийзаш,
Южалла мангалах кхерстара шийла.
Мерза са дегIах
дIакъаьстачу дийнахь,
Шун цIераш хIораммо йохура гIийла.

Муьлххачу ханна шу –
сан халкъ, Даймохк.
Шуьца ду сан дахар,
сан ирсе кхоллам.
Шуьца бен ца яйло сан деган гIайгIа,
Шуьца бен ца хуьлу сан дагна тоам.

Иаьнан буьйса

Иаьнан буьйса, шийла хьаша,
Аьрха хьобькху шийла мох.
Шело яьлча доггах кхарста,
Барзах угIуш, сихло хьо.

Муха, мичхьа гулбо ницкъаш
Дуьне оццул шелдан ахь?
ГIайгIа-узам лекха гIирсаш
Хьенан пхьалгIахь тусу ахь?

Наггахь хьерча маракуьйлуш,
Хьобькхуш ховха куьйгаш хьо.
Паккха цобьсту, шелох вулуш,

Йоккхуш санна асмап-урх.

Буьрса Иаьнан буьрса буьйса
Го Иаламан амал цхьаь.
Цундела тхо хьобьга хьуьйсу,
Декхна деьча санна Иа.

Кавказ

Кавказ, хьо сан деган нур догу седа,
Дуьненан Иаламехь бос хаза жовхIар,
Хьо йоццохь со висча,
деган мерз хеда,
Хьох къастар – ас чIагIдо! –
ланне ца лов-кха.

Сан Кавказ, хьан лаьмнаш,
къонахийн бIаьвнаш,
БIаьрг белош, халкъ цIиндеш,
сирлачу стиглахь
Аьрзонан хелхарехь,
даржийна тIемаш,
ГIан-набарш а ца тов
хьо сайна йицлахь.

Сан Кавказ, хьан лаьмнаш,
къонахийн бIаьвнаш,
ХIордаша цкъацкъа-м сов
эсала хьобьсту.
Наггахь-м, цIокь-лоьмах
дера ка детташ,
Болатах хьо яхчош, цара уьш цобьсту.

Кавказ, хIай дуьненан
бос хаза жовхIар,
Хастам вайн Далла,
буьстина цаваллал.
Кхин хIумма ца хилчаь,
кхолларна жовхIар,
Дог Иабош, инзаре хаздарна Иалам.

Хьо цIахь яц. ГIийла ду
жимачу юьртахь,
Хаза де, мотгало, бодано лаьцна.
Юьртара вайн готта и хьийза урам,
Хетало, сагатлуш, гIайгIане лаьтта.

Сингаттам, кхоьлина Иаьнан де санна,
Шелонца хьерча-кха,
базбелла, дегIах.
Буьйсанна духьал хьо

тийсарна сайна,
 Караво кхокхуш хьобь
 хан йоцчу хенахь.

Шун керт-ков хаза дац, тохара санна,
 Хьомениг, самукъа

ахь хьайца даьхьна.
 Со герга ву хьуна хьекъалах талха,
 Хьошалгъахь, со вицвеш,
 хьо иштта яхлахь...

Ахь боьгнарг гур бу-кха
 йогъучу ханна,
 Хилларг-м дацара хьехочу хьолехь.
 Къоналла длатили, эккхийча санна,
 Юха некъ боцучу чолхечу гонехь.

Къаналлин олалла гиччошка теба,
 Дахаран йохалла лайначийн мьонаш,
 Лазамийн тачанийн
 хьесап деш хеба...
 Гаур-я! Дог дагъац цу шерийн боьра.

Хинца а садуу, жимачохь санна,
 Бер хуьлий деттало,
 там лобхуш шена.
 Ма чоьга генара юкъ йоблла вайна,
 И эцац тидаме, сахьийзош денна.

Бехк билла ма сихло,
 шерашка хьабжна,
 Церан урх ма мало, дог карзахдаьлча.
 Сайн сакхт ду я хьуьнар и хаац суна,
 Ткъа дагна-м и цамгар ю,
 со мичча ваьлча...

Можа малх йовхоно тусуш,
 Гуьйре ю тлейогъуш вайна.
 Хаза де диканах дузуш,
 Ойла ю коьрта чохь тайна.

Сийсара хьан дашах тешна,
 Со даго тлемаш тлехь уьйу.
 Безам хьан бляьргаш чохь бешна,
 Боларо мохаца къуьйсу.

Схьагарехь, вай вовшахкхетар,
 Замано стом балар санна,
 Чагъделла догъуш ду денна,
 Боккха кхаь хилла дегнашна.

Дика хъума клезиг хуьлу, олу.
 Къийса эшац – иза ма ду бакъ.
 Хьекъало мел хили адамаш кхолу,
 Хьекъал ду хъоранна а доккха хьакъ.

Вахит Хаджимурадов

Боец разведроты Ильясов

Рассказ

«Итак, прошел год службы, осталось совсем немного – всего лишь еще один год», – шутливо рассуждал про себя солдат срочной службы ВС Советской Армии Аюб Имазаев. Он неторопливым шагом направлялся по бетонному тротуару к беседке, называемой солдатами «курилкой». От двухэтажной солдатской казармы через дорогу напротив, посреди стройных березок и свежевыкошенной травы, метрах в тридцати, стояла массивная, но аккуратно сложенная из резных досок беседка. Беседка эта, надо сказать, порядком поднадоела солдатам, они бы с превеликим удовольствием разбрелись по разным углам в расположении части, полежали бы на травке, благо ласковое украинское солнце припекало, объявляя всем о вступлении весны в свои полные права. Но в редкие минуты отдыха всем солдатам положено было курить лишь в строго отведенном для этого месте – «курилке». У Аюба же была особая неприязнь к этому месту сборища любителей матерщины, похабных анекдотов и всяких гадостных сплетен по поводу и без. Особое отвращение у крепко скроенного молодого человека вызывало появление своего «недруга», молодого выскочку капитана Ланкевича. Тот не упускал возможности придраться к рядовому солдату-кавказцу. Должно быть, кто-то из кавказцев здорово насолил ему, если он так люто недолюбливал их всех. «Курилка» хоть и была рассчитана на солдатский и сержантский состав, капитан любил сюда заходить, и в те редкие минуты солдатского отдыха рядовой состав вынужден был «курить по стойке смирно», как любили говаривать солдаты. Аюбу и вовсе приходилось мобилизовывать все свое терпение, чтобы не сорваться и не нагрубить зарвавшегося капитану.

– Мой батько рассказывал, – начал он однажды, когда Аюб, бросив «разрешите войти, товарищ капитан!» – скромно встал с края и закурил сигарету с фильтром. В начале 80-х прошлого века сигареты с фильтром были такими же дефицитными, как и порядочная колбаса. Аюб от природы был решительным и привлекательным парнем. Молоденькая буфетчика, как говорится, положила глаз на симпатичного солдата, у которого, кстати, благодаря заботливым родителям водились кое-какие деньжата. Так эта самая буфетчица часто привозила с базы специально для него болгарские сигареты «ТУ-134». За то, что Аюб курил «барские» сигареты, Ланкевич пуще прежнего не жаловал солдата. – Когда русские шли в атаку, «неруси» прятались по кустам! – заканчивал капитан рассказ своего «батько» о Великой Отечественной войне.

– А хохлы, товарищ капитан, где прятались? – не выдержал Аюб под конец. – Вы-то сами и есть нерусский!

– А ты, чечен, вообще молчал бы! Твой народ и вовсе не воевал, за что и был выслан! Вы Гитлеру белого коня подарили с золотым седлом!

– Капитан, вы не могли бы уточнить, где именно чечены дарили Гитлеру коня? – неожиданно спокойно ответил Аюб.

– Этот исторический факт доказан нашими историками и органами КГБ! Гитлер специально прилетал к вам в Чечению, а ваши старики в горах встречали главного фашиста и дарили ему белого коня с золотым седлом. А весь народ поголовно вступил в ряды фашистов. Бандиты!.. – с пеной у рта закончил монолог капитан.

Дальше произошло то, чего солдаты, забившие все углы беседки, не ожидали – Аюб захохотал. Все ожидали, что Аюб с кулаками бросится на капитана, но от смеха Аюба переглянулись, и на их лицах появилось что-то напоминающее улыбку. Но, увидев перекошенное бешенством лицо капитана, солдаты застыли.

– Капитан, я в школе неважно учился, но вы тоже недалеко ушли от меня в учености. Немецкие войска так и не дошли до Чечни! Как же наши старики могли встречать Гитлера? Тем более около пятидесяти тысяч моих соплеменников воевали в это время в Красной Армии! А чеченцев в те годы было всего четыреста тысяч. Посчитайте, в процентном отношении это больше, чем всякий другой народ, в том числе и русский! Это чеченцы бились в Бресте с немцами, когда их войска уже стояли под Москвой! Это чеченец Нурадилов уничтожил девятьсот двадцать фашистов из пулемета. Это кавдивизия чеченца Висайтова с боями первой пробилась к Эльбе и встретила с союзными войсками американцев! Америка оценила этот подвиг дивизии, наградив полковника Висайтова высшей наградой своей страны! Я бы мог продолжить этот бесконечно длинный список! Вы даже не слышали про Хайбах... – вовремя остановился Аюб, вспомнив, что название горного селения, где во время выселения заживо было сожжено около тысячи мирных чеченцев, запрещено даже произносить вслух. Но теперь глаза Аюба источали такое пламя, что капитан, раскрывший рот, невольно осекся.

Вдруг солдаты, те, что сидели, все разом встали.

– Батя! – послышался шепот.

– Сидите, сыночки! Сидите, я вот тут тоже присяду, – вошел и присел между солдатами любимец солдат майор Лев Зувилов.

Майор еще раз указал рукой солдатам, чтобы те присели. Пока солдаты садились, сам он достал из портсигара папиросу «Казбек». Несколько солдат одновременно поднесли зажженные спички. Майор постучал мундштуком папиросы об крышку портсигара и, привычно ухватив примятую папиросу, прикурил. Поблагодарил солдат и аккуратно выпустил струйкой дым.

Майор в беседке был желанным гостем, да и сам он любил пообщаться с ребятами по-домашнему. Все солдаты знали, какую нелегкую жизнь прожил этот старый майор. Двадцать девять лет прослужил он в армии, всю Великую Отечественную прошел от начала и до конца, не раз был ранен в боях, но дослужился лишь до майора. Приходилось лишь догадываться об истинной причине, однако официальной была причина: «не окончил военную академию». Солдаты называли меж собой и другую причину: не умел старый майор гнуть спины перед вышестоящим начальством, вот и застрелял боевой офицер в ранге майора.

– Капитан, ты, кажется, используешь «курилку» не по назначению. Недаром солдаты солдатскую беседку называют «курилкой». Тут, брат, курить надо, а не устраивать политзанятия. Для этого в расположении казармы есть «Красный уголок».

Капитан вскочил и рванулся было к выходу, но не смог отказать себе в удовольствии доказать этому возомнившему о себе солдату-чечену свою правоту. Наслушался этот молокосос от своих стариков-брехунов всяких небылиц!

– Лев Иваныч, ерунду какую-то излагает этот «дикий сын гор»! Мой батько от начала до конца прошел Великую Отечественную! Он мне рассказывал, еще с детства я помню. Они, эти «неруси», по кустам прятались. А нашему брату приходилось немца воевать. А этот брехун приплел каких-то неизвестных никому героев! Как это – какой-то чечен девятьсот фашистов уложил из пулемета? Брест наши защищали! До Эльбы дошли наши! Это же факт, не требующий никаких доказательств! А эти «неруси», бандюги, Гитлера ублажали

белогривой кобылой с золотым седлом. За это и были высланы поголовно! – истерично закончил капитан.

Майор неторопливо выпустил очередной клуб дыма и негромко, но с некоторым волнением попросил:

– Сядь, капитан. Не кипятись. Батька твоего я, к сожалению, не знаю. Кажется, он служит где-то в Генштабе. Но такими вещами, как война, шутить нельзя. Война – это злая тетка! Она не имеет одного лица, нет у ней и одной правды. Не любит она и когда лезет к ней каждый со своей правдой. Неохотно выдает она свои тайны. Иногда через десятилетия, а еще хуже, через столетия. Не любит она и когда человек честный, с душой начинает расковыривать все ее преступления. Не верится мне, капитан, что целый народ может стать предателем! Что, и старики, и женщины, и тем более дети? А в Грозном немец так и не был! Кишка оказалась тонка. Я воевал на юге. Не коснулись руки фашистов грозненской нефти. Доберись немчура до Грозного, он получил бы такую мощь! Сотни танков, техника стояла у врага без топлива. Сечешь, капитан? – майор похлопал по спине капитана. – Словечки у тебя всякие обидные – «неруси». Нет, нельзя так, ответ получишь той же монетой. А ведь не отвечают: культура, брат! Освободи себя от этой неприязни к другим нациям. К добру это не приведет. У русских тоже были свои предатели, власовы всякие. У всех народов, подпавших под войну, были! Человек по природному своему страху слаб. Никто не хочет умирать. Но мы не выиграли б войны, если бы этих слабаков было больше. Нет, брат, храбрецов хватало в войну у всех народов! Были, конечно, разные ситуации, но чести своей не роняли! Вот что я вам, ребятки, расскажу, – задумался майор на минуту, словно оживлял образы из прошлого, которое с трудом отпускало их.

– Было это в первый год войны. Я тогда был молоденьким. Несмотря на свою молодость, я умудрился попасть в специальную разведроту, которой командовал подполковник. Еще в те годы я дал слово солдата своим товарищам, что не произнесу до конца своей жизни его имени, дабы не выдать поступок благороднейший.

Наши войска неумолимо отступали, на нашу разведроту возлагались большие надежды в силу того, что немцы нередко обходили наши отступающие боевые части. Попадая в опасные ситуации, многие наши войсковые подразделения теряли свою боеспособность и, впадая в панику, переставали существовать в считанные минуты. Человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша. Тысячи и тысячи полегли, не успевая иногда сделать и выстрела в сторону врага, столь стремительно наседали немцы. Он был, казалось, везде: в тылу, на флангах. Наша разведрота сутками рыскала в поисках путей передвижения вражеских войск. Единственным помощником нашим была летняя зелень, кусты да лес. И ночь была нашей неотъемлемой подругой. И, надо честно сказать, капитан, – майор взглянул в упор в глаза Ланкевичу, – примером для подражания был среди нас один чеченец. Отчаянный храбрец с природной смекалкой и чутьем к боевому делу. Не раз наши разведчики выходили из труднейших, почти безвыходных ситуаций победителями, благодаря интуиции и хладнокровию этого, на первый взгляд ничем не примечательного, молодого кавказца. Когда мы выходили на дело, его точно подменяли, он первым засекал врага, первым всегда наносил удар, наносил с неожиданной стороны, хотя вне боя был добрейшей души человеком. Он ненавидел войну, и воевал он, готовый уничтожить все зло на земле. А как он танцевал «лезгинку», это их кавказский танец. Такие финтифлюшки выделял, движения ног и рук невозможно было уловить! С нами в разведроту был еще один его земляк, тоже чеченец. Он так искусно дополнял того, первого... К сожалению, не запомнил я имени того, второго. А вот первого звали... – майор дотронулся до лба, пытаясь вспомнить

имя чеченца. – Да, вот, мы его звали Борзый, и имя его было точно схоже с этим русским словом.

– Борз! Есть у нас имя такое. Волк, в переводе на ваш язык, – пояснил ловивший каждое слово майора Аюб.

– Точно! Борз! Борзом его звали. Волк, значит... – задумался он ненадолго и затем продолжил. – Волк, волк! Точно! Он словно преображался в волка в бою, действовал хладнокровно и без страха перед врагом. Движения его были молниеносными, глаз верным, ум острым. Волк, значит. А вот командир нашей разведроты подполковник, назовем его «N», был человеком с очень жестоким сердцем. Человеческая жизнь не стоила в то время ничего. В трусости подполковника обвинить, конечно, не решусь, но некоторая растерянность, паникерство в нем вынужден отметить. Борз, тот вел себя в бою так, словно он всю свою сознательную жизнь только и делал, что воевал. Природный вояка, как говорится, а подполковник старался подвести войну под учебники по военному делу, некогда им изученные в военной школе. Солдат для подполковника был словно пешкой, фигурой в шахматной игре. Приказ! Вот что подполковник хорошо запомнил из своей военной учебы, впоследствии и на войне. Да, ничего не стоила человеческая жизнь для подполковника: не выполнил приказ или же выполнил, но не так, как предписал подполковник, а более умно, с меньшими потерями, экономней боеприпасов – расстрел без суда и следствия! На месте! Из своего командирского «ТТ»! Бесстрашный в бою, но добрая душа и отзывчивый на чужую беду, Борз однажды не выдержал. После очередной расправы подполковника над отлучившимся солдатом он, сдерживая гнев, предупредил командира:

– Командир, ты бы лучше вот так стрелял в наших врагов! Их дома ждут, а ты... Так нельзя! Еще раз расправишься с солдатом, сам тебя порешу!

Худощавый подполковник с жиденькими русыми волосами не решился поднять руку на бесстрашного бойца. Борз успел бы выстрелить первым. Надо вам сказать, был у этого чеченца пистолет системы «Маузер», где-то он его раздобыл и не расставался с ним никогда. А стрелял из него – муху мог сбить на лету. Мы еще шутили, что он со своим ружьем на войну пошел.

Однако подполковник мог не выстрелить еще по одной причине: без бойца Борза наша разведрота была бы фактически обезглавлена. Подполковник давно уже понял, что вояка из него не ахти какой, и он негласно уступал место командиру во время боя Борзу. В бою все решал Борз, и все равнялись на него. Подполковник лишь объяснял чеченцу, отведя в сторону, какую боевую задачу перед ротой поставило командование. А как осуществить фактическое выполнение этого приказа Борз решал вместе с остальными бойцами. Потерять нынче такого бойца для подполковника было подобно смертному приговору самому себе. Провал одной, другой операции, задачи, поставленной перед его ротой, и командир по тем временам мог загреметь под военно-полевой суд. Но все в роте знали, что подполковник не забудет и не простит такую выходку бойцу, даже такому умелому, как Борз. После предупреждения Борза подполковник действительно несколько поутих. Да и события разворачивались так стремительно, чаще всего трагически, что подполковнику было не до личных обид. Разведрота рыскала по округе, словно стая волков, разыскивая безопасные направления для отступления наших войск. И, я вам скажу, ребята, не раз разведрота выводила из явного или частичного окружения наше подразделение. Благодаря Борзу, его природному чутью, умению молниеносно принимать решение, нападать на врага или уходить от столкновения с превосходящими силами, были спасены жизни не одной сотни наших солдат. Борз очень уважал ночные вылазки к позициям врага. Он говорил, что чеченцам издревле приходилось сражаться с превосходящими силами, поэтому

применяли тактику ночного боя.

Однажды, уже после упорных месячных боев, в одной из ночных вылазок наши разведчики напоролись на засаду немцев. Оказалось, что сведения об успешных действиях бесстрашных русских разведчиков, «ночных волков», как они нас окрестили, дошли до немецкого командования, и фашистская контрразведка посчитала, что задета их честь, и объявила «охоту» на нашу группу, были выставлены заслоны из отборных разведгрупп.

Надо сказать, что Борз учуял засаду и предложил подполковнику выбрать другой маршрут. Но в этот раз что-то нашло на подполковника, и его самого потянуло покомандовать, в него словно бес какой вселился. Он даже сам и пошел вперед, чего себе не позволял ни при каких условиях. И эта его излишняя активность чуть не погубила весь отряд. Мы прокрадывались по лесу клином вперед с не меньшей осторожностью, чем настоящие волки. Вдруг лес кончился и впереди показалась открытая местность, обильно освещенная луной. Вот тут что-то и нашло на нашего подполковника. Борз предложил обойти открытое, да еще и ярко освещенное луной поле. Поле было покрыто густой высокой травой, идеальное место для засады. Но подполковник почему-то психанул, достал из кобуры пистолет и, чуть пригнувшись, пошел вперед, скомандовав: «За мной!» Нам ничего не оставалось делать, как идти за командиром. Таким манером мы дошли до середины поляны. Густая высокая трава выше пояса хорошо укрывала нас. Но яркая луна, выглянувшая из-за облаков, все-таки подвела нас, а может, именно она и помогла. Вдруг подполковник, шедший впереди клина, остановился и оглянулся. Именно в это самое время впереди него словно из-под земли вырос здоровенный немец в маскхалате и наштипованной веточками железной каске. Фашисту ничего не стоило дотянуться до хрупкой шеи подполковника и свернуть ее. Но то, что произошло в следующий миг, трудно было уловить глазу. Находившийся недалеко от подполковника Борз в молниеносном прыжке достал немца. Лишь в свете луны на миг словно вспыхнул и угас клинок его кинжала, вошедший по рукоять в горло фашиста. Я вам скажу, ребята, кинжал этот Борз любил и лелеял, словно ребенка. И сталь этого кавказского клинка не раз выручала горца в схватке с врагом. Не раз бесшумно снимал этот клинок вражеского часового. Но на этот раз справиться с врагом без шума не удалось. Не успел Борз расправиться с немцем, как впереди нашего отряда полукругом, словно деревья в лесу, выросла отборная, специально обученная немецкая разведгруппа. Это был вызов чести нашей группе, своего рода дуэль двух разведгрупп, нашей и вражеской. Никто не стрелял, в ход пошло все наше мастерство холодного боя. Наши бойцы на ходу сбрасывали со спины небольшие мешки, немцы тоже готовились к смертельному броску и зловеще приближались, стараясь охватить нас кольцом, а мы все шли клином, и на острие клина был наш отчаянный Борз. Свидетелем этой схватки была яркая луна. Вдруг, словно по команде, все разом мы ринулись вперед. Немецкие позиции были рядом, поэтому старались не шуметь. Еще раз блеснул клинок кинжала в руках Борза, но в этот раз он проскользнул меж врагов, словно жалящая змея. Мы сошлись с врагом лицом к лицу, бились молча грудь в грудь. Мастерское владение финкой, физическая выносливость, сила духа, отвага – все это нам пригодилось и пришлось продемонстрировать в эту ночь. Но немцы тоже были обучены в специальных лагерях этому мастерству, мастерству убивать себе подобных. В ход пошла даже обыкновенная русская солдатская лопата. Далеко слышен был хруст разбиваемых черепов и ломаемых костей. Услышали нас и на немецких позициях. Застрекотали над нашими головами пулеметные очереди. Теперь нам нечего было терять, пошли в ход «ППШ» и «Шмайсеры». Мы, отстреливаясь, начали уходить в сторону леса. Мы тащили с собой раненых, но многие остались лежать на поле боя. Земляк

Борза был ранен в руку, и она у него беспомощно свисала. Борз подскочил к нему, держа автомат наперевес и посылая в сторону врага длинные очереди. Но и раненый, перекинув ремень автомата за шею, одной рукой отстреливался и умело уходил. Они не задерживались на месте ни на секунду. Один стрелял, второй отбегал и готовился стрелять, а в это время как бы под прикрытием огня из автомата товарища отходил и в свою очередь готовился к стрельбе и выбирал цель. Вот что значит быть природным воином. И с какой хладнокровностью они это делали!

Немногие из нас сумели уйти в лес. Легко ранен был и подполковник, он тоже сумел спастись. О нашей дуэли с немецкой отборной разведгруппой скоро узнали по всему фронту. Подполковник наш был награжден орденом «Красной Звезды», и мы все, выжившие и погибшие посмертно, были награждены медалями «За храбрость». Нам дали время, чтобы подлечить раны, отдохнуть. Подполковнику перевязали рану, но ехать в санчасть он отказался. Вскоре он уже суетился с перевязанной рукой, пополняя состав нашей разведроты. Он проверял рослых крепких парней, присланных к нам для этой цели из разных частей вместо наших погибших товарищей.

Однако долго отдыхать нам не пришлось. Немецкие войска все еще наступали с особым упорством, шли ожесточенные сражения. Наши войска отступали, оставляя врагу города и села, от наших разведчиков зависело очень многое, ведь разведка это, как говорится, глаза и уши в войсках.

Майор Зувиков почему-то виновато взглянул на Аюба и продолжил значительно изменившимся голосом:

– Было это уже осенью. Наша разведрота получила задание командования произвести разведку местности, если нужно и с боем. Насколько нам объяснили, были скудные сведения, что немецкая мехколонна с танками прорвалась вглубь нашей территории и, возможно, постарается устроить засаду нашим отступающим войскам в глубине нашей же территории. Как уже было заведено у нас, мы вышли на задание в полночь. Тучи заволакивали небо, моросил дождик. Погода нам сопутствовала. Нам нужно было до рассвета отмахать порядочное расстояние до деревни Степановка, поэтому наш подполковник спешил не на шутку и был зол, как всегда. Борз Ильясов со своим земляком вдвоем по какому-то известному лишь им наитию прокладывали путь. Подполковник часто заглядывал на стрелки компаса, но это так, больше для порядка, чем по необходимости. Борз двигался впереди, и это как-то способствовало душевному спокойствию бойцов. Но это продолжалось лишь несколько часов, ближе к утру перестало моросить, и даже тучи местами рассеяло порывами ветра. Подполковника снова потянуло в голову отряда. Вероятно, оттого, что с нами был молодой лейтенант, заглядывавший в рот командира. Ребята насторожились, но делать было нечего, с командиром спорить опасно. О самосудах, чинимых им до предупреждения Борза, знали даже бойцы из пополнения. Мы шли большей частью по пролескам, часто выходя на проплешины с пожухлой травой. Борз был единственным бойцом, который решался несколько оспаривать мнение командира, но и он, сделав несколько попыток подправить курс, плюнул на все и слепо следовал за подполковником. У бойцов уже притупилось чувство осторожности, и могучие парни, стоившие в бою двух, а то и более солдат, шли, понуро опустив головы и глядя себе под ноги, словно считали свои шаги. Начало потихоньку светать, и к этому времени подполковник стал заметно нервничать и часто заглядывать на циферблат компаса и в карту в планшетке.

– По моим подсчетам, мы должны были упереться в Степановку, – выдал он себя, но быстро взял себя в руки. Он снова раскрыл планшетку, маскируясь, осветил фонариком, подозвал к себе лейтенанта и, показав на карте примерное место, где мы должны находиться, приказал тому взять с собой несколько

бойцов и, выдвинувшись к предполагаемому месту расположения, срочно выяснить местоположение деревни.

– Есть! – с глупой радостью на растянувшемся лице шепотом произнес лейтенант и поскакал исполнять приказ.

Ребята укрылись в небольшой березовой рощице и расположились на отдых. Но отдыхать нам пришлось недолго, минут десять, не больше. Вдруг в том направлении, куда ушел лейтенант с шестью бойцами, раздались очереди немецких «Шмайсеров» и растерянный и робкий треск «ППШ». В считанные секунды все затихло, отдохавшие бойцы лишь успели вскочить, на ходу готовя оружие к бою. Установилась зловещая тишина. Бойцы с неммым вопросом глядели на подполковника, но тот и сам еще не принял никакого решения. Борз Ильясов первым не выдержал тягостного молчания, промедление могло стоить жизни лейтенанта и его группы. Чеченец рванул туда, где только что прозвучали выстрелы, за ним его земляк и несколько бойцов. Скоро они возвращались с двумя бойцами из группы лейтенанта.

– Доложите! – рявкнул тем двоим подполковник.

– Това... товарищ подполковник, немцы! Всюду немцы! Товарища лейтенанта и ребят расстреляли в упор! Мы... мы чудом уцелели! Они идут за нами...

Подполковник бешено искал свою кобуру, но его взгляд случайно остановился на руке Ильясова. Тот по привычке держал ее на рукояти своего неизменного «Маузера». Рука командира механически перестала шарить, а глаза тут же расширились. Он увидел за спиной чеченца на расстоянии выстрела цепи немецкой пехоты.

– Ложись! К бою! – скомандовал он, бросаясь всем телом в засохшую траву, словно его скосила автоматная очередь.

Вполне возможно, что и скосила бы, если бы он в эту секунду не плюхнулся на землю. Потому что тут же воздух разорвали несколько сотен немецких автоматов и винтовок. Бойцы рассыпались среди березовой рощицы, начали отстреливаться, но было ясно, что долго они там продержаться не смогут. Если же отступить всей группой, то немцы могли преследовать и одного за другим уничтожить всех до единого. Следовало предпринять срочные меры. А что тут предпримешь, если немец не дает тебе и головы поднять?! Уже были первые раненые и убитые. Подполковник сам тоже укрылся за тоненькой березой и стрелял из своего пистолета в никуда, так как из пистолета достать немца на таком расстоянии было довольно сложно. Но командир таким образом успокаивал себя. Вскоре просвистел над головой, чуть ли не касаясь верхушек деревьев, первый вражеский снаряд. Немцы пристреливались для масштабного артобстрела. Дальнейшее промедление было смертельно опасно.

– Отступать! Самостоятельно! – заорал, наконец, подполковник и сам, прикрываясь деревьями, отошел на несколько шагов. – Отходить! Сейчас из орудий расстреляют к чертовой матери!

Вслед за этим совсем рядом за ним разорвался снаряд. Немцы посылали снаряды из расчета, что русские уже начали отходить. Первым это понял Ильясов и увлек бойцов, что были рядом с ним, в сторону. Солнце к тому времени освещало все вокруг. Справа поодаль виднелась то ли лесополоса, то ли лес, дойти до него было не так просто. Как бы там ни было, другого спасения у бойцов не было. Вражеские снаряды к тому времени начали взрываться сплошной стеной за спинами разведчиков. Прикрываясь черным дымом от взрывов снарядов, бойцы рванулись за Ильясовым. Разведчикам сильно помогло и то, что между березовой рощей, откуда они уходили, и лесом был редкий, но довольно высокий кустарник. Укрываясь, пригибаясь как можно ниже, разведчики изо всех сил рвались к лесу. Подполковник умудрился каким-то образом очутиться впереди убегающих бойцов. Ильясов закинул за спину

свой «ППШ» и подхватил у погибшего бойца ручной пулемет, что оказалось очень кстати. С фланга на рвущихся к лесу разведчиков вышла немецкая пехота и открыла огонь из винтовок и автоматов. Вот тут и заговорил суровым лаем в руках зоркого чеченца «дегтябрь». Он боком уходил в сторону и с бедра открыл безостановочную стрельбу, прикрывая своих товарищей. Немцы, по-видимому, не ожидали встретить здесь русских, должно быть, они торопились обойти березовую рощу, чтоб окружить противника. Они залегли, а некоторые попытались отойти, отстреливаясь, но почти все полегли под метким огнем Ильясова. Чеченец не мог не остановиться и прицельно расстрелять их, но чуть было собственной жизнью не заплатил за эту слабость. Пулемет в его руках вдруг замолк – патроны закончились. Ильясов начал все так же боком уходить и из прихваченной им у погибшего пулеметчика сумки достал очередной диск. Несдобровать бы ему, если бы рядом с ним вдруг не вырос его земляк и несколько таких же отчаянных парней-разведчиков. Они бросили гранаты и затем открыли из автоматов огонь длинными очередями. К тому времени и «дегтябрь» снова залаял, уходя все дальше и дальше к лесу. Немцы упустили момент и все же пустились преследовать русских. Однако ищи теперь, попробуй, разведчика в лесу! Разумеется, если в лесу, но лес оказался лишь большим перелеском, к тому же обложенным немцами со всех сторон бронетехникой. Разведчики прошупали, просмотрели все закоулки лесополосы, но так и не нашли безопасного места, чтобы вырваться из окружения. Хуже всего было то, что и немцы знали, что русским отсюда не выбраться, поэтому не торопились добывать измотанных разведчиков в лесу. Зачем им рисковать своей пехотой ради горстки русских, укрывающихся с одними автоматами?! Немцы еще раз проверили все выходы из леса и принялись монотонно из орудий, минометов, из башенных пушек танков расстреливать лес. А пехота немецкая в это время отдыхала, играла на губной гармошке.

Подполковнику снова следовало действовать, принимать решение. Он самолично под разрывами снарядов обошел лесополосу вдоль и поперек. Однако лишь в одном месте была хоть какая-то надежда. В этом направлении подполковник в бинокль заметил только несколько танков, пехоты немецкой, вроде, не было. Если несколько бойцов подползут и подобьют связкой гранат хоть парочку из них, то возможно воспользоваться создавшейся заминкой и прорваться остальным.

– Возможно, но может оказаться засадой. Выманят и расстреляют из башенных танковых пулеметов. Даже снаряды на нас тратить не нужно будет, – заявил Ильясов, когда посмотрел.

– Другого выхода нет! – сказал подполковник.

– Выход всегда есть, – ответил на это чеченец.

– Какой?

– Обедать, товарищ командир, – ответил боец и действительно устроился в воронке от взрыва снаряда и начал доставать из вещмешка припасы. – В одну и ту же воронку снаряд не попадает дважды, – задорно улыбнулся он командиру, приглашая того в свою компанию.

Подполковнику стало любопытно, что же этот горец имел в виду на самом деле, ведь человек восточный обязательно должен с хитрецей, лукавинкой заумно преподнести свою мысль. А если и вправду, то обедать давно уже была пора. Как утопающий хватается за соломинку, так и подполковник подчинился воле этого ненавистного ему и в то же время достойного человека. Командир ловко запрыгнул к Ильясову, несколько бойцов, что находились неподалеку, последовали их примеру и выбрали себе рядом воронки от взрывов крупных снарядов.

– Скажи, Ильясов, откуда у тебя это доисторическое оружие? – указал

подполковник на огромный «Маузер» чеченца, доставая из своего вещмешка тушенку.

– Со своим ружьем в армию пошел, а тут война, и пригодилось ружье, – пошутил Ильясов.

– Да, просто на козле к тебе не подъедешь, – впервые за последнее время улыбнулся подполковник. – А зачем он тебе, такой громоздкий? – снова не удержался он от вопроса.

– Немцев пугать, товарищ командир, а то они даже пулемета не боятся, – пошутил снова чеченец, уплетая тушенку и не обращая внимания на разрывы снарядов вокруг в лесу.

Правда, немец тоже, должно быть, обедал или послеобеденным сном увлекся. Обстрел леса велся вяло и с неохотой. Куда немцу торопиться, русский медведь в загоне и никуда не денется!

– Если серьезно, Ильясов, какие размышления у тебя по поводу сложившейся обстановки? Как бы ты поступил? – прямо спросил, наконец, подполковник Ильясова.

– Да очень просто, ночью пробьемся с меньшими потерями, товарищ командир, – ответил Ильясов.

– Опять ты за свое! Чего тебе далась эта ночь?

Не понял снова подполковник простых вещей, что у врага надо искать слабое место. А может, он боялся ночи больше, чем немца? Пообедав, подполковник полез наверх, собрал нескольких бойцов и велел им собрать всю группу здесь, в одном месте, для прорыва.

Через некоторое время бойцы были собраны на данном направлении, хотя пока пробирались, снова потеряли нескольких человек. Несмотря ни на что, командир настаивал на своем: «Прорыв и все!» Но это направление следовало разведать. И подорвать пару танков.

– Рядовой Привалов! Ко мне! – скомандовал подполковник.

Здоровенный парень с Архангельска отозвался из укрытия за деревьями и рванулся к командиру, ему нужно было пробежать метров двадцать. Пригнувшись и держа в одной руке «ППШ», он побежал, но в это время за его спиной поднялся черный дым, внутри которого блеснул огонь разорвавшегося снаряда. Парня чуть подбросило, на фоне огня видно было, что он крепко держит в руке автомат. Когда парня ударило об землю, он попытался встать, но снова упал бездыханно.

– Рядовой Завьялов! – заорал снова подполковник, прячась за стволом старой толстой лиственницы.

Завьялов повезло больше, более того, к тому времени немцы по какой-то причине прекратили артобстрел. Худощавый, молодой, еще безусый Завьялов подбежал к командиру и с щенячьей тоской в голубых глазах приложил руку к пилотке.

– Прощупай-ка вот это направление. Почему танки стоят неподвижно, можно ли подобраться к ним так, чтоб подбить пару штук? – приказал подполковник.

Завьялов снова молча приложил руку к пилотке и, притаившись за крайним деревом, всмотрелся в застывшие жерла башенных орудий немецких танков. Вдруг солдат, решившись, пригнулся и рванул вперед. Сделал несколько шагов и словно споткнулся обо что-то, упал и больше не встал. Лишь после до наших ушей донесся грозный звук короткой очереди со стороны одного немецкого танка.

– Рядовой Синица, рядовой Васильев! – прозвучала следующая команда. – Ползком! Вперед!

Солдаты притаились у края леса. Старший Васильев упал и пополз, но вот молодой еще Колька Синица никак не решался. Умоляюще оглянулся на

подполковника, но тот потянулся к кобуре пистолета. Синица сглотнул слюну и, резко повалившись в траву, пополз. Васильев оторвался от напарника вперед метров на тридцать. Вдруг из башенных орудий немцы открыли огонь по окраине леса, один за другим прогремело три взрыва. Все, в том числе и подполковник, бросились на землю и укрылись за деревьями. Снова установилась тишина. Черный дым от взрывов по полю рассеяло ветром. Вдруг послышался шорох в траве и вслед за этим к позициям разведчиков приполз Коля Синица.

– Невозможно пройти, товарищ подполковник! – виновато улыбнулся боец и тут же застыл в ужасе, увидев дуло пистолета.

Подполковник прицелился и пустил пулю бойцу промеж глаз:

– За невыполнение приказа в боевой обстановке! – объяснил он и повернулся, чтобы выбрать следующую жертву для бесполезной вылазки, но и сам застыл подобно бойцу, которого он только что застрелил.

Ильясова чутье не подвело и в этот раз. Он полулежал на дне воронки, когда услышал сухой хлопок выстрела. Чеченец узнал бы выстрел этого пистолета из сотни подобных. В мгновение ока он оказался наверху лицом к лицу с подполковником. От его яростного взгляда подполковник и ужаснулся, так как понял, что один из них с этого места не сойдет живым. Подполковник, словно в замедленном кадре, поднял свой «ГТ», но этих секунд хватило чеченцу, чтобы пустить пулю в лоб подполковнику из своего верного «Маузера».

– Ребята, выставьте наблюдателей за противником и укройтесь надежно, – произнес Ильясов и снова сполз в воронку, он был удручен случившимся. Разведчики притихли, а немцы, заподозрив неладное, решили-таки зачистить лесополосу. Стреляя на ходу из орудий, десять танков с крестами на боках пошли вперед. Боец-наблюдатель тут же подскочил к воронке Ильясова:

– Борзый, «крестоносцы» пошли на нас! Десять штук! Без пехоты!

– Укрыться всем хорошенько! Впустить их в пролесок! С флангов двум пулеметчикам сторожить пехоту! Если пойдет за танками, отсекай! Теперь поглядим, у кого башка крепче! – прокричал Ильясов.

Танки немцев на полной скорости начали вламываться в расположение разведчиков, сваливая деревья и стреляя из бортовых пулеметов. Началась дуэль разведчиков с железными машинами. Оставив за спиной в лесополосе горящие танки, группа разведчиков ринулась в образовавшуюся брешь. Немцы вскоре опомнились и атаковали отступающих разведчиков с флангов, но было уже поздно. Отстреливаясь от фрицев, разведчики выходили из окружения. Немало бойцов полегло в этом последнем бою в группе разведчиков.

Майор Зувиков вдруг прервал свой рассказ и многозначительно посмотрел на солдат.

– Оставшиеся в живых бойцы были обязаны жизнями Ильясову, – продолжил он. – Мы все понимали это, и каждый из нас дал слово, слово разведчика, что в своей жизни больше никогда не произнесет имени этого злосчастного подполковника. Я держу свое слово и поныне... Но нашлись такие неблагодарные языки, что шепнули начальству о трагедии, случившейся в том пролеске. Дело дошло до особого отдела и, несмотря на заступничество генерала, Ильясова арестовали и приговорили к «высшей мере» наказания. Как сегодня помню тот холодный осенний день. Во дворе одного заброшенного старинного трехэтажного дома построили перед стенкой десять солдат из особого отдела с автоматами «ППШ» для приведения приговора в исполнение. Нас всех построили позади этих десяти особистов для наглядности, чтоб другим неповадно было. Ильясова, без ремня и погон, привели и поставили к стенке. Я вдруг вспомнил про его неизменный «Маузер». До слез было жаль этого мужественного человека. Он и теперь держался с высоко и гордо поднятой головой. Он лишь искал глазами в строю солдат своего земляка.

Очень виноват я перед его памятью, не запомнил я его имени. Он стоял в строю совсем недалеко от меня и был настолько удручен случившимся, что я его не узнал. У него вдруг загорелись глаза! Я понял, что такой же огонь горит и в глазах Ильясова, это огонь мужества и самоотверженности. Вдруг земляк Ильясова заговорил подобно грому среди ясного неба на своем чеченском языке. Ильясов же отвечал ему что-то наподобие: «Ма вох-ха!..» Никто не понимал, о чем говорил земляк в смертный час своего друга. Никто, даже особисты, не решались прервать диалог героев. Вдруг земляк выхватил из-за спины свой автомат «ППШ» и длинной очередью вмиг уложил десятерых особистов, готовых привести приговор в исполнение, и их офицеров. А Ильясов с ловкостью барса подпрыгнул к одному из убитых солдат и выхватил из его рук «ППШ». Направив на нас оружие, чеченцы, прикрывая спины друг друга, начали уходить. Многие из нас даже и не подняли оружие. Командиры только теперь опомнились. Все произошло в какие-то доли секунды. Прозвучала команда солдатам: «Стрелять!» Раздались вдогонку неуверенные выстрелы, но чеченцы отстреливались умело. Один отходил, другой стрелял. Они успешно вышли со двора здания и уже были вне досягаемости автоматов. Они поняли, что спаслись, закинули за спины автоматы и побежали в сторону ближайшего леса. Но оказалось, что особисты посадили своего пулеметчика на крыше трехэтажного дома. Вот он их и достал, этих храбрецов! В спину! Дстойнее этой смерти я в своей жизни больше ничего не видел.

Майор замолчал. Солдаты были ошарашены его рассказом. Чтобы рассказать такое, в те годы нужно было мужество настоящего бойца-разведчика. Вдруг солдаты увидели, как блеснул огонь в глазах майора. Ребята догадались, что это огонь мужества, может быть, подхваченный им у тех храбрецов-чеченцев, его боевых соратников и друзей на всю жизнь.

– Так что, капитан, если все чеченцы такие мужественные, как те мои боевые друзья, то храбрее этого народа нет на свете.

Прибежал дневальный со штык-ножом, болтающимся на боку.

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

– Обращайся, солдат!

– Построение, товарищ майор!

– Понятно. Построение так построение! Идите, ребятки, – обратился он к солдатам. – Рядовой Имазаев, задержись-ка, брат, – попросил майор.

Майор подождал, пока беседка опустеет. Затем он подошел к Аюбу, положил по-отечески руку на плечо солдата и спросил:

– Вот уже более тридцати лет я не могу понять, что же все-таки обозначали те слова.

– Какие слова, товарищ майор? – не понял Аюб.

– Слова моего боевого товарища Ильясова: «Ма вох-ха!» Ты же чеченец, должен понимать язык...

– Это, товарищ майор, клич чеченцев. Когда надвигается грозный, смертельно опасный, решающий миг в их жизни, они обращаются к друзьям: «Ма воха, сан ваша!», а перевести на русский язык это можно примерно: «Держись, браток!»

Майор рывком потянул к себе Аюба, обнял, словно он через тридцать лет вновь встретил своего боевого товарища Ильясова.

Шамсудди Макалов**В бывшей мечети**

Рассказ из цикла «Записки врача»

В моей памяти рисуется один из сентябрьских дней, когда я с Ахмедиком, племянником тети Хеди, придя из больницы на обед, вынужден был отправиться на поиски керосина. Тети Хеди не оказалось дома, она по делам пенсии уехала в районный центр, а керогаз стоял без керосина. В его поисках Ахмедик был моим спутником, так как я еще не знал, где он продается. Мальчонка был маленьким, худеньким, но самоуверенным.

Мы шли вдоль по улице. Шагали мимо опрятных дворишков, живых изгородей. Деревья, которыми была обсажена улица, начинали желтеть и ронять листья. Неяркое осеннее солнце то пряталось за облачко, то снова выглядывало на простор чистого неба. На огородах стояла еще не убранная кукуруза, поблекшая и высокая. Под дуновением ветерка листья ее как будто о чем-то шептались. А в целом еще не отмечалось четкой грани между летом и осенью. Несколько раз тявкнула на нас какая-то собака, но тут же, громко зевнув, смолкла.

А Ахмедик шел рядом, не помня себя от восторга: так он был рад, что показывает мне дорогу и идет рядом со мной. На ходу он ел лепешку. Когда с ней было покончено и он проглотил последний кусочек, то начал мне рассказывать, как зимой волк попал в капкан, поставленный Абуязидом в зарослях около Аргуна.

Когда мы проходили мимо школы, он заметил своих босоногих друзей, резвящихся в небольшом школьном саду, словно птицы, на ветвях яблонь и груш. Ему, может, и хотелось «попасться» с ними, но бросить он меня не мог. Он только махнул им рукой и посмотрел на меня.

А когда мы проходили около нашего сельского совета, Ахмедик схватил меня за рукав:

– Посмотри, посмотри, дядя Гилани. – Ахмедик было смешно. Я увидел, как петух дерется с индюком. Петух был блестяще-желтый, большой и крепкий. И был такой бой, что перья летели во все стороны. Вся схватка была недолгой. Прибежали на помощь с криком еще два индюка, и забияке-петуху пришлось ретироваться с поля боя.

Почти на краю села я увидел старое, но довольно большое здание. Это оказалась бывшая сельская мечеть. Около нее стояла очередь – женщины и дети с канистрами и бидончиками. Мы с Ахмедиком подошли ближе. В бывшую когда-то мечеть, а теперь в магазин-склад для продажи керосина и стройматериала вела большая двустворчатая резная дверь. А вот большие окна, кроме одного маленького у дверей, огромными гвоздями были забиты горбылями. Высокие каменные стены хорошо сохранились, но минарета уже не было – был снесен неизвестно когда. Хорошо, сохранилась арабская надпись под карнизом.

Торговля керосином шла во дворе магазина. Попросив Ахмедика занять очередь, я вошел в магазин. Как только я ступил на первую скрипучую половицу у дверей, одна из подпольных обитательниц, большая серая крыса, торопливо пробежала по полу и улизнула в свою норку, вильнув хвостом. В магазине никого не было. Я сделал небольшой обход: здесь хранились железные бочки, ящики, фанера, краска и еще всякая всячина.

Когда я, задрав голову, осматривал отделку, ко мне подошли две женщины средних лет. Одеты они были скромно, но опрятно.

– Это была мечеть, доктор. По пятницам люди шли сюда молиться, – сказала

одна из них, что была худощавее и чуть повыше ростом.

– А теперь и дома редко молятся, – добавила вторая.

– Извините, мы знаем, что вы наш новый доктор, – опять вступила первая, посмотрев на меня своими большими голубыми глазами, которые казались на овальном бледном лице несколько ввалившимися. В молодости она, по-видимому, была привлекательной девушкой и произвела на меня приятное впечатление. Когда она представилась Мархой, я внимательно посмотрел на нее: «Неужели она и есть подруга того самого абрека Тасу? Губа не дура».

Вторую с шелковистыми светлыми волосами звали Совдат. Жили они почти по соседству и были подругами. Марха после гибели мужа на горных выработках в Киргизии одна воспитывала двенадцатилетнюю дочь.

– Совдат, а знаешь почему редко молятся? – спросила Марха.

– Наверно, времена и люди другие, – улыбаясь, попытался я ответить за Совдат.

– Нет, доктор, – серьезно сказала Марха, – времена и люди здесь не при чем.

– А в чем же дело? – спросил я.

Мне интересно было послушать ее мнение.

– Просто наша власть не любит религию. Она до сих пор стоняет людей с молитвенных ковриков. Она нас всех хочет видеть безбожниками. Хотя меня считают сумасшедшей, но я считаю сумасшедшими тех, кто этого не знает или не хочет знать. Все меньше и меньше становится людей, знающих Ислам и его обряды. Скоро по обряду некому будет хоронить людей. Теперь мало кто совершает по пять раз в день намаз, все меньше людей держат месячный пост. А некоторые обряды полезны не только для духовного, но и физического здоровья человека. Возьмите, например, уразу. Воздержание в период уразы избавляет то лишнего жира и укрепляет волю. Вы, как врач, должны это лучше других знать. Мне запрещают, но я буду говорить и петь об этом в своих песнях.

Я с удивлением смотрел на нее. Мне не часто приходилось слышать подобные речи. «Вот, оказывается, какая Марха, вот, оказывается, почему КГБ в ней «души не чаёт», – подумал я. Мне понравился ее голос: музыкальный и звучный.

Я не был силен в богословии и все же сказал:

– Ведь достижения науки приносят пользу как верующим, так и неверующим. Я видел церкви и мечети, оборудованные не только неоновыми лампами, но и мощными подвесными вентиляторами. А возьмите паломников. Они отправляются в Мекку в реактивных самолетах. А в целом вы правы: идет процесс «оскудения» религии.

– Вот, вот, доктор, правильное слово вы нашли. Из года в год идет это оскудение. Какие пошли теперь времена! Мужчины забывают адаты предков. И не только адаты, даже свои корни. Наглядный пример: встречаются два призывника. Один спрашивает другого: «Ты откуда родом?» Тот отвечает: «Я с Минутки». Есть у нас такая площадь в Грозном. А возьмите культуру. Где культура? Посмотри на наших девушек в городе. До чего вольны их манеры, поведение. Разве такая была горянка?! Просто воюют с нашими обычаями. А как приятно, когда девушка, скромно потупив взор, прошелестит мимо чуть слышно.

– Перестань, Марха. Не говори лишнего. Ты болтлива, а наше время не располагает к такой болтливости. Что он может подумать? Человек он здесь новый, вот ему и интересно на все посмотреть.

– Стыдно, Совдат. Вечно ты со своими подозрениями. Именно потому, что он здесь новый, мне интересно с ним говорить. Я кое-что, доктор, о вас слышала. Знаю, что вы сирота, выросли в детдоме. Знаю, что вы ищете своих родственников... Сталин, будь он трижды проклят!.. Доктор, ведь вы знаете

постигшую нас беду?

– Знаю, конечно. Сфабриковали обвинение...

– Вот видишь, Совдат, – с жаром сказала Марха, – доктор не мог не знать. Сталин, лишив Родины, кинул нас на чужбину. А сколько осталось таких сирот, как вы! Повзрослев, они ищут родственников, а родственники их. Посмотри на него, Совдат, он же настоящий кавказец. А зовут...

– Геннадий Антонович, – подсказал я.

– Кто в это поверит? – Марха посмотрела на Совдат.

– Клянусь Аллахом, никогда не поверю, – заявила Совдат.

– Ну конечно, нет, – покашливая, подтвердила Марха.

– Если действительно хотите помочь, помогите мне в моих поисках. Меня интересует период раскулачивания.

– У меня есть, доктор, одна идея, – сказала Марха, – но ее надо хорошенько обдумать. Есть один человек, – она прищурилась и вполголоса докончила, – я как-нибудь сведу вас с ним, если у меня получится.

– Я бы с радостью... – мечтательно произнес я. – Спасибо вам.

И тут же подумал: «Не Тасу ли это?»

– Это милосердие, доктор. Мы обязаны помочь. Наша власть, запрещая религию, довела до того, что мало кто из людей сможет пройти через мост Аль-Сураг. Доктор, говорят, он тоньше волоска и острее сабли. Грешные будут идти по этому мосту ощупью во тьме и упадут в пропасть. И лишь достойные пройдут, не теряя равновесия, уверенно, без страха. Вы слышали об этом? – посмотрела на меня Марха.

«Интересно, – подумал я, – как это люди, не побывав в загробном мире, все про него знают?» Но вместе с тем я ловил себя на неотступной мысли, возможно даже точно такой, какая занимала и многих других: действительно ли жизнь моя и смерть во власти Бога? И что, если я некогда предстану перед ним? Лично меня советская идеология не смогла сделать полным безбожником, поэтому я не был среди тех, которые были заражены совершенным неверием и отреклись от Бога. К числу таких «нечестивых» себя не причислял, хотя не совсем возлагал на Него свое упование, жил по принципу «береженого Бог бережет». А чистое сердце и любовь к людям считал лучшей рекомендацией для рая.

– Вот как?! – ответил я. – Признаться, я этого не слышал. Но я скажу одно, и вы должны знать это: глумятся над всей религией вообще. Не только здесь, а по всей Руси точно так же стоят заброшенные церкви и используют их точно так же, как и у вас под конюшни, склады, а то и просто сваливают мусор. Я видел, как смотрят они на мир пустыми глазами, словно чем-то провинились перед Богом. Жалко на них смотреть. А ведь их кто-то строил, они же ведь памятники искусства. История нам этого не простит. Посмотрите сюда, – я показал пальцем на сохранившийся орнамент, узоры, – здесь работала умелая рука мастера. Обидно сейчас за него. И вообще, обидно за наши памятники старины. Посмотрите, сколько у вас разрушенных и полуразрушенных башен. Это же история народа. И такое надругательство. Равнодушие или вернее бездушие в этом вопросе приносит большой вред. И знаете, мне кажется, что возрождение религии стало бы отрадной приметой для людей. А что касается Ислама, мне кажется, в его чистоте – его красота.

– Вот видишь, Совдат! Ты слышишь его? – с жаром спросила Марха, у нее даже выступил легкий румянец на бледном лице: – Из вас, действительно, получится настоящий врач. Нельзя без доброты, мягкости и любви завладеть душой и вылечить больного. И в этом, доктор, вашей помощницей является религия. Только вы и она можете подсказать то единственное верное слово, которое утешит человека. Даже одно и то же сообщение можно преподнести по-разному. Однажды я слышала притчу...

– Марха, ты задерживаешь человека, – сделала замечание Совдат.

Я посмотрел на Ахмедика. Он еще стоял в очереди, и я сказал:

– Притчи, особенно кавказские, я очень люблю. В них сама мудрость. Так что, прошу вас, расскажите.

– Вот видишь, Совдат... Говорят, что однажды горец видел страшный сон. Проснувшись, он долго думал над ним и, наконец, решил пойти к толкователю снов. Толкователь выслушал его и сказал: «Тебе, уважаемый, суждено похоронить всех своих братьев и сестер». – «Да похоронят твоего отца с кабаном!» – обругал горец в душе этого толкователя за плохое предсказание и пошел к другому. Тот внимательно выслушал его и объяснил сон несколько иначе: «Твой сон говорит о том, что ты переживешь всех своих братьев и сестер. На то воля нашего Аллаха, милостивого и милосердного. Да будут все твои беды и невзгоды позади». Тут уже горец не обругал, а поблагодарил толкователя за добрую весть, даже сделал подарок за такие хорошие слова.

– А ведь суть обоих предсказаний одна и та же, – поспешила сделать вывод Совдат.

– Вот именно, – сказала Марха, – поэтому должно хватать душевной теплоты, старания и умения...

– Марха, мне кажется, за нами наблюдают. Я их видела вчера вечером около нашего переулка, – сказала Совдат, выглянув во двор.

Действительно, в тени под деревом стоял «газик», и около него крутились двое мужчин. Ни я, ни женщины их не знали.

– Ну и что, Совдат? – сказала спокойно Марха, выглянув во двор. – Ты привыкла каждого бояться. А мне-то что пугаться? Меня и так все знают, пусть и доктор знает. Пусть знает, что я дочь муллы, которого без суда и следствия расстреляли большевики, пусть знает, что мать умерла в тюрьме, а я с сестренкой воспитывалась в специнтернате, иначе говоря, в детской тюрьме. Сестренка там умерла, а я каким-то чудом выжила. Лучше бы я одна сгинула вместо них всех. Пусть знает, что я играю на гармошке и пою, хотя репертуар развлечений, доктор, у меня не совсем привычный, в нем горе – злосчастье моего народа. Пусть знает, что отсидела почти два года в психушке, куда меня насильно увезли, считая сумасшедшей. Прошла среди действительно сумасшедших унижительную систему наблюдения, терпела всякие успокоительные уколы... кличка «артистка». Говорят, не обращайтесь на нее внимания – чокнутая... Вот такая жизнь. Даже пенсии по мужу лишили. А как вспомнишь наше переселение... Зловонные теплушки с наглухо закрытыми дверями... Голоса. Плач. Причитания, вопли, крики, конвой с автоматами... Скученность. А какой был стыд – жгучий, горький. У нас, у чеченцев, увидеть самого себя обнаженным перед зеркалом считается бесстыдством, а тут приходилось оправляться в присутствии родственников, знакомых мужчин, даже женихов, отгораживаясь только тряпочкой. Жутко. Не нахожу слов, чтобы передать. Может быть, глупо все это рассказывать вам. Расскажешь – все равно не поверят...

Голос ее дрогнул, и она умолкла. Чувствовалось, что очень близкой болью отозвалась в ее душе та недалекая трагедия своего народа. Казахстан и Средняя Азия должны были стать могильными склепами для него. Ему было сказано ясно и четко: «Вы осуждены навеки! Не ждите ни пересмотров, ни амнистий!» Это была великая беда, нежданно-негаданно навалившаяся на мирных людей.

– Марха, а на что вы живете сейчас? – спросил я после небольшой паузы.

– Да так, доктор, тянусь, выкраиваю кое-как на пропитание. Не жизнь, доктор, а могильное тление. А сейчас, после этих сплетен, и жить-то не хочется. Зачем жить в таком унижении?!

Она хотела еще что-то сказать, но вдруг закашлялась. Кашляла долго, мучительно. Лицо посерело. Чувствовалось, что у нее слабые легкие. Об этом же говорили худоба и бледность.

– Проклятый кашель, так и хочет свести меня в могилу, – сказала она, переводя через некоторое время дыхание и обтирая платком рот и лицо. На

платье я заметил каплю крови.

– Вам надо срочно прийти в больницу, – сказал я сочувственно и повелительно.
– Охотно помогу вам.

– А-а-а, – безнадежно и тихо отмахнулась она. – Чепуха! Что такое жизнь человеческая? Сегодня ты есть, а завтра, смотрят, нет тебя. И все на этом. Богу мы принадлежим, к Богу должны вернуться. Если Он не смилостивится, вы не поможете.

– Но у вас же дочь...

– Да. Но мне горько на этой черствой земле, – ответила она, немного помолчав.

– И все же она дает плоды. Вы не верите?

– Но только не мне... Я верю в Аллаха. И большей веры не может потребовать никто. Если у вас есть время, я расскажу вам еще одну маленькую притчу, хотя я сама стала в селе, как говорят, притчей во языцех.

Я выглянул во двор: Ахмедика моего уже там не было, видимо, он с керосином ушел домой, не дождавшись меня.

– Мне интересно слушать вас, – сказал я искренне. – Время терпит.

– Тогда слушайте... Один храбрый воин перед смертью пригласил к себе мудреца и спросил: «Скажи, мудрый человек, сколько стоит мой боевой конь, который перепрыгивает через пропасти, когда я рассержусь?» – «Твой конь стоит столько, – ответил мудрец, – сколько стоит дойная корова, когда голодают люди». – «А сколько стоит моя шашка, которой я разрубаю скалу?» – «Столько, сколько стоил жирный баран в год, когда люди готовы были отнимать друг у друга последний кусок хлеба». – «Сколько будет стоить мое ружье, пуля из которой долетает до дальней звезды?» – «Столько, сколько стоит в неурожайный год ствол ружья, наполненный просом». – «Ну тогда скажи, а сколько я-то стою?» – «Я тебя не сравню и с последним человеком, – ответил мудрец, – так как ты прожил свою жизнь, не веря в Бога, хотя сейчас и собираешься к Нему»... Вот как важна, доктор, вера в Бога. И совесть моя перед Ним чиста.

– И все же я вам советую с этой верой прийти к нам в больницу.

– Там видно будет, – ответила она неопределенно.

– Доктор, это не в первый раз, это с ней часто бывает, – сказала Совдат, – особенно, когда она расстраивается, как сейчас. Началось после психиатрички. Марха, я же тебе говорила: не запускай свою болезнь... Доктор, отец ее до расстрела был муллой в этой мечети. Поэтому она часто приходит сюда и почти всегда вот так расстраивается. Я боюсь ее одну сюда отпускать...

– Это ему неинтересно, Совдат... Лучше расскажи, как за мною «ухаживают» кагэбэшники. Последнее время они просто влюбились в меня, и я считаю себя отменной и счастливой, – грустно улыбнулась она.

– Отчего бы это? – спросил я, вспомнив наш разговор с фельдшером Шерипом.

– Говорят, что не равнодушна к Тасу. Слышали о нем?

– Простите, это правда? Знаете, по селу...

– Знаю, знаю. Но это все вздор. Это гнусная клевета, – прервала она меня.

– И в этом в большей степени виноват ваш завхоз. Грязный он человек. А что касается Тасу, то он, действительно, раньше иногда заходил тайком к нам по вечерам. К тому же наш переулочок на окраине села. Посидит, поужинает с нами, узнает новости и опять подается в горы на неизвестный срок. По его просьбе я купила ему транзистор, аптечку.

– Марха, прошу тебя, потише, нас могут подслушать.

– Совдат, дорогая, не беспокойся, об этом они все знают. Я им сама говорила. И что тут такого? Он же тоже человек. Не может же он, как зверь, все время находиться в горах. Он ведь тоже нуждается в общении с людьми. Все, что я делала для него, я делала из сострадания и во имя Аллаха. Иначе, доктор, и не могло быть. Разве дочь муллы может быть женщиной легкого поведения,

обуреваемой низкими страстями? Я, как когда-то мой отец, призываю людей к добру и чистоте. Я в своем сердце с гордостью пронесла через всю свою нелегкую жизнь его светлый образ. Он меня учил быть доброй к людям, милосердной к бедным и больным, оказывать нуждающемуся посильную помощь. А Тасу к тому же доводится родственником моему погибшему мужу. Никогда его не предаю. Нас с ним невозможно заставить примириться с несправедливостью. Пусть я больна и слаба, зато сильна духом, а он похож на крепкий дуб, который поднимает свою крону к синему небу, не боясь ни ветра, ни бури. Правда, сейчас его затравили, и я его давно не видела. И все же обо мне болтают всякие мерзости, будто я его где-то прячу. Пусть постигнет кара Аллаха тех, кто затеял все это, тех, кто не дает нам жить по-человечески. Дай, Аллах, чтобы они свиньями предстали перед Тобой, – причитала она тихим срывающимся голосом.

– Простите нас, доктор, – сказала Совдат, – за нашу откровенность. Хороших людей мы сразу узнаем. И слышали мы о вас только хорошее. Поэтому говорим с вами, веря в вашу доброжелательность и порядочность. Нас надо понять. Сначала нас надолго оторвали от родной земли, как волчат от матери, потом вернули с горем пополам и опять не дают покоя. Обвиняют все село, всех жителей, грозятся вновь переселить, разрушить село, если не поможем поймать бандита. Неужели все село должно страдать из-за одного человека? Пусть у Тасу семь пядей во лбу, разве один человек так страшен для такой огромной страны? К тому же, Марха знает, если его не травить, он никому не мешает. Живет себе в горах, как отшельник. А тут КГБ хочет всех напугать, внушить страх.

– Вот я и говорю, – подхватила Марха, – все их рук дело. Проклятые собаки! Из-за них страдают невинные люди, по их наветам устраиваются гонения за отдельными должностными лицами – мол, за связь с бандитами. До вашего приезда пострадал по этой причине наш бывший первый секретарь райкома. Добрый, хороший был человек. Сейчас на его место по рекомендации КГБ поставили другого, так он из шкуры лезет, выслуживается перед начальством. Одним словом, доктор, час от часу не легче. Я даже сейчас, стоя с вами здесь, чувствую тревогу и беспокойство.

Сказав это, Марха отошла и выглянула в небольшое окошко, что находилось около дверей.

В это время, как в остросюжетном детективе, один из тех, что крутился около «газика», загородил телом почти весь дверной проем. Это был крупный мужчина средних лет в сером плаще и шляпе. Лицо, с огромным носом, было неприятное и злое. Он некоторое время осматривался, затем вошел и сердито посмотрел на нас. Осанка его была уверенной и надменной. Наступила тягостная пауза.

– Премилое общество, – обронил он наконец.

– Самые обыкновенные люди, – ответил я.

– Вам кто-то нужен? – спросила Совдат.

– Вы из органов? – спросила вслед за ней Марха.

– Угадали. А вы Марха? Вам придется проехать с нами.

– Мне?

– Да. Именно вам. Мы ждали, пока вы выйдете, – и показал рукой в сторону машины.

Лицо Мархи стало бледнее обычного и как-то застыло.

– Я ее одну никуда не отпущу. Она больна. Вы довели ее до этого, – вмешалась в разговор Совдат.

– Остальные пока могут быть свободны, – отчеканил вошедший.

– Что значит – пока? И кто вы такой? И мне непонятно...

– Доктор, вы хотите привлечь к себе внимание? – спросил он тоном начальника, умиротворяющего подчиненного.

– Откуда вы меня знаете?
– Такая работа, доктор. И не советую, развесив уши, слушать их байки, – на меня посмотрели его пронзительные колючие глаза. Он ехидно улыбнулся, и лицо его при этом сморщилось.

– Доктор здесь не при чем. Его оставьте в покое. Мы его застали случайно. Он здесь новый человек. Познакомились, разговорились.

– Довольно. Выходите.

– Никуда я с вами не поеду. Я вас не знаю, – сказала раздраженно Марха.

Этого вошедший не ожидал. Он подскочил, вытягивая на ходу из кармана удостоверение.

– Все равно не поеду, – решительно сказала Марха, даже не взглянув на документ.

– Ты рассуждаешь, как дитя или дура, – сказал вошедший, в ярости переходя на «ты». Он был уязвлен пренебрежительным отношением к своей персоне.

Наступило неловкое молчание. За это время в магазин вошла продавщица в черном халате, взяла со стола большую лейку и, смущенно кивнув нам головой, удалилась опять во двор. Вслед за ней вышел и мужчина, но тут же вернулся. И вернулся уже не один. Вместе с ним вошли в магазин участковый Пахрудин и наш завхоз Абуязид. Видимо, они по каким-то соображениям до сих пор не входили и ждали сигнала.

– О, доктор, и вы тут. Как вы сюда попали? – сделал удивленный вид Пахрудин.

– За керосином. И вот история, – ответил я. А взглянув на Абуязида, спросил: – Вы же должны были быть сегодня в городе? Я же вчера говорил, чтобы вы привезли наш движок. В чем дело, Абуязид?

– Дела были поважнее, и здесь не место спрашивать об этом, – вызывающим тоном ответил он.

Теперь мне все стало ясно. Рассказ Шерипа больше не вызывал сомнений.

– Он был мне нужен. Не ругайте его, – улыбнулся Пахрудин и почему-то махнул рукой. Затем, заняв место у дверей, он обратился к Мархе:

– Павел Лаврентьевич, сотрудник районного отделения КГБ, специально приехал за тобой. Ты нужна начальству...

– Зато мне они не нужны. И оставьте меня в покое.

Сотрудник КГБ и Абуязид молча переглянулись.

– Марха, может, поедем вместе? Они не отстанут...

– Не беспокойся, Совдат, я знаю, что делаю. Я уже сыта ими и их ярлыками. Они запятнали клеветой мое доброе имя. К тому же, я им дала подписку о невыезде. Что им еще от меня надо? Это беззаконие и произвол. Такое может быть только...

– Замолчи. У тебя слишком болтливый язык. Или ты соскучилась по своему дурдому? – начал издеваться Абуязид.

– Негодяй! Сколько тебе платят за прислужничество, за ложь, за клевету? Все это твои подлые штучки! Постой, Тасу выпустит твои кишки. У него серьезные причины поговорить с тобой.

– Фига с два, – зло сказал Абуязид, – он скоро получит свое.

– Молчать! – прикрикнул на Марху кагэбэшник. – Он честно выполняет долг советского человека. А вы стали на преступный путь. И мы вам этого не позволим.

– А я вас не боюсь. Вот. Осечка, начальник.

– Марха, не надо так, – Совдат дрожала как осиновый лист.

– Надоели, Совдат.

– А тебе не надоело спать с бандитом и куковать на советскую власть на своих вечеринках, а? Я тебя спрашиваю!.. Ты знаешь, что недавно твой Тасу совершил очередное преступление – перерезал ночью горло мирному человеку?

Без отца остались шестеро детей. Как тебе это нравится...

– Ложь, ложь, – парировала Марха, – бессовестный вы человек! Я знаю об этом случае. Это вы, ваши допросы и угрозы довели этого человека до отчаяния. Он сам наложил на себя руки. Виноваты в этом только вы, слышите, только вы! Даже медицинскую экспертизу вы постарались направить в нужное вам русло. Легче легкого все списать на Тасу.

Я смотрел на Марху и удивлялся ей.

– Лаврентьевич, может, хватить с ней цацкаться? Давай, отведем эту стерву в машину?

«Ну и в историю я попал», – подумал я.

– За дело, ребята. Иначе нам всем будет клизма, – поддержал тот.

Я не мог оставаться безучастным зрителем того, что происходило на моих глазах.

– Я протестую. Это большая женщина. Ее место сейчас в больнице, – закричал я, заслонив ее собой.

– Это не твое дело. Прочь! Успели подкупить, – оттолкнул меня кагэбэшник, зло выглянув из-под густых бровей. – Я выполняю приказ.

Марха тем временем побежала к выходу, шумно дыша и всхлипывая.

– Задержите ее! – крикнул Павел Лаврентьевич.

Он с револьвером наготове внимательно следил за моими действиями.

– Не смейте ее трогать! – крикнул я.

Мертвенно бледная Совдат стояла, оцепенев от ужаса, словно она видела все исчадия ада. Ноги ее приросли к земле.

Выскочить на улицу Мархе не удалось. Участковый схватил ее, а твердая рука Абуязида прикрыла ей рот.

Она бешено сопротивлялась, ее волосы тяжелой массой рухнули вниз, рассыпаясь по плечам. Но руки Пахрудина сжимали ее, словно стальной канат.

Пахрудин с Абуязидом с трудом втолкнули ее в машину.

– Доктор, мы еще встретимся с тобой, – сказал Павел Лаврентьевич, садясь в машину.

Когда ее увозили, я с тяжелой грустью смотрел ей вслед. Она песней, голосом своим служила людям в изгнании, а теперь здесь дома. Ее уважали за смелость, за редкостный певучий дар.

И тут кто-то положил на мое плечо руку. Я обернулся. Это были Шерип и Аюб. Шерип был бледен, как смерть.

– Доктор, мы вас искали. Приехал корреспондент местной газеты, который ищет романтика для воскресного номера. По всем данным, вы ему подходите. Кстате, вместе с ним приехал и зам. нашего главврача по лечебной части, – сказал Шерип, смотря на собравшуюся толпу людей.

Я быстро уехал с Аюбом в больницу, а Шерип отпросился у меня для поездки в райцентр.

Пока я находился в больнице, у меня дома произвели обыск. Все перевернули вверх дном.

Руслан Эльгукаев

Родился 12 сентября 1966 г. в с. Романовка Целиноградской области. Школу окончил в 1983 г. в ст. Серноводской Сунженского района. В 1990 г. окончил Луганский сельскохозяйственный институт по специальности «инженер-строитель». Работает в системе ОАО «Нурэнерго» с 1994 г.

Поэзией увлекается с 1991 г. Публикуется впервые.

Чечне

Родился я в степях казахских,
Где мой народ в изгнании жил.
О времени тревожном, давнем
От матери слышан был.

Она была тогда ребенком,
Но помнит ясно до сих пор
Жестокий образ офицера,
Что в деда выстрелил в упор.

Нас истребляли днем и ночью
И слали нас на край земли.
Стреляли, жгли, ломали кости!
Чеченцы, помните ли вы?

Наш гордый дух сломить пытались,
Хотели Родины лишить.
И эту боль, что в сердце нашем,
Нет, не забыть нам, не забыть.

Нам не забыть глухих теплушек,
Народ везущих в никуда.
Нам не забыть могил умерших
Голодной смертью в те года.

Народ чеченский, сколько крови
Дети твои пролили здесь!
Аллах Акбар – велик Всевышний –
И справедливость все же есть.

Прошло тиранов время злое,
Мы новую начали жизнь.
Родные горы видим снова,
Вершины устремившиеся ввысь.

И Сунжа мирно катит воды,
Скорее к Тереку стремясь.
И ты живи, народ свободный,
Своей Чечней всегда гордясь.

Маме

Завтра ждет меня путь далекий –
В край родной возвращаюсь я.
Там, где сына ждет, беспокоится
Милая мама моя.

Ты прости, ты прости меня, мама,
За бессонные ночи твои,
За печаль и разлуку нежданную,
За букет твоих свежих седин.

Ты пойми, ты пойми меня, мама:
Стал давно уже взрослым твой сын.
Двадцать пять – ведь это немало,
Хоть и жизнь вся еще впереди.

Возвращаюсь к тебе, моя мама,
Успокоить тебя, приласкать.
Чтобы как-нибудь утречком ранним
За мечтой своей вновь убежать.

Неудержимый

Мы все торопимся куда-то,
Нет времени назад взглянуть.
Как колесо судьбы крылатой,
Что мчит, не выбирая путь.
Оно нас гонит по ухабам,
По косограм и оврагам,

Аман Усманов**Сахалинская земля**

Ветер южный, беснуясь, блефует –
 Это ж разве пурга? Только гул.
 Он без снега, и что он надует?
 Если б северный – тот бы надул!

Этот снежной порошею гонит,
 Пригибая, деревьям грозит,
 И ко сну безмятежному клонит,
 И покой безмятежный хранит.

Не беда – за окном полыхает,
 Не беда, что беснуется ночь.
 Лишь пурга в ней покоя не знает –
 Пошумит и уляжется прочь!

Узнаю я в ней младшего брата –
 Я когда-то и сам был такой,
 Но приходит ко времени тата,
 Суете воздавая покой!

Накануне

Не люблю суету я прощанья
 Привокзальных тягостных минут.
 Проводы и слезы расставанья
 Мне печалят душу и гнетут.

Я теперь во всем ищу покоя –
 Мне приятней дух святой тиши.
 И один, друзей не беспокоя,
 Улечу в безмолвии души...

Синеокой

Сестра давно минувших дней
 Печальной юности далекой...
 Храню я в памяти своей
 Желанный облик синеокой.

Я не могу забыть глаза,
 Лазурной сини их глубокой.
 Во взгляде чистом, как слеза,
 Печать твоей души высокой.

Пусть время разлучило нас –
 Оно для счастья скоротечно,
 Но свет твоих огромных глаз
 Со мной останется навечно.

Он душу нежит мне в моей
 Судьбе, отмщением жестокой,
 Из тех давно минувших дней
 Печальной юности далекой...

Путь

Увы, чем мельче человек,
 Тем больше жаждет он заслуг.
 К тому извечные потуги
 Его венчают бранный век.

Обласкан эгом низкий дух,
 К своей стремящийся природе,
 Еще томясь в земной породе,
 К позывам вечной жизни глух.

Но ждет, как всех, судьба его,
 Когда, в веках земного плена
 Лишая в муках душу тлена,
 Пойдет от мира он сего...

Когда тоскою чахнет лира –
 Ютясь в тени постывших дней,
 Где кармы тяжкая секира
 Мой больно рушит мир теней,

Вдали от суетного пира
 Говая музою стихов,
 С животной жадностью вампира
 Я пью нектар блаженных слов.

И их таинственная сила,
 Дух восполняя до основ,
 Как сноп небесного горнила,
 Вновь увлекает в мир богов!

Ахмет Денисултанов**Заначка**

Рассказ

Блеск и нищета наваждений

Согласитесь, господа, что на свете нет ничего глупее, чем попытки заглянуть за авансцену и прочие кулисы грядущего дня, события и следующие за ними потрясения: озоновые дыры на солнце, глобальное потепление и Апокалипсис, после которого обязательный Судный день. Беспольное это занятие: глазеть на декорации завтрашних метаморфоз, с их новациями, ожиданиями и, как следствие, – суестью, без которых эти мизансцены теряют шарм новизны и актуальность. Нас так и одолевает жажда определиться в схемах космических навигаций и векторе изменчивых синусоидов будущего.

К каким только ухищрениям не приходится прибегать, чтобы на ладонях судьбы разложить в нужном нам порядке тайные тропы запредельных карм стратосфер?! И это не из лукавства или праздного любопытства, а подсознательное желание придать руслу времени осознанный ритм и определиться самим в разумном его пространстве как части общего мироздания. Мы хватаемся за любую нить, лишь бы эти холодные, мерцающие манекены наконец заговорили. Нам приходится гадать на бобах, если нет под рукой кофейной гущи, приглашать магов и факиров, а порой и вообще доходим до крайностей: занимаемся спиритизмом и прочим оккультным хламом. Мы верим в их сказки, что именно звезды управляют нашей судьбой-злодейкой, а не мы зажигаем звезды. Когда электрические лампы в дефиците, а лампу Аладдина можно найти днем с огнем, людям нравится верить, что за ставнями грядущих парадоксов кроются магические тайны небесной иерархии, их высот и падений. Вспомним хотя бы падшего ангела Адама и Еву, а также лермонтовского Демона за компанию. Мы с любопытством и благоговением смотрим в ночное небо с его лунным светом и неплохой коллекцией из звездных изумрудов, пытаясь забыться в ностальгических снах нирваны. В небесных зеркалах надеемся отыскать свое отражение – единственное и неповторимое. Да, друзья мои, в этот астральный мир нас влечет беспомощность, мы теряемся в догадках и не можем найти ответа, чтобы потом учить других, определившись в знаниях и утвердившись в вере. Мятая душа, как тебе хочется парить и скакать в этих частотах небесных прерий, в этих сказочных пространствах зефира из млечного теста! Нам не терпится окунуться в миражи виртуальных перспектив, строить небесные дороги и тротуары, ведущие в вечность, ставя на них указательные и запретительные знаки. И порою, отрываясь от всего земного, так увлекаемся отвлеченным, что принимаем мистические субстраты как руководство, забывая о настоящем. Иллюзия, дорогие мои, – это слишком отвлеченная категория, чтобы на нее тратить силы. Это мы рождены, чтобы сказку сделать былью, а не наоборот. Утро следующего дня – это мистерия, которую мы ждем, а не мистицизм с его священнодействием, так как ни гадальные карты Таро, ни схимники от магии и прочие прорицатели помочь не могут. Нужно начинать с себя, с этой отправной точки, ибо, как сказал Нострадамус, в нас, а не в абстрактных ремеслах суть сущего.

Были бы горизонты и проекты в наших помыслах и делах, а будущее всегда можно сканировать. Да, господа, мы статисты собственных горизонтов, но никак не идеалисты, для которых, что ни мираж, то пища для авангарда. Нет, нам не чужда стезя наитий, тем более, что мы никогда не были воинствующими

материалистами, дарвинистами и поклонниками Пабло Пикассо в период его декадентских умонастроений: от кубизма до абстракций. Мы верим в закономерность, и это для нас закон. Весь отвлеченный набор концептуального – слишком призрачная мифология, чтобы служить идеей, а значит, будущее нужно не привораживать, а приближать всеми доступными средствами: от кирки и лопаты до трактора и бульдозера. Метафоры хороши для божественных литургий, а в жизни космополитизм напоминает метеоритный дождь, выработавший свой административный ресурс. Как говорится, лучше один нивелир, чем десять гороскопов, этих атрибутов шаманского фиглярства. Утро нового дня примечательно уже тем, что у него конкретный рабочий день и вполне осязаемая смета. А что касается временных стереотипов, то это тот же принцип домино, неукротимый вихрь суетных и праведных дел. Его философия – не хаос разрушения, а изменчивость истин и ценностей в пользу ценности общечеловеческих. Частный сектор – он сам себе дока. Во временных эпицентрах все меняется буквально на глазах – мы, наши привычки и предубеждения. Течение времени, но именно оно увлекает нас и несет навстречу бурям и штормам эпохи. Это мы архитекторы и строители нашего светлого... Я в нас, в этой альфе и омеге духовности. Без этих выверенных прямых и уверенности в прямоте и правильности выбора наши отроческие представления о жизни были бы просто наивны. Утро приходящего дня, конечно же, переменчиво, как и все преходящее, но мы в него верим и ждем кардинальных изменений. Не правда ли, господа? Ну вот, скажет уставший читатель, еще один философ-гуманист нашелся, чтобы учить материальному пониманию целей и задач. Сами, мол, разберемся, где цесарю – цесарево, а слесарю – слесарево. Поживем, увидим, где Бог, а где порог, без умников с незаконченным среднетехническим умом. Читатель всегда прав, если дело касается вкуса, как говорил один знакомый библиотекарь, – кажется, ее звали Фатимой.

Но все дело в том, что ваш покорный слуга никогда не состоял в высшей лиге метафизиков от Сократа и до наших дней, я был обыкновенным разгильдяем, от которого время и пространство отвернулись, о небесах и не говорю. Никаких инерций жизненных сил, приливов и отливов вдохновения, а сплошной омут загульной бесшабашности. У всех нормальных граждан паровозы на всех парах летели вперед, заре навстречу, в то время, когда мой старенький городской трамвайчик стоял на отшибе в тупике и с грустью озирает окрест, дышащий угаром нового нэпа. Да, джентльмены, я прочно поставил себя на запасные пути, а то и на вечный прикол, как крейсер «Аврора», и ходил только по одной заданной траектории: от винного отдела и до дома. Я вел беспорядочную жизнь отпетого эгоиста, а нетрезвое течение дней уносило меня все дальше от обитаемых островов, где кипела жизнь и в которой кипятили будущее цивилизованные граждане: от дворников до аристократок из глубинки. Я не читал газет, от мыльных опер меня спасал суррогат, а слово календарь я писал через «и».

И кто знает, когда бы эта вакханалия закончилась, если бы не озарение, которое, как к Кришне, пришло ко мне в ослепительном сиянии хмурого мартовского утра, а точнее – 8 Марта, в Международный день солидарности всех домохозяйек и трудящихся женщин, от скромных техничек в яслях до топменеджеров компаний. Не скажу, что само утро предвещало мне какие-либо радости, тем более, что я находился еще в эйфории запоев, но это утро нового дня мне, видимо, принесли сами архангелы из небесной канцелярии во искупление. Спасибо им за это, век не забуду, обязательно куплю кефира и выпью за их здоровье. Господи, на кого я был похож?! Ну точно, на Буратино, у которого выкрутили болты и шурупы, а заодно вытрясли из головы все самолеты, которые вечно в ней гудели, как рой пчел. Да, друзья мои, благодать и на мою улицу пришел, праздник, так сказать. И что бы я делал без этого магического числа 8, за которое с этого дня я ухватился, как за вожжи сельский водовоз, ума не приложу. Представляете, какого гигантского человечеще,

какую глыбу мир потерял бы, если бы не это событие – день женщин, матери и ребенка, святого отца и духа. Аминь!

Утро нового дня началось для меня грандиозным скандалом, а закончилось счастливой развязкой, хеппи-эндом, так сказать, выражаясь по-модному. Теперь я стою прочно на ногах, как в Гизах сфинкс, в моем воображении щебечут фениксы, и, стряхнув с себя пыль прошлых тысячелетий, вдруг заговорили древнегреческие мудрецы, перебивая друг друга...

Мюнхгаузен из табакерки

Утро было как утро, ничего сверхъестественного. Не успел соседний кречет протрубить зорьку, как из курятника стремительно стали вылетать куры, которые устремились к кормушке со жмыхом и ванночкой с водой. Все шло по сценарию, заведенному еще со времен Адама. Солнце, зевнув, долго размышляло, об какой бы штaketник выпрямить свои косые лучи, и, наконец, взвесив все «за» и «против», остановило свой выбор на моем старом и обшарпанном, как мой выходной пиджак, заборе. Послушай, приятель, хотел было я его урезонить, но промолчал, похмельный синдром, видите ли. Голова была тяжелой, как турецкий барабан, а руки трясло, как у старого неврастеника или балалаечника-виртуоза. «Тут что-то не так», – подумал я и, кажется, был совсем рядом от истины...

Стоило мне открыть глаза и решить, на какую ногу одеть левый тапочек, как над моей звенящей и зудящей головой поднялся смерч вибраций и посыпались черепичные осколки флюидов. Интонации, с которыми, словно снаряды, проносились слова, говорили сами за себя. Нет, я не мог ошибиться, мой воспаленный мозг и лакмус серого вещества прошли разрывными пулями голоса. Это не был прямой репортаж из преисподней или инсценировка спектакля «Ад в раю», звучал тенор леди Макбет из Бачи-Юрта и ржавый скрип вставной челюсти мамыши Кураж из того же колхоза. Это был сводный хор святого семейства: моей жены и тещи, куратора, а заодно и надзирателя нашей семейной богадельни. Конечно же, моя благоверная пела под ее фонограмму, и голос ее звенел в моих ушах, как иерихонские трубы во время падения Иерусалима. Попытка перекричать их была такой же безнадежной идеей, как и желание на мотоцикле обогнать эхо. Жена, видимо, пыталась объяснить мне сюжет «Последнего дня Помпеи», а теща – раскрыть трагедию картины Репина «Иван Грозный убивает своего сына Ивана». В эти минуты я думал, что меня зажали между двумя тракторами, что я – Робинзон Крузо на необитаемом острове, без духовной пищи, телевизора и секретаря Пятницы. Мне хотелось позвать маму. Нет, лежал я и думал, сколько можно слушать одну и ту же ораторию из ржавой сковородки и жестяных банок?! Это невыносимо! Бетховену хорошо – он был глухим, а мне что прикажете делать с моим идеальным слухом? В эти минуты, растянувшиеся в столетья, я не просил у провидения крылья того коня, мне бы хватило и осла Али Бабы, чтобы галопом умчаться за горизонт, в сторону канадской границы, поднимая пыль столбом. Никак бить будут, мелькнуло в голове, которая скрипела, как ржавый подшипник. Я закрыл глаза тяжелые, как два медных гривенника времен стрелецкого бунта, и тихо вздохнул. Мне только самостоятельности не хватало в уборочную страду! Нашли время, ни свет ни заря! Прямо «Баккара», ни дать, ни взять. Жена-то ладно, ей не привыкать душу отводить, а эта чего со своим луженым горлом, как у Эдит Пиаф на бенефисе?словно она всю сознательную жизнь запивала аспирином рыбьим жиром. Ведь и заехала-то всего лишь на минуту чай попить, а как освоилась, бульдозером не остановишь. Главное, рост маленький, а голосище будь здоров, ну точно как у Му-Му, которую Герасим собирает утопить в озере Иссык-Куль. Ну побаловалась бы калмыцким чаем с верблюжьим молоком, а там, глядишь, и встала, и прощайте, скалистые горы. Я бы еще ей платочком помахал с балкона, большим таким, оренбургским. Не забудь, мол, в

троллейбусе билет закомпостировать, а то, не ровен час, оштрафуют, гады. Ведь какой ни есть, а зять все-таки. Куда там, чувствовалось, что с гастролями она всерьез и надолго. Теперь этот устойчивый тандем никакая сила не остановит, будут пилить, пока не надоест, а надоест, будьте уверены, не скоро, аж к самому закрытию театрального сезона. Правильно ведь люди гутарят: жена – это место жительства тещи. Холестерин у них – дай бог каждому, ковшом можно черпать – не вычерпаешь. И жена туда же, вся в мать – голосистая. Знать бы раньше, отправил бы на восточный фронт с концертами для бойцов. А меня увольте, я вам не передовая с перспективой контрнаступления. И вообще, мне нельзя нервничать, потому что я и так нервный, малохольный и слабохарактерный.

«Ты никогда не жил собственным умом!» – заголосила супруга на самой высокой октаве, которой позавидовала бы Изабелла Юрьева и даже сама Дездемона. «Сколько я тебя знаю, прохвост, – трещала, как пропеллер Карлсона, теща, стажер Большого театра, – у тебя никогда не было даже намека на мозги! Боже мой! – закатывала она масляные глазки и заламывала руки-кувалды, словно обращалась к присяжным на Судном дне. – За кого я отдала свою дочь? – причитала она патетически, почувствовав в себе азарт Ермоловой из МХАТа. – Ты ей жизнь испортил, ирод!» Выражения, к которым они прибегали, были семечками по сравнению с идиомами, которыми изобиловал их лексикон, наполненный бульварным жаргоном. Но с годами я к ним настолько привык, что они отскакивали от меня, как апельсиновые шкурки от Великой китайской стены, и не производили на меня ни малейшего впечатления, как музыка Шостаковича на жирафа. Я лежал, смиренно вытянувшись, словно Тутанхамон в золотом Саркофаге, и с тоской думал о своем, о наболевшем. Перед моим мысленным взором проплывали корабли Колумба, слайды вчерашнего кутежа с друзьями. День какой тяжелый, вроде бы и не понедельник! «Дыма без огня не бывает!» – донесся до моего сознания визгливый фальцет жены. «Вот-вот, – поддакивала теща, – он и есть – пожар пятой степени!» – «Угадала, – сказал я сам себе, потому что во мне горело все, что легко воспламеняется: трубы, шланги и желудок, который настойчиво требовал холодного пива. – Подожди, родной, потерпи маленько, вот выйдем из окружения, напьемся, как лошадь д'Артаньяна. Санта Мария, – причитал я про себя, обращаясь к женскому пантеону святых, – когда же наконец, закончится эта психическая атака, когда мимо меня промчится Чапаев на белом коне, размахивая шашкой, а Анька-пулеметчица развернет свой чертов «максим»?» Я покосился в сторону дам. На меня, не мигая, смотрели четыре прожектора, из недр которых струился елей небесных кар, сыпались паровозные искры и разлетался пепел Везувия. В комнате воцарилась ледяная тишина. Я решил ею воспользоваться, как коридором для выхода из ситуации. «Вы мне сегодня дадите возможность встать и одеться?» – тихо, чтобы не нарушить неустойчивый паритет, спросил я. «А может, тебе еще и пива в постель вместе с тапочками?» – спросила жена. «Неплохо бы, белые с бархатной оборкой, – поддержала идею теща. – В самый раз будут». А мне, что ни говори они, страстно хотелось жить и быть полезным обществу в частном порядке и человечеству в глобальных масштабах. Дождешься от них пива, как же! Держи карман шире! И эта хрупкая надежда умерла сразу же, еще не обретя форму и содержание.

«Где зарплата?» – поставила благоверная вопрос ребром. «Деньги куда заховал?» – голосом матерого рэкетира повторила и теща. «Простите великодушно, вы, это самое, про какие такие деньги изволите спрашивать?» – сделал я вид, словно не понимаю, о чем предмет торга. «Ты из себя Бальзаминова не строй, умник, – стала наезжать начитанная теща. – Фунты и стерлинги, которые ты вчера пропил вместе со своими дружками, похожими на тебя, как два кирзовых ботинка без шнурков. Наша женская почта не хуже английской работает. Думаешь, мы не знаем, в каком доме и у кого чинил ты санузел? Все доложили, не отвертись!» Вертеться мне было не с руки, потому что голова и так шла кругом, как глобус Магеллана. «Даже на женский день собственной

жене подарок не догадаешься купить, муж называется, одно недоразумение!» Теща стояла как каменный истукан с острова Пасхи и суровым голосом железной леди произнесла: «Да что с ним говорить?! Ирод он и есть ирод!» – при этом манипулируя увесистой сковородкой, которую я на свою голову купил жене на прошлое Восьмое марта. «Вот и делай после этого женщинам добро – себе хуже выйдет», – думал я про себя и произнес: «Ну что вы раскудахтались, дайте хоть сообразить!» – «Нет, – возмутилась совершенно искренне теща, при этом делая большие, как планета Юпитер, глаза, – он еще, бесовский, соображать собрался! Это с какой-такой стати и на какие шиши?» – «Да, на какие?» – встряла и жена, которой мысль о деньгах со вчерашнего дня не давала покоя. Нет, жену понять можно было, ей не впервой, но эта-то чего на амбразуру лезет, спрашивается? «Ну это уже перебор, – обратился я к женщинам, – не забывайте, что я техник-сан шестого разряда и у меня незаконченное среднетехническое образование. Можно сказать, маг до диплома, а там, как знать, может и до упрямства дорасти. Я, можно сказать, последний из могикан, о таких, как я, в народе говорят – мал золотарь, да дорог. Да если бы не я и мои золотые руки, давно наступил Всемирный потоп, а там, сами знаете, каждой твари по паре». Жена с тещей ядовито посмотрели на меня и многозначительно переглянулись: ну-ну, мол, зятек, продолжай, а там видно будет, куда и кого вынесет Ноев ковчег. «У всех мужья, как мужья, – запричитала супруга ненаглядная, – а этот эгоист и хам только и знает, что жить для себя и в свое удовольствие! Вот, Табаркин муж на Восьмое марта микроволновку купил ей в подарок. Не нарадуется соседка». – «Послушай, – говорю я ей, – Сацита, что с чеченского переводится как – тормози, ты всю жизнь в Бачи-Юрте танцевала от печки, и, между прочим, у тебя неплохо получалось, а теперь выходит, что разленилась, не можешь тарантеллу итальянскую разучить или калифорнийскую джагу-джагу? Главное – полезно и интересно». – «Сам ты жук колорадский!» – ожила вдруг теща, которая стояла молча посередине комнаты, как шкаф времен Людовика XV. И они удалились на кухню, видимо дорабатывать стратегию дальнейших действий.

Я тихо встал, накинул халат и побрел в ванную, дорога в которую сначала прямо по коридору, а потом резко сворачивала налево. «Как же так? – думал я, семена тапочками и перебирая, словно колоду карт, возможные варианты, на которые можно было бы опереться. – Ну-с, голова, думай, папаху куплю. Если вчера было седьмое марта, значило по логике вещей, что сегодня должно быть восьмое марта. Так-с, что мы здесь имеем?» – промурлыкал я, внимательно разглядывая календарь, который висел тут же, вместо того, чтобы красоваться на комод, таком же древнем, как мир. Под цифрой 8 стояла жирная красная черта. «Меж-ду-на-род-ный жен-ский день», – прочитал я по слогам, так как без очков видел слабо. Ну и ну, так сегодня же у Сациты профессиональный праздник, надо же, а? То-то я вчера заглядывался на веник в хозмаге и еще подумал, с чего бы вдруг это. Надо же, интуиция подсказала, а привычки взяли верх. «Эх ты, чучело!» – и я вздохнул глубоко и страстно. Мне ее стало жалко, горемычную, вон как надрывается, изводит себя, пытаюсь вернуть мою заблудшую душу в лоно добродетели, света Божьего не видит. И я вдруг явственно увидел ту самую дорогу, ведущую к ней, заросшую бурьяном и можжевельником, колючкой и репеем, а на небесном своде дома висит в дверях большой амбарной замок, ключ к которому я, видимо, потерял всерьез и надолго. Я взглянул в зеркало. На меня смотрел незнакомый мне мужчина – небритый, бледный, осунувшийся и пожеванный, как бурелый огурец. «Привет, Франтоци!» – хотел, было, я поздороваться, но промолчал, потому что эта физиономия принадлежала мне. «Что, – кивнул я отражению, – дошел до ручки, докатился, колобок с щетиной? Так тебе и надо, по Сеньке и шапка, как говорят классики». Теперь мне стало жалко себя, такого неустроенного, без плаща и принципов. Потом мысли плавно перевели стрелки на жену. Намаюсь, думал я о ней, ведь лучшие годы отдала, можно сказать, положила, на алтарь моего невежества, можно сказать, безвозмездно. А что получила взамен? Ничего, так себе – мужа, который

тяжелее стакана отродясь в руках ничего не держал. «У, морда, – сказал я отражению в зеркале, – погоди у меня!» Теперь человека в зеркале я ненавидел и стеснялся одновременно. «Черт, – как током пронзила меня мысль, – да ведь это не сон, а явь! Людей бы постыдился, – снова обратился я к двойнику в зеркале, – ходишь, позоришься, Квазимодо». Нужно было что-то менять. И я вдруг вспомнил, что на черный день всегда в заначке прятал определенную сумму, чтобы не кланчить у жены. За несколько лет там должна была набежать достаточная сумма. «Чертов склероз, проклятый алкогольный синдром!» – ругал я на чем свет стоит все, что связано со спиртным. Предварительно закрыв дверь, я лихорадочно стал искать схрон, значенный от всевидящих глаз жены. Я знал, что тайник здесь, где-то за ванной, в целлофановой сумке. Я нащупал пакет и, к великому моему счастью, там, как неприкайнные, лежали деньги. «Без денег нет свободы», – вспомнил я слова А. Пушкина и почувствовал, как учащенно забился пульс, а сердце готово было записаться в отряд космонавтов. План действий у меня созрел быстро, как у Наполеона: умыться, побриться и освежиться мужским одеколоном, который сиротливо стоял к краю, и какой-то пижон улыбался с его этикетки. Это был подарок Сациты на мой день рождения, и я его не выпил только потому с похмелья, что это была память. Я посмотрел на потолок, но архангелов и херувимов там не было, видимо, у них в инстанции шло профсоюзное собрание. Но, как бы то ни было, я был им благодарен, что сподобили меня пройти сквозь тернии совести именно 8 Марта – в день всех женщин, которые достойны таких джентльменов, как я. Тот пройдоха из зеркала исчез, как если бы его никогда и не было. Передо мной во весь рост стоял мужчина средних лет, свежий, как помидор, и жизнерадостный, как Чипполино. «Ну-с, – сказал я, – граф Нулин, вперед и да помогут нам боги». Положив деньги в карман, я решительно открыл двери навстречу утру наступившего дня. Я чувствовал за спиной крылья Икара, прилив сил, бодрости и вдохновения. «Спасибо тебе, заначка, – повторял я снова и снова, – выручила, именно в самый черный и ясный день в моей забубенной жизни». Об меня с грохотом разбивались волны прибоя, накатывающиеся аж с самого Тихого океана. «И носило меня, как осенний листок», – вспомнились слова Есенина Сереги, и на душе запели соловьи, зачирикали воробьи и захлопали крыльями аисты. Я сердцем чувствовал, что они солидарны со мною. «Господи, – сказал я себе, – как же этот мир прекрасен, а я его не замечал столько лет!» В коридоре я носом к носу столкнулся с женой и тещей, которые, видимо не узнав меня, молча прошли мимо, даже не поздоровавшись. «Сацита, – окликнул я жену, – ты чего, совсем с горя ослепла? Это ж я – Жангоз». Теперь очередь удивляться дошла и до них. Они стояли, широко открыв рты, оглядывая меня с ног до головы, потому что с головы до ног я был совершенно неузнаваем. В новых штиблетах, пиджаке и, вы не поверите, в галстук со старомодными попугаями. «Ты это куда собрался?» – спросила меня жена тихо. «Да-да, зятек, предьявите путевой листок». – «Да не волнуйтесь вы, – заверил я их, – ставьте на стол все, что бог послал, а я за подарками, как-никак 8 Марта и положение обязывает. И запомните: где сосед купит микроволновку, там я поставлю доменную печь», – с этими словами я решительно открыл дверь и, насвистывая весеннюю мелодию, направился в сторону супермаркета делать покупки жене и, конечно, теще, ведь если бы не она и ее строгость, то что бы со мной случилось завтра?! Представляете, как бы я смотрелся в зеркале утра, свежего и жизнеутверждающего утра завтрашнего дня...

Маржан Дикаева**Котенок**

Рассказ

Время неумолимо. Бегут года, дни, часы. Чем ближе зрелость, тем приятнее воспоминания о прошедшей молодости, юности, детстве. Человек современный живет в бешеном ритме, суете, спешке. Он всегда занят – дела, как в калейдоскопе картинки, сменяются одно за другим. Успеть, пойти, сделать, позвонить, захватить...

Только ночью, во время бессонницы, прислушиваясь к ночным шорохам, можно погрузиться в сладостный мир прошедшей жизни.

В полусне мелькают герои моего детства, лица родных – молодой еще мамы, юных братьев и сестер, наш дом, цветущие абрикосы во дворе, трава, жасмин... и снова теплые мамины руки... Детство...

Залитая жарким летним солнцем пустая улица. Скамейка под вишневым деревом, среди пыльной листвы которой видны сочные ягоды. Дворняжка Кузя устроилась за углом в тени, лежит, высунув язык, лениво помахивая хвостом. На скамейке устроилась девочка лет шести. В ярко-оранжевом платьице в крупный белый горошек, белой панаме, из-под которой торчат две аккуратно заплетенные косички. Загорелое, веснушчатое лицо покрыто мелкими бисеринками пота. Жарко... Солнце печет нещадно, но девочка не идет домой, она ждет, зажав в пухлой ручке бумажный кулек. Тихо... слышна стрекотня цикад, возня взъерошенных воробьев в пыли. Девочка ждет... Наконец в зарослях высокой травы показалась пушистая голова ярко-рыжего котенка, который уверенно прокладывает себе дорогу, зная заранее, что его ждет угощение. Девочка, присев на корточки, раскрыла кулек, как невеста откуда налетел огромный соседский пес и выхватил угощение прямо из рук. Девочка, отпрянув, упала на пыльный тротуар. Нарядное платье испачкалось, сандалия слетела с ее ноги, она громко закричала и, бросившись к котенку, крепко прижала его к груди. Так она и стояла, громко крича, с ужасом в глазах. Слезы градом катились из ее глаз, но она и не думала отпускать котенка. «Кузя! Кузя!» – позвала на помощь дворняжку, но Кузя, трусливо поджав хвост, бросился наутек. Рычание пса сделалось грозным, но тут, на счастье, крик девочки услышал дед, и, выйдя, он прогнал обидчика. Девочка, вздрагивая, всхлипывая, долго не могла успокоиться и все гладила и гладила пушистую головку котенка. Дед усадил внучку на скамейку, как мог успокоил ее. Затем, закулив, задумчиво поглядывая на нее, усмехался в седые, прокуренные усы, щуя глаза от едкого папиросного дыма. Никак не ожидал он такого геройства от избалованной внучки! Понял, что это черты характера – сострадание, неприятие насилия и зла – останутся с ней навсегда. «Ну, пойдем, пойдем, обедать пора», – сказал он и завел девочку в тенистый двор. Улица опустела. Кузя вернулся на прежнее место. Только изредка проезжает автомобиль по пыльной дороге. И еще что-то и что-то всплывает в моей памяти, то, что так просто, так чисто и так дорого моему сердцу.

Леча Гарсаев

Основные этапы становления русско-нахских связей

Если соседи плечом к плечу,
они – подобие надежного обоюдоострого клинка
Чеченская пословица

Кавказ, занимая важное геополитическое и географическое положение, является уникальным полиэтническим и многоконфессиональным регионом мира, очень сложным по своему этническому составу, и представляет собой один из древнейших очагов ранней цивилизации, где смыкаются Европа и Азия.

Северный Кавказ, одна из составляющих Кавказ территорий, является самым многонациональным регионом нашей страны. В составе десяти коренных народов, населяющих республики Северного Кавказа, самыми многочисленными автохтонами являются чеченцы, которые по своей численности занимают первое место на Северном Кавказе и четвертое – в Российской Федерации.

Вайнахи имеют многовековую, очень богатую и еще далеко не во всем познанную историю и культуру, питающуюся глубокими самобытными истоками и постоянно обогащающуюся в результате взаимополезных контактов с внешним миром.

Предки современных нахских народов еще в глубокой древности контактировали с древними обитателями Северного Кавказа, славянами и народами Закавказья.

Правда, эти связи не носили постоянный характер. Этому сначала мешали кочевые племена, а позже кипчаки и половцы, осевшие на северокавказских равнинах и постоянно вступавшие в военные конфликты как с русскими, так и с народами Северного Кавказа. И все же, несмотря ни на что, вайнахи в какой-то степени сохранили связи с древней Русью. Об этом говорит и ингушский профессор Д.Д. Мальсагов, утверждая, например, что кипчак Овлур, способствовавший побегу князя Игоря из половецкого плена, рожден в браке русской с вайнахом.

Характеристика этого непростого периода с уникальной яркостью раскрыта в выдающемся древнерусском литературном и историческом источнике XIII в. – «Слове о полку Игореве». Неудачный поход против половцев в районе Донца и реки Каялы стал итогом пленения князя Игоря, который все же смог бежать (с помощью Овлура) и вернуться на родину.

Там, где Игорь соколом летит,

Там Овлур, как серый волк, бежит [1].

Согласно полемому материалу, Овлур – родоначальник ов-некъе (ветвь) алароевского тайпа, второй компонент **лур** с чеч. переводится на русский язык как **кровник**. В настоящее время его потомки проживают в селении Старая Сунжа (Вазархановы и др.), станице Гребенская Шелковского района, селе Турги-хутор Ножай-Юртовского района. Одним из них является руководитель налоговой службы ЧР, генерал-лейтенант Ислам Вазарханов.

В XIII в. русско-нахские контакты на целые столетия прерываются нашествием татаро-монгольских орд, заселивших Северный Кавказ и загнавших вайнахские народы в горные теснины. Это нашествие внесло кардинальные коррективы в этническую карту Северного Кавказа и в определенной степени затормозило процесс закономерного социально-экономического и культурного развития населения региона.

Восточнославянское население Чечни и Ингушетии складывалось на протяжении длительного времени. «Беглые русские лица», поселившиеся на гребнях между Терек и Сунжей, дали начало гребенскому казачеству, которое упоминается в российских письменных источниках с XVI в. В притеречных районах по распоряжению царского правительства расселяются и в дальнейшем обживают донские казаки. Последующая колонизация русскими Предкавказья связана с пореформенным периодом.

Терско-гребенское казачество складывалось не только из беглых русских, ищущих

волю на Северном Кавказе, но и из представителей самих горских народов: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев и т.д. Горцы бежали к казакам, спасаясь от кровной мести, рабства, от феодального гнета и произвола. Трудно определить, какова была доля горцев среди терско-гребенских казаков. Но бесспорно, что она была значительной. У терских казаков были целые станицы, состоящие из горцев-нехристиан. Правда, гребенцы принимали в свою среду только тех «инородцев», кто принимал христианство [2].

В состав гребенских казаков вливались представители разных чеченских тайпов. К числу таковых относятся оказавшиеся галаевцы, варандоевцы и особенно гуноевцы (выходцы из села Гуни, Ичкерия) из станицы Червленной (чеч. – Оьрза-Г1ала по имени первопроходца гуноевца) – Егоркины, Галкины, Гулаевы, Бусунгуровы, Титкины, Кулубчины, Закаевы, Борискины, Костиковы, Хановы и другие, переселившиеся в XVI–XVII вв. к казакам из-за кровной мести и нежелания принять ислам, который первым в Чечне проповедовал Курчалинский Берс-шейх, являющийся племянником гуноевцев по материнской линии.

Но происходил и обратный процесс. Немало свободолюбивых казаков находили приют в отдельных чеченских тайпах. За них выдавались замуж горянки, и от них уже шла новая ветвь чеченского рода – васал-некъи (потомки русского Васи), митик-некъи (потомки Мити), игрой некъи (потомки Игоря), украин – некъи (потомки украинцев)...

Еще пример... В 40-е гг. XIX в., когда была в разгаре Кавказская война, чеченец из тайпа гуной, наиб имама Шамиля Ахмад Автуринский во время набега на г. Кизляр (чеч. Г1излар) увидел известную красавицу-казачку Марию, которую полюбил с первого взгляда. И, несмотря на то, что имам Шамиль строго запрещал браки между иноверцами, похитил ее и женился на ней. Впоследствии она приняла ислам, вследствие чего получила новое имя – Г1изларха (от назв. Кизляр).

Если бы о таких исторических фактах знало нынешнее поколение казаков, наверное, в Ставропольском крае не было создано казачье подразделение имени палача Ермолова для очередного истребления нашего народа уже на современном этапе – во II чеченскую кампанию. Правда, по приезду в Чечню от него осталось одно название и лампасы.

К шести атаман Кубанского казачьего войска генерала Владимира Прокофьевича Громова, когда ему предложили создать аналогичное подразделение у себя, он наотрез отказался, заявив, что никогда не пойдет войной на братьев-чеченцев...

Особенно большое влияние оказывали друг на друга вайнахи и их соседи – терские и гребенские казаки (староверы), бежавшие из царской России за Терек от крепостного права и религиозного преследования.

Одежда и манера ее ношения также во многом были общими. Казаки носили кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, пояс, кинжал и газыри. Женщины надевали рубахи с широкими рукавами и бешметы, голову покрывали платком. В костюме горцев постепенно появлялись элементы европейской одежды, которую все больше начинали шить из привозных тканей. В начале XX в. и женщины-горянки стали постепенно отказываться от традиционной одежды.

У терских и гребенских казаков были в ходу горские музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. В то же время у чеченцев и ингушей значительное распространение получили русские гармоники (чеч. кехат-пондар), на которых в основном играли женщины.

Казаками были восприняты не только мелодии горских песен, но и некоторые виды танцев (например, наурская лезгинка), широко бытовал у них и популярный горский обычай джигитовки.

Очень много общего наблюдалось и в характере казаков и горцев. Веками общаясь друг с другом, они постоянно пополняли за счет друг друга свой словарный запас. Современники отмечали, что речь казаков «приняла оригинальный склад» и сами себя они называли не русскими, а казаками, и практически в каждом из них течет кровь чеченца, кабардинца, ногойца и других народов Кавказа.

Многие терские и гребенские казаки были кунаками чеченцев, часто наносили друг другу визиты дружбы, дарили подарки и памятные подношения. Кунаки-чеченцы и кунаки-казаки имели «совершенное право пребывать друг у друга с великим угощением. Кунак не мог явиться к кунаку без подарка». Они гордились своей дружбой и передавали ее из поколения в поколение. Ярким примером тому явилась дружба Льва Толстого с кунаком-чеченцем Садо Мисирбиевым из тайпа элистанжой. По словам Л.Н. Толстого, «...живя между чеченцами, казаки перероднились с ними

и усвоили обычай, образ жизни, нравы горцев... Еще до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Красота гребенских женщин особенно поразительна соединением чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую, но платки завязывают по-русски...» [3].

Куначество между казаками и чеченцами поддерживалось не только в мирной жизни. Особо оно проявлялось в трагические моменты истории народа. Тому немало примеров. Когда 16 сентября 1819 г. нависла смертельная угроза над цветущим чеченским аулом Дады-Юрт, находившемся по правому берегу Терека, казаки, верные кунаки чеченцев, жившие на левом берегу, ночью прислали гонца с известием, что их аул на рассвете будет уничтожен, а население истреблено.

Когда старейшины, приняв решение отразить нападение, поблагодарили вестового и попросили его покинуть село, казак ответил: «Останусь с вами до последнего. Истинные казаки не бросают друзей в беде».

На рассвете действительно аул был сожжен дотла, люди уничтожены, вместе с ними погиб и казак. После полного истребления живы остались 46 девушек, 3 мальчика в возрасте 2-3 лет из тайпа харачой: один, взятый на воспитание братом генерала Ермолова, впоследствии стал знаменитым академиком живописи Петром Захаровым, второй – Бота Шамурзаев (наиб имама Шамиля, после «перешедший из наибов в майоры царской армии») – получил воспитание и образование в семье Раевских, третий К.М. Айбулат-Розен, впоследствии известный поэт в русской литературе XIX в., также воспитан в России.

Что касается 46 плененных девушек, то их ждал трагический финал: пленниц, погрузив на плот, начали переправлять на другой берег Терека. Девушки, догадываясь, что в будущем их ждет бесчестье и позор рабства, решили избежать надругательства и не дать врагу насладиться победой. Каждая из девушек, схватив стоящего рядом солдата, кинулась в бурный Терек, увлекая за собой врага в пучину вод, не размыкая свою хватку до смертной минуты. Так они стали легендой для будущих поколений чеченцев.

Здесь еще нужно отметить, что большое место в чеченском фольклоре уделено инациональным героям: таркинцам, грузинам и т.д., и особенно – казакам. К чести чеченцев, нет ни одного случая неприязненного выпада героя-чеченца против инородцев, т.к. по своему духу и менталитету чеченцы искренние интернационалисты, хотя это качество не всегда приносило им пользу.

Таким образом, чеченцы и ингуши на протяжении всей своей многовековой истории не были изолированы от окружающих племен и народов. Часть из них проходила по территории края, не задерживаясь надолго, другие находили здесь вторую Родину, с третьими издавна поддерживались торгово-экономические, политические, культурные и иные взаимоотношения. Соприкасаясь с многочисленными окружающими народами, вайнахи воспринимали у них передовые элементы материальной и духовной культуры, в то же время делясь с ними тем положительным опытом, который был накоплен ими веками.

В заключение хочу привести старинную чеченскую мудрость, особенно актуальную в наши дни: «Человек с друзьями – степь широкая, без друзей – ладонь узкая».

Литература:

1. Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». – М., С. 20.
2. Тотоев С.М. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселениями на Северном Кавказе // Известия Североосетинского научно-исследовательского института. – Дзауджикау, 1948. С. 148; Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991. С. 62; Максимов Е. Терское казачье войско. – Владикавказ, 1890. С. 15.
3. Толстой Л.Н. Избранные повести и рассказы. Т.1. Газ. «Кавказ», 1847. С. 35.

Гелани Индербаев

Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы

Обзор текущей критики журналов «Орга» и «Вайнах» за 2008-2009 гг.

Ситуация, в которой сегодня находится чеченская литература, напоминает нам детскую игровую площадку, где малыши, оставленные взрослыми без присмотра, занимаются тем, что им особенно интересно и доступно: кто-то скатывается с горки, кто-то лихо раскачивает качели, кто-то возится в песочнице, кто-то... Словом, каждый из детей увлечен своим занятием и ему нет дела до других.

Нечто подобное, нам кажется, происходит и в писательской среде нашей республики. Писатели разобщены... Никто серьезно и систематически не занимается их проблемами. Каждый из писателей «творит» так, как он понимает художественное творчество, цели и задачи искусства. Для большей части писателей недоступны и абстрактны такие понятия, как проблема мастерства, художественная правда, логика характеров и т.д.

Скольжение по поверхности изображаемых событий, незнание и нежелание знать подлинной жизни народа, скудость мысли – вот беды сегодняшней чеченской литературы.

В литературе занижены и размыты критерии, по которым должно оцениваться художественное произведение. Наряду с подлинными художественными ценностями, в нашей литературе существуют и ценности мнимые. Различия между ними нельзя свести к одной простой формуле, они разнообразны. Нередко мнимые ценности предстают перед читателем в облике крикливой эксплуатации злободневных тем, в виде произведений, броско выполненных, но мелких и незначительных по своему содержанию. Создатели мнимых ценностей порой увлеченно и упорно «разрабатывают» так называемые «вечные темы», наивно полагая, что само обращение к ним придает непреходящее значение их сочинениям. Есть и такие писатели, которые открыто демонстрируют свою «приверженность» к «патриотической» тематике, похваляются многотемностью и многожанровостью творчества. Их лозунг: лучше рисоваться многими знаниями, чем владеть хорошо немногими...

Мнимые ценности часто обладают способностью рядиться в одежды значительности, несомненных творческих завоеваний. На мнимых ценностях в нашей литературе создаются ложные репутации, осуществляются меркантильные и конъюнктурные интересы. Имеет место, когда отдельные писатели вместо того, чтобы находить в жизни новые коллизии и их художественно осваивать, вновь и вновь эксплуатируют одни и те же сюжеты, «прогоняя» их через все жанры своего творчества.

Для того чтобы «самозаявленные» достижения отделить от реальных, потребуются, разумеется, какие-то радикальные изменения в литературе и известное время.

А пока что, как говорят в народе, мы наблюдаем такую картину: писатель спокойно «пописывает», а критик осторожно «покритиковывает», старательно обходя острые углы...

Такое положение в литературе стало возможным вследствие отсутствия в ней настоящей литературной критики.

...Сложен и объемный литературный поток в нашей республике. Много в этом потоке произведений серых, ремесленнических, способных вызвать у читателя лишь примитивные взгляды на искусство и жизнь. Такое явление не может не тревожить человека, сколько-нибудь болеющего за свою республику, за национальную культуру и искусство.

В каком направлении развивается чеченская литература? Каковы ее проблемы и как они разрешаются? Каков характер художественных конфликтов? Насколько конфликты произведений соответствуют духу времени? В чем успехи и недостатки литературы?

Эти вопросы имеют много адресатов, но сегодня мы их ставим только перед литературной критикой. Конечно, если только она у нас есть...

Как известно, вопросами текущей критики и литературоведения обычно занимаются литературно-художественные журналы, каковыми в нашей республике являются «Орга» и «Вайнах».

Состояние литературной критики в журналах «Орга» и «Вайнах» – главный вопрос, на котором нам хотелось бы остановить внимание читателя. Не исключено, что будут затронуты и другие вопросы, так или иначе имеющие отношение к текущей критике и литературоведению.

Каков общий объем и уровень текущей критики журналов? Насколько критика разнообразна

в жанровом отношении? Насколько она оперативна, взыскательна и убедительна на фоне происходящих в республике духовных и социальных перемен? Эти вопросы, думается, помогут нам sobности в разговоре необходимую последовательность, удержать логическую нить в излагаемом материале.

Для того чтобы наш разговор в дальнейшем был более предметным, прибегнем к некоторой статистике, которой филологическая наука в последнее время не запрещает пользоваться. Итак, за два прошедших года (2008–2009) журнал «Орга» опубликовал 51 материал, в той или иной степени имеющий отношение к критике и литературоведению, в том числе: статей разного жанра (проблемная, юбилейная, литературоведческая) – 30; рецензий – 7; аннотаций – 8; интервью – 8; эссе – 1. Критический материал журнала «Вайнах» за то же время может быть представлен в следующих цифрах: статей разного характера – 25; рецензий – 4; аннотаций – 11; творческий портрет – 1; дискуссия – 1.

Сегодняшнюю критику и литературоведение представляют Э. Минкайлов, Ш. Цуруев, Д. Сумбулатов, Р. Эсенбаева, Х. Бурчаев, Л. Довлеткиреева, З. Алиева, Р. Межиева и др. Все эти критики имеют высокий культурный и профессиональный уровень – окончили филологические факультеты университетов. Р. Эсенбаева и Л. Довлеткиреева имеют ученую степень кандидата филологических наук. Э. Минкайлов, Ш. Цуруев, Д. Сумбулатов, Х. Бурчаев, Р. Межиева выступают в качестве прозаиков и поэтов. Друг от друга перечисленные критики отличаются возрастом, разной степенью участия в критической деятельности, разным пониманием долга критика.

Если присмотреться к вышеназванным фамилиям, можно заметить, что в критике появилось несколько новых имен: Л. Довлеткиреева, З. Алиева, Р. Межиева, Р. Эсенбаева. Такое явление не может не порадовать нас. Приток свежих сил в критику, как известно, совершается очень медленно, значительно медленнее, чем, скажем, в прозу или поэзию. Очень хочется надеяться на то, что с приходом молодых чеченская литературная критика качественно изменится и займет подобающее ей место в литературном процессе.

Если судить о состоянии сегодняшней критики по приведенным выше цифровым данным, вырисовывается довольно-таки неплохая картина: в среднем каждый номер журнала выходил в свет с двумя критическими работами... С точки зрения количества здесь вроде бы все нормально и нет необходимости, как в советское время, констатировать набившее оскомину: «критика отстает от других жанров литературы».

Но задача критики, как известно, не столько в том, чтобы добиваться увеличения количества критических работ, сколько в повышении их качества. Если даже критическую продукцию журналов «Орга» и «Вайнах» рассматривать исходя из такой установки, все равно результат не получается положительным: в совокупности опубликованные работы не могут быть в полной мере названы критическими.

В критических работах журналов «Орга» и «Вайнах» («Пусть мир остается ярким!», «Мысли на перепутье...», «Нохчийн прозин керла лехамаш», «Сан бакьдерг соьца ду...», «Тулг Iене сатуьйсуш: литературехь а, кхидолчух а...») мы находим отдельные разрозненные мысли, суждения, наблюдения о литературе и писателях, но не более. Нет в журналах работ, которые бы давали более или менее целостную и наглядную картину сегодняшней чеченской литературы, раскрывали бы ее проблемы, указывали бы перспективы ее дальнейшего развития.

Нужны работы, осмысливающие и направляющие современный литературный процесс. Опубликованные в журналах критические работы свидетельствуют о недостаточной теоретической подготовке отдельных критиков. Имеет место, когда художественное произведение молодыми критиками рассматривается не как целостный художественный организм, а как набор отдельных проблем, взятых вне связи с общей идейно-художественной концепцией произведения.

При анализе художественного произведения отдельных критиков мало интересует, что удалось, а что не удалось автору с художественной точки зрения, насколько выверенными оказались его философские, социальные и нравственные позиции. Вместо анализа в рецензиях и статьях мы находим пересказ содержания, сопровождаемый неумной похвалой. Зачастую критик не выясняет, в какой мере анализируемое произведение как явление искусства стало явлением общественным. Сегодняшняя журнальная критика, к сожалению, очень тенденциозна, ориентирована на обслуживание только узкого круга писателей. А между тем критика должна проявлять постоянный интерес к литературному процессу во всем его объеме, во всем многообразии положительных и отрицательных его тенденций, что дает единственно прочные основания для выводов и обобщений, позволяет представить истинную картину литературной жизни республики.

Не все в порядке у журнальной критики и с определением жанров и их функций. Имеет место, когда неверно определяется жанр критики или художественного произведения. Критическая работа, которая по своим специфическим особенностям должна называться «рецензией», часто почему-то именуется «статьей». Длинное стихотворение называется «поэмой», повесть

– «романом» и т.д.

Назвав общее, на наш взгляд, недостатки текущей критики журналов «Орга» и «Вайнах», хотелось бы особо остановиться на критике молодых: с критикой молодых связано будущее чеченской литературы.

Что объединяет и характеризует молодых критиков нашей литературы? Это прежде всего – высокая образованность и достаточно широкие познания в области мировой литературы и культуры. Молодые критики ищут «себя», свой «стиль», свои «способы выражения». В этом поиске – они разные.

Для критика Х. Бурчаева (все свои работы он пишет на чеченском языке) характерен спокойный, выдержанный тон разговора о писателе и его произведении. Он не прибегает к ненужным, сложным словесным оборотам, не старается «собой» заслонить писателя, «заболтать» читателя. Как критик Х. Бурчаев работает очень много. Он сотрудничает в обоих журналах. Публикуется из номера в номер. Для него в одинаковой мере важны и аннотация, и короткая рецензия, и интервью, и юбилейная статья. Х. Бурчаева можно упрекнуть лишь в том, что он в своих работах ограничивается только выявлением идейно-общественных аспектов произведения. Надо думать, что в творчестве критика пока что идет накопление эстетических знаний. Надеемся, что недалеко то время, когда Х. Бурчаев выйдет к читателю с достойными критическими материалами. Наиболее удачной работой Х. Бурчаева последнего времени можно считать статью, посвященную 100-летию со дня рождения М.-С. Гадаева «Даймехкан илланча» («Орга», №11, 2009). Статья оснащена новыми разысканиями о жизни и творчестве поэта. Статьи и рецензии Х. Бурчаева способствуют выработке в чеченском языке необходимых для критики понятий и терминов.

Р. Межиева является автором многочисленных аннотаций, интервью и статей – отчетов о писательских встречах и семинарах. Есть у нее работы о живописи и театре. Сдержанность в эмоциях и суждениях – credo критических работ Р. Межиевой.

Интересны и содержательны статьи и рецензии Л. Довлеткиреевой, опубликованные в журнале «Вайнах». За два прошедших года ею опубликовано около 15 работ. Л. Довлеткиреева пишет на русском языке. Работы Л. Довлеткиреевой позволяют сделать следующие выводы: критик имеет широкий литературный и культурный кругозор, обладает самостоятельностью мышления, своим взглядом на вещи и явления. В своих работах молодой критик не ограничивается проблемами только одной чеченской литературы. Для нее характерны «вылазки» и в другие смежные с литературой виды искусства: театр, живопись, музыку.

Не имея возможности говорить о всех работах Л. Довлеткиреевой, остановимся на анализе двух-трех ее статей...

Пожалуй, начнем этот разговор со статьи «Чего хочет Асан?» (ж. «Вайнах», №3, 2009). На наш взгляд, эта статья является лучшей критической работой Довлеткиреевой. Лучшей потому, что в ней действительно имеет место «критический» анализ.

В статье «Чего хочет Асан?» Л. Довлеткиреева на ярких и убедительных примерах показала идейную и художественную несостоятельность романа В. Маканина «Асан». Предвзятость автора в освещении событий российско-чеченской войны, благодаря веским и точным аргументам критика, становится для читателя более чем очевидной. «Вторичность» художественного мира анализируемого произведения Л. Довлеткиреева показала на сопоставлениях и противопоставлениях современных и исторических событий. Статья Л. Довлеткиреева глубоко публицистична и эмоциональна.

Отмечая достоинства статьи «Чего хочет Асан?», мы, к сожалению, вынуждены указать и на ряд существенных ее недостатков.

Статья чрезмерно перегружена «ненужным» материалом. Что мы имеем в виду? В виду имеются всевозможные «разъяснения» критика по поводу тех или иных событий, художественных приемов, используемых Маканиным или другими писателями. Слишком сложен и язык статьи. Роман В. Маканина – очередная клевета на чеченский народ, и он не заслуживал такого «большого разговора».

Задача критика состояла только в том, чтобы показать этот роман как очередной пасквиль отдельных российских писателей на чеченский народ.

Теперь несколько слов о жанре анализируемой работы... Думается, что Л. Довлеткиреева ошибается, называя свою работу «статьей». Когда в критической работе речь идет только об одном произведении (о чем бы в нем ни говорилось) и не ставится какая-либо проблема, такую работу принято называть «рецензией». Каждый жанр имеет свои «рамки», за которые нельзя выходить.

«Масс-медиа и научные труды пестрят сообщениями и размышлениями о нарастающих угрозах, все новых и новых бедах, готовых обрушиться на человечество. <...> Локальные войны в любой момент могут стать детонатором большого термоядерного пожара. <...> Футурологи, социологи, политики, экологи, историки, экономисты, характеризуя мировую ситуацию 21 века, сходятся в едином мнении о том, что человеческую цивилизацию сотрясает всеобщий кризис,

охвативший все сферы жизнедеятельности. <...> Человеческое сознание отмечено ощущением надвигающегося Армагеддона.

Мир балансирует на краю пропасти...»

Эти предложения (пусть простит нас читатель за столь пространную цитату) взяты нами из вступления, которым начинается рецензия Л. Довлеткиреевой «Мысли на перепутье...» («Вайнах», №7, 2009).

Всякого, кто первый раз знакомится с рецензией Л. Довлеткиреевой и начинает читать приведенные выше предложения, невольно охватывает волнение: о чем же автор собирается поведать? Неужели есть опасность новой войны? Возможен голод? Назревают природные катаклизмы?

«Волнуюсь», мы продолжаем читать рецензию дальше и, слава богу, узнаем, что речь в ней идет всего-навсего о повести М. Бексултанова «Далекие берега реки жизни» («Вайнах», №2, 2009), в которой говорится о том, как в чеченской семье отец «ненавязчиво» готовит сыновей к взрослой жизни, воспитывает в них... «чувство собственного достоинства, честь, мужество...»

Спрашивается, в какой чеченской семье (нормальной с точки зрения психики и «чистой» генетически) родители не занимаются подобным воспитанием? Здесь нет никакого открытия... Это – аксиома.

Мы ничего не имеем против писателя М. Бексултанова, который решил в очередной раз напомнить нам о том, как в чеченских семьях должны воспитывать детей... Проблема эта сегодня довольно злободневная... Мы же в этой статье будем вести речь о том, как Л. Довлеткиреева анализирует и оценивает повесть «Далекие берега реки жизни».

Если в рецензии «Чего хочет Асан?» мы с удовольствием отмечаем умение Л. Довлеткиреевой достаточно глубоко и всесторонне анализировать художественное произведение, то этого, к сожалению, мы не можем сказать о ее рецензии на повесть М. Бексултанова.

В рецензии «Мысли на перепутье...» вместо необходимого анализа и взвешенных оценок, читатель находит только бездоказательные утверждения, вроде таковых:

«Его повесть (...) – грустный взгляд на послевоенную действительность и в то же время развернутый ответ всем, кто считает, что «чеченцы уже не те, что раньше», неспешный и тонкий анализ онтологического метакода своей нации».

«Повесть – предостережение и наставление одновременно...»

«Автор исследует (...) причины случившейся военной трагедии»

«...Рассказчик (автор – И.Г.) открывает читателям особенности и красоту традиционной чеченской культуры и этики – гиллакх-оьздангалла».

Давайте оттолкнемся от последнего «утверждения» рецензента и выясним, какие же «особенности» традиционной чеченской культуры и этики «открывает» нам рассказчик, т.е. автор... Вот они:

«В мире нет ничего важнее согласия...»

«Двух братьев, между которыми царил согласие, не смогло победить целое село...»

«Богатство женщин – в детях, братьев – в их количестве...»

«Для кьонаха позор – дать кому бы то ни стало повод усомниться в своих словах».

«Век человеческий недолог...»

«Надо бояться Бога...» и т.д.

Критик полагает, что читателю не приходилось до сих пор (до выхода в свет повести) слышать эти афоризмы?... Беда не в том, что эти изречения и раньше были известны читателю. Упрек здесь рецензенту, который «не находит» недостаток повести в том, что все нравственно-этические нормы, о которых говорится в произведении, раскрываются через уста одного человека – отца рассказчика. Может ли один человек (в данном случае «отец Рассказчика») вобрать в себя весь нравственно-этический опыт народа, который накапливался в течение многих веков? Могут ли все ситуации, о которых говорится в повести, быть связанными с одним человеком? В это очень трудно поверить... Из сказанного здесь, на наш взгляд, вытекает вывод: М. Бексултанов не нашел необходимую форму, чтобы выразить свой замысел. И на этот факт должна была обратить внимание Л. Довлеткиреева.

Рецензент пишет: «В художественной форме М. Бексултанов представляет чеченские религиозные и нравственно-этические максимы: «иман», «яхь», «маршо», «собар», «сий». Когда речь идет о «художественности» произведения не могут присутствовать такие выражения, как «иллюстрация» и «демонстрация». Эти выражения из другой области...»

Повесть М. Бексултанова не имеет ни сюжета, ни композиции, хотя Л. Довлеткиреева и утверждает: «Композиционно повесть делится на две неравные по объему части...» Такой вывод, видимо, рецензент делает исходя из возраста рассказчика: сначала – он ребенок, подросток, затем – уже взрослый человек. Возрастные периоды в жизни героя не могут являться композицией произведения.

Чуть позже Л. Довлеткиреева скажет: «Практически бессюжетная повесть «Далекие берега реки жизни» близка по ряду стиливых признаков жанру эссе, так как отличается образностью,

афористичностью, непринужденной, в духе свободной беседы, манерой изложения, когда в воспоминаниях рассказчика передаются монологи отца». Это утверждение критика вызывает у читателя ряд недоумений... Если повесть, как утверждается в начале предложения, «практически бессюжетная», то как же можно говорить о ее «композиции»? Может ли быть композиция без сюжета? Это, во-первых. Во-вторых, утверждается, что «по ряду признаков повесть близка жанру эссе». Как известно, эссе в переводе с французского обозначает очерк (научный, исторический, публицистический). Автором эссе должен быть реальный человек. Это требование жанра. Может ли рассказчик из повести «Далекие берега реки жизни», выступающий как художественный персонаж, быть автором эссе? Не может. Вместо того чтобы очевидный недостаток произведения назвать недостатком, автор рецензии идет на всевозможные ухищрения, которые не остаются незамеченными читателем.

Не менее пафосно, чем начало, Л. Довлеткиреева строит и «заключение» своей рецензии: «Весь мир стоит на перепутье, на изломе, мнется, не в состоянии сделать выбор дальнейшего пути... Но есть на земле духовные маячки – в современном мировом пространстве циркулируют высочайшие достижения общечеловеческого прогресса. И творчество Мусы Бексултанова – один из таких маячков для нас».

Ну что можно сказать, завершая этот разговор?

Скажем следующее: достоинство рецензии определяется не только тем, что она патетична и красочно написана. Рецензия привлекает читателя прежде всего правдивостью изложения, основательностью идейного и эстетического анализа. Нельзя умозрительно конструировать связи и вносить их в анализируемое произведения, а надо их извлекать из фактов и, найдя, доказывать их.

Смысл критической работы – в глубине постижения произведения, а не в пышных цветах красноречия или мнимой теоретичности. Великий Спиноза, имея в виду критику, однажды сказал: «Не плакать, не смеяться, а понимать...» Как бы критик красиво ни расхваливал плохую книгу, лучше от его похвал она не станет. Хорошая же в похвале не нуждается: ее достойно оценит читатель без подсказки со стороны критика.

Зарина Алиева – одна из тех, кто активно работает в чеченской критике. За рассматриваемый период она опубликовала около десяти критических работ. Это – аннотации, рецензии, интервью и т.д. Как и Х. Бурчаев, З. Алиева пишет свои работы на родном языке, что очень похвально.

Молодой критик умеет интересно рассуждать, хотя эти рассуждения не всегда бесспорны. Для критических работ Алиевой характерен назидательный, проповеднический тон, не допускающий какого-либо возражения или сомнения. Главный пафос всех критических работ З. Алиевой в оправдании условности стиля произведений писателей М. Ахмадова и М. Бексултанова. В своих субъективно-эмоциональных рассуждениях она старается убедить читателя в том, что форма в художественном произведении более важна, чем содержание. По сути дела, З. Алиева предлагает читателю произведения, содержание которых он должен воспринимать интуитивно, вне всякой связи с окружающей действительностью.

З. Алиева с упорным натиском предостерегает читателя от того, чтобы последний к произведениям М. Ахмадова и М. Бексултанова подходил с меркой соответствия их окружающей действительности. Символ – вот ключ, которым, по мнению критика, открывается для читателя содержание произведений вышеупомянутых писателей. Оправдывая условность стиля произведений М. Ахмадова и М. Бексултанова, З. Алиева постоянно апеллирует к писателям Запада: Камю, Кафке, Джойсу, экзистенциалистам и т.д. В произведениях перечисленных авторов критик ищет «родословную» творчества наших писателей. З. Алиеву не смущает тот факт, что эти писатели принадлежали к «искусству», замкнувшемуся в сфере формальных экспериментов. Реальный мир в произведениях Кафки, Камю, Джойса и им подобных выступал как хаос, как поток событий, не имеющих внутренней связи, а человек был обречен на бессмысленное существование без веры в людей и Бога. Творчество Камю, Джойса, Кафки и других не стало на Западе сколько-нибудь значительным явлением. Их творчество скорее было исключением, чем правилом. Модернистское искусство, к которому принадлежали Кафка, Камю, Джойс, было вызвано к жизни определенными условиями, которые имели место в начале 20 в. Это искусство как формальное, можно сказать, уже давно ушло в прошлое. Абстрактное искусство не является стартовой площадкой для новых видов искусства. Это последняя строка в мировой литературе. В нем нет ни силы, ни души, и оно не способно вызвать в нас чувство нового.

Непонятно одно: почему наши писатели сегодня стараются брать на вооружение в качестве творческого стиля то, что давно устарело, не состоялось и не получило широкой поддержки в литературе многих народов?

Борьба между реализмом и модернизмом началась давно. Эта борьба подобна борьбе между талантом и ремесленничеством. Чему мы должны отдать предпочтение: таланту или ремесленничеству?

Известно, что модернистское искусство (всевозможные эксперименты в форме и содержании)

появляется на определенном этапе развития той или иной национальной литературы. Созрели ли в нашей литературе или обществе условия, которые бы способствовали появлению литературы романтического или условного (символического) содержания и формы? Нет, конечно.

Чеченская литература сегодня находится в процессе становления, развития. Говорить о каких-то экспериментах, течениях в ней еще очень рано. Не созрел еще и читатель. Всякое новое должно ясно ощущать свою необходимость для жизни, для утверждения более высоких социальных, нравственных и духовных ценностей. Степенью жизненной правды обуславливается и измеряется продуктивность искусства.

В одной из своих рецензий («Орга», №11, 2008) З. Алиева, как всегда противоречая самой себе, вынуждена признаться в том, что «Бексултанов Мусан дешархо искусствон стаг хила веза, искусствон, кхоллараллин мах хадо хууш, кхолларалла х1ун ю хууш» (с. 27).

А где же нам взять такого читателя? На чьих же произведениях этот читатель должен учиться, чтобы «пробиться» к произведениям М. Ахмадова и М. Бексултанова, которые сплошь состоят из одних символов и аллегорий?

Беда М. Ахмадова и М. Бексултанова в том, что они стремятся создавать произведения в новых формах, не достигнув необходимого нового содержания. Давно известно, что по-настоящему писатель начинается тогда, когда его перестает интересовать атрибутика. Поиски цвета и формы ради цвета и формы приводят художника к формализму, который душит содержание. Если главное в произведении – правда – утрачено, не спасут писателя никакие экстравагантности и «смелые» эксперименты с формой. Ознакомившись с творчеством И.С. Тургенева, французский писатель П. Мериме писал: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом явится сама собой...» Здесь Мериме имел в виду форму произведения, которая зависима от содержания произведения.

Мифологические и притчевые конструкции, к которым в своих произведениях часто прибегают М. Ахмадов и М. Бексултанов, не всегда служат постижению жизненной правды. Они уводят писателя от правды времени, ведут к умозрительным, абстрактным сюжетам.

Каждый художник – сын своего времени, и он имеет право на избирательность в обращении к тому или иному жизненному материалу, но отворачиваться от проблем своего времени он не имеет морального права. Писатель не должен отстраняться от действительности, а, наоборот, должен стараться вторгнуться в нее.

Значителен творческий потенциал М. Бексултанова, интересны его язык, метафоры. Тем важнее для него отказаться от созерцательности и самоуглубленности. Пришла пора вернуться в реальный мир и бросить свой взгляд на то, что сегодня делается вокруг.

Анализируя рассказ М. Бексултанова «Шен изъхан эла...» («Орга», №7, 2009), З. Алиева пишет: «Овтархан Юсупан васт, цуьнан амал – из зама – зама йоцучу хенахь (безвременье) цунна, оцу заманна дзъьхал кхолаелла символ ю» (с. 65). Приведенная цитата свидетельствует о том, что М. Бексултанов, стремясь к «всечеловечности» своих произведений, намеренно отворачивается от сегодняшней жизни, занимается решением проблем исключительной, изолированной от общества личности, которая, по мнению автора, имеет право на собственный произвол, не считаясь с реалиями действительности.

Для М. Бексултанова существование субъекта – это «всегда мое», то есть нечто сугубо интимное, сугубо индивидуальное («Шина-кхаа дашца ала лабара сунна дуккха а х1ума. Х1орд гича хуьлу х1оттам санна, ойла ладош йолу ойла...»). Нечто близкое сказанному здесь писателем мы находим и у английского теоретика модернизма Брэдли: «...Мой опыт ограничен моим собственным кругом, закрытым для всего внешнего».

М. Бексултанов убежден в том, что форма в произведении более важна, чем его содержание. Он считает, что значение ситуации можно вообразить живее, если лишить ее, насколько можно, материальных деталей. Но свобода от действительности – не больше, чем иллюзия, эстетическая «робинзопада».

Вспомним русского символиста Сологуба, который писал:

Я бог таинственного мира,

Весь мир в одних моих мечтах...

Вернемся к рассуждениям З. Алиевой. «Анализ» З. Алиевой произведений М. Ахмадова и М. Бексултанова – это выискивание и декларирование возможных и невозможных достоинств произведений этих писателей. В скупости на похвалу критика никак не упрекнешь: на рассказ М. Бексултанова «М1аьргонана сецна сибат», который поместился на одной странице, З. Алиева написала рецензию на двух с половиной страницах («Орга», №11, 2008, с. 27). Видимо, уж очень нужно было хотеть, чтобы так написать: сказать больше, чем это есть в произведении. Здесь – явное стремление критика на текстах не значительных по содержанию произведений делать далеко идущие выводы!

Критик должен убеждать своего читателя, но ни в коем случае не навязывать ему своего мнения.

Ложно уверовав в творческую непогрешимость М. Ахмадова и М. Бексултанова, З. Алиева

не желает трезво и беспристрастно взглянуть на их творчество, понять, что попустительство в критических оценках ведет искусство к духовному обеднению. Нельзя брать из произведения только то, что заслуживает похвалы, и проходить мимо тех мест, которые не могут не вызывать заслуженного осуждения.

«Анализируя» повесть М. Ахмадова «Мангалхой» (Орга, №5, 2009), З. Алиева умудряется наряду с «достоинствами» произведения «не заметить» идейные и художественные недостатки. Критика не смутил тот факт, что повесть написана на устаревшую тему: так называемая «деревенская тема» промелькнула в литературах народов СССР еще в 70-е гг. прошлого века. Это, во-первых. Во-вторых, в жизни чеченского общества никогда не возникала проблема «народ – интеллигенция». К 90-м гг., о которых идет речь в повести, наша интеллигенция еще не сформировалась как социальная прослойка общества. Есть и другие серьезные недостатки, имеющие отношение к художественности произведения. В повести отсутствует единый конфликт, который бы служил динамичному развитию действия. Сцены и ситуации, которые имеют место в повести, очень слабо связаны между собой. В повести нет характеров, а есть только роли, которые неумело и примитивно разыгрываются героями. Герои «повести» показаны в отрыве от жизни народа, очень низок их культурный уровень. Герои то и дело бросаются друг на друга с кулаками, мимоходом решая тейповые проблемы.

Там, где следовало обнаружить глубокую драму, М. Ахмадов, к сожалению, увидел фарс...

Интеллигенция 90-х гг., которую сатирически старается изобразить автор, представляет собой поколение, в самом раннем детстве разделившее горькую участь со своими родителями, депортированными в Среднюю Азию и Казахстан. Это поколение не имело возможности учиться на родном языке, приобщиться к культуре своего народа. Автору повести и критику следовало бы об этом знать.

Кто может в действительности являться прототипами той «творческой интеллигенции», о которой рассказывается в повести «Мангалхой»? Прототипами ахмадовской «интеллигенции» могли быть только следующие лица: Леча Магомедов, Аднан Шахбулатов, Адиз Кусаев, Илес Татаев, Руслан Караев, Магомед Дикаев, Умар Бексултанов, Якуб Вагапов, Абдула Киндаров, Якуб Эсхаджиев, Юша Айдаев, Руслан Хакишев, Муса Дудаев, Мусбек Кибиев и другие. Заслуживают ли эти люди такого «изображения»? Это поколение, которое испытало на себе все тяготы депортации и коммунистической действительности. Несмотря на все эти трудности, они оставались настоящими чеченцами, любящими свой народ, готовыми за него пострадать... Чеченская интеллигенция 90-х гг. старалась сделать все, чтобы не произошли те трагические события, которые М. Ахмадов ставит ей в вину. М. Ахмадов и З. Алиева пришли в литературу, когда многие трудности уже ушли в прошлое. Об интеллигенции 90-х гг. можно говорить только в том случае, если ты понял их время...

Давая общую характеристику героям повести, З. Алиева «глубокомысленно» замечает: «Яздархочо шен турпалхойн гойтушдерг тлоьхлара сурт дац, чохьхара дуьне ду, хлораннан а амалшца гучуяла езаш йолу культура. Тлоьхларчу суьртаь уьш массо а культура кхнош бу, кхузахь иллиалархо а ву, художник а, амма церан хьежамехь культура – иза музейн экспонатах терра хлума ду, цьханьха дла а йиллина, хилла бохуш, мифашка ерзийна. Суртдиллархочо Камаевс кертахь мел долчуна суьрташ дохку: глотанан а, мангалан а, нуьйжан а, клудалан, куьркан а, пешан. Культура кехат тлехь сацо глерта иза, шен тер – дахарца, леларца а йоцуш. Я, масала, Ягаев теша, нохчаша блов эттуш, хлоэх, шуьрех пайда оьцуш хилар, амма цунна ца хаьа вайн лаьмнашца клайн сацкьар хилар. Масала, суртхо Камаев цецеволу ломахь дехкнаш гича, оьрсийн березкаш муха кхьаьчча кхуза олий» (с. 75).

Из текста приведенной цитаты читатель имеет возможность увидеть, в чем «ущербность» чеченской интеллигенции 90-х гг. 20 в... Что плохого в том, что художник Камаев срисовал косу и другие в хозяйстве необходимые предметы? Даже традиционная коса, которую мы могли увидеть еще вчера в каждом сельском подворье, сегодня уже активно вытесняется косой с моторчиком. Может быть, через пять-десять лет мы будем иметь представление о традиционной косе только благодаря «картинам» Камаева...

Нет ничего зорного и в том, что Камаев удивился, когда в горах увидел березы. В нашей республике много больших и малых гор, и Камаев, наверное, не обязан был знать, в каких горах какие имеются породы деревьев. Не заслуживает упрека и Ягаев, который верил тому, что в прошлом при строительстве башен в Чечне использовали молоко и яйца. Легенда об этом была широко распространена среди нашего народа, продолжает быть и сегодня. Все это несерьезно, надуманно и неинтересно. Все это рассчитано на очень примитивного читателя. Литература же должна идти от жизни.

Когда читаешь критические работы З. Алиевой, невольно создается впечатление, что для нее не столько важно само произведение, а сколько то, что она желает по поводу этого произведения сказать. Свидетельством этому является рецензия «Кхокханах масс вастах кхозу...» я маьргонан мацделла васт...» («Орга», №1, 2008). «Красивой» фантазии критика здесь нет предела...

То, что прежде писатели старались изобразить, описать, теперь нам преподносят как мудреные усложнения. Сказывается это и в стиле изложения, и в языке. В произведениях М. Ахмадова и М. Бексултанова на место слова художественно-описательного часто становится слово символично-обозначающее.

Если в прошлом литература старалась изобразить человека, передавать посредством описания человеческий взгляд на вещи, то теперь это, если верить З. Алиевой, просто не нужно, главное – на какое-то время остановить на этих вещах свой взгляд – и этого достаточно!

Перечислив «зрительные» картины, которые Бексултановым даются в анализируемом произведении (Орга, №11, 2008), критик замечает: «Цхъа васт вукхунах дозаш дац, церац цхъа уыйр а ца хаало. Х1ора васт шен чохъярчу х1отамехъ гайтина ду» (с.28). И это ставится в достоинство автору!

Алиева восторгается «первозданностью» и «нетронутостью» цивилизацией семьи Б1аги (повесть М. Ахмадова «Мангалхой», Орга, №5, 2009), которую автор повести противопоставляет чеченской интеллигенции, живущей и «творящей» в отрыве от жизни простого народа. Критик пишет: «Б1ага а, цуьнан доьзал а нохчийн б1ешерешкахъ мабаххара, бехаш бу. Дуййш, оруш, ялта чудерзош, бежан-уьстаг1 а лелош, хьеша-деца лелон деза г1иллакх а лелош» (с.76). Прекрасная диалектика! Уж очень хотелось бы понаблюдать за жизнью такой семьи... Можно сколько угодно декларировать читателю прошлый образ жизни народа, но от этого ничего не изменится: время неостановимо. Никто сегодня не захочет отказаться от плодов «проклятой» цивилизации. А поэтому цель писателя сегодня не в том, чтобы призывать читателя оглядываться назад, жить по старинке. Прошлое должно выступать в художественном произведении как средство воспитательное и познавательное.

З. Алиева не находит ни малейшего просчета в произведениях М. Ахмадова и М. Бексултанова и тем самым вступает в противоречие с великими художниками мира, которые утверждали, что «ни один шедевр ни лишен недостатков». Как известно, Л. Толстой помногу раз переделывал свои произведения, каждый раз находя их недостаточно художественными. При жизни Л. Толстому и Ф. Достоевскому нередко приходилось выслушивать весьма колючие слова критики по поводу своих романов. Ко всему этому великие писатели относились с пониманием. Но то были Л. Толстой и Ф. Достоевский...

Подобно мифическому царю Мидасу, все обращавшему в золото, З. Алиева все недостатки в произведениях М. Ахмадова и М. Бексултанова старается возводить в достоинства. Все высказывания З. Алиевой об их произведениях выдержаны в тонах апологетики. М. Ахмадов и М. Бексултанов, если верить критику, уже «закостенели» для чеченской критики, стали «тяжелы для подъема».

Правдивость, типичность, идейность составляют основные содержательные критерии ценности искусства. Только при их соблюдении писателем начинает «работать» критерий «новизны», не имеющий самостоятельного значения, но указывающий на такое качество искусства, без которого немислимо полноценное произведение. Эта мысль говорит о том, что условность (символы, аллегории) не должна стать самоцелью. Говоря о творчестве писателей модернизма, один из критиков выразился так: «Их творчество заключается не в том, чтобы раскрыть скрытое, а в том, чтобы скрыть раскрытое». Точнее этого, пожалуй, и не скажешь... Все может претендовать на то, чтобы назваться искусством, но не все им является. Мы часто путаем настоящее искусство с подделкой, которая привлекает нас «новизной» формы. В обязанности критика, как известно, входит анализ произведения с точки зрения идейности и художественности. А если критику приходится расшифровывать и объяснять каждую картину и ситуацию произведения, то что можно сказать об этом произведении? З. Алиева добровольно взяла на себя роль «комментатора» произведений М. Ахмадова и М. Бексултанова.

Публикацией материалов литературоведческого характера, как известно, должны заниматься не только специальные издания, имеющие академическое направление, но и ежемесячные литературно-художественные журналы. Текущая критика очень нуждается в литературоведении. Не будучи хорошо оснащенной теоретически, не связывая свою повседневную конкретную работу с актуальными проблемами, которыми занимается литературоведение, критика неизменно мельчает, теряет перспективу своего дальнейшего развития. Связь между литературоведением и текущей критикой осуществляется следующим образом: литературовед обладает способностью и умением поставить сегодняшний факт искусства в исторический ряд, а критик – способностью заметить в том же факте начало нового этапа текущей литературы.

К литературоведческим статьям, публикуемым в ежемесячных художественных журналах, должны быть предъявлены следующие требования: во-первых, как и статьи текущей критики, они должны быть актуальными для текущего момента и, во-вторых, доступными для понимания не только специалисту, но и рядовому читателю.

Литературоведение журнала «Вайнах» за 2008–2009 гг. представлено такими именами, как: Р. Эсенбаева («Кавказские поэмы А.И. Полежаева», «Кавказские поэмы А.С. Пушкина»,

«Психологизм в современном чеченском рассказе», №№1, 6, 12, 2009), Л. Довлеткиреева («Особенности онтологической поэтики рассказов и повестей Мусы Ахмадова», №3, 2008), С. Инаркаева («Социально-философские основы развития современного чеченского рассказа, №6, 2009), Л. Бадаева («О вечных проблемах войны и мира в рассказе Л.Н. Толстого «Набег», №4, 2009), Хусейн и Ильяс Тимишевы («Михаил Лермонтов и «злой чечен» с кинжалом», №1, 2009), Х. Юсупова («О проблеме сакрального в рассказе Мусы Бексултанова «Дом по наследству», №12, 2009), М. Вахидова («Тайна рождения поэта. Версия», №№1–3, 2008). Перечисленные авторы стараются исследовать в своих статьях литературу прошлого и сегодняшнего дня.

Журнал «Вайнах» за 2008–2009 гг. опубликовал более десяти статей литературоведческого характера. Среди опубликованных материалов наиболее интересными и содержательными нам представляются статьи Р. Эсенбаевой, Л. Довлеткиреевой, С. Инаркаевой, Х. Юсуповой.

С разными целями критики и литературоведы обращаются к литературному наследию прошлого... Цель Р. Эсенбаевой, обратившейся к кавказским поэмам А. Полежаева и А. Пушкина, видится в том, чтобы развенчать и отторгнуть некоторые сложившиеся и ставшие хрестоматийными представления в русской классической литературе о кавказских горах. Статьи Р. Эсенбаевой – это спор с вековыми предрассудками в оценке быта и нравов чеченцев. На убедительных примерах Р. Эсенбаевой удалось показать, как российское самодержавие, прибегая к злостной клевете и дезинформации русского общества относительно характера и обычаев чеченцев, старалось оправдать свои захватнические действия против народа, не желавшего расстаться со своей патриархальной вольницей.

Передовые русские люди хорошо разбирались в лживой политике Российской империи и в тех, кто ее обслуживал. В рецензии на «Повести и рассказы» П. Каменского В. Белинский, возражая литературной клевете на горцев, с иронией писал: «Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резнею, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни, и на Кавказе больше, нежели где-нибудь; но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же отвлекать только одну ее?»

Литературные и исторические факты, приводимые в статьях Р. Эсенбаевой, свидетельствуют о том, что и на выдающиеся явления литературы следует время от времени посмотреть свежим взглядом, лишая их онтологической неприкосновенности. Своими статьями Р. Эсенбаева положила начало переоценке литературы прошлого, новому прочтению давно известных и, казалось бы, «устоявшихся» в критике и литературоведении произведений. Хотелось бы, чтоб подобной переоценке подверглась и чеченская литература советского периода. Необходимость в такой переоценке литературы уже назрела: уж слишком долго мы были скованы разного рода регламентациями, не имели возможности свободно высказываться, называть правду правдой. Без пересмотра и собственной литературы мы не сможем успешно двигаться дальше.

Взгляды Л.Толстого на проблемы войны и мира нашли свое отражение во многих исследованиях как русских авторов, так и зарубежных. Сказать что-либо новое по этой проблеме очень трудно. Названной здесь причиной, видимо, можно объяснить и тот факт, что статья Л. Бадаевой «О вечных проблемах войны и мире в рассказе Л.Н. Толстого «Набег», (№7, 2009) явилась всего-навсего повторением уже известного. Но тем не менее само обращение Л. Бадаевой к этой сложной теме заслуживает читательского внимания и одобрения.

Разговор о литературе прошлого и ее авторах следует вести осторожно, взвешенно, без перехлестывания... Эта мысль невольно приходит на память, когда знакомишься со статьей Хусейна и Ильяс Тимишевых «Михаил Лермонтов и «злой чечен» с кинжалом» (№1, 2009).

Х. и И. Тимишевы в продолжение четырех страниц журнала с азартом, которому позавидовали бы самые озорные подростки, склоняют так и сяк имя М. Лермонтова в связке с сочетанием «злой чечен». Все эти «остроумные упражнения», оказывается, нужны авторам для того, чтобы в конце статьи сообщить читателю следующее: российские обыватели клеветуют на чеченцев, используя в своих пасквилях лермонтовское «злой чечен».

Разумеется, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов были сыновьями своего времени и своего народа, но они никогда в своем творчестве не допускали преднамеренных оскорблений по отношению к чеченцам, и этим они заслуживают нашего уважения.

«Злой чечен», использованное поэтом в колыбельной песне, – всего-навсего ироническая дань тем бытовым отношениям, которые существовали на Кавказе между казаками и чеченцами в 19 в. Семантика сочетания «злой чечен» в понимании поэта – самая безобидная.

Как мы указывали выше, литературоведение, как и текущая критика, должно быть актуальным, отвечающим интересам широкого круга читателей. Если исходить из этого требования, проблемы, затронутые в статьях Л. Довлеткиреевой и Х. Юсуповой, не отвечают сегодняшнему культурному состоянию читателя. Проблемы, связанные с понятиями «онтология» (сущее) и «сакральный» (священный), не вытекают из содержания и состояния самой чеченской литературы, они, скорее всего, внесены в нее извне. Чтобы ставить подобные

проблемы, сама художественная литература должна достичь довольно-таки высокого уровня. Сегодня критиков должны привлекать более злободневные проблемы.

Содержание статей Л. Довлеткиреевой и Х. Юсуповой может быть доступно и интересно только узкому кругу специалистов-филологов. Подтверждением для сказанного могут служить два предложения, взятые из абзаца, которым начинается статья Л. Довлеткиреевой. Вот они: «Мир многомерен, многолик, полон тайн, бесконечно полигранен. Лишь обладая душевной зоркостью, возможно приблизиться к его постижению. Творческий разум, наделенный пассионарной энергией, выстраивая цепочки из невидимых или неочевидных, а порой даже алогичных, но существующих связей, тклет и полотно Вселенной и, погружая в созданную могучим воображением опосредованную картину универсума, дает своим зрителям, слушателям, читателям ключ к мучительным загадкам бытия, приглашает к сотворчеству и совместному поиску ответов...» (с. 62) Все ли понятно читателю?

Л. Довлеткиреева, стремясь к «весомости» своих суждений, до того «занаучивает» стиль изложения, что чтение даже для специалиста превращается по меньшей мере в разгадывание головоломки. А как быть простому читателю? Патетичности и многокрасочности не должно быть в стиле изложения сверх меры...

Нельзя в критических работах пользоваться заумной, псевдонаучной терминологией, способной только оттолкнуть, отвратить от критики читателя. Перед критикой и литературоведением сегодня стоят серьезные задачи: широко популяризировать художественные ценности современной чеченской литературы.

До сих пор мы наивно полагали, что юмористическими могут быть только художественные произведения... Прочитав статью Х. Домбаева «Язык свободного человека» (№7, 2009), мы поняли, что ошибались в этом вопросе. Оказалось, юмористическими могут быть и произведения, явно претендующие на то, чтобы называться литературоведческими. Подтверждением этому является вышеназванная статья Х. Домбаева. Читать статью Х. Домбаева – одно «удовольствие»: у него, что ни фраза, то – открытие, откровение. Эти «открытия» обнаруживаются буквально в каждом предложении статьи. Цитируем для читателя:

«Утверждая национальные основы чеченской литературы (*В чем они? И как их утверждает писатель?*), Муса Бексултанов затрагивает в своих произведениях не только вопросы развития литературного чеченского языка (*Писатель, наверное, должен «не затрагивать» вопросы развития языка, а обогащать его*), но видит в народе создателя и хранителя национального языка» (*А кого же он еще должен был видеть?*)

Продолжаем. Цитировать Х. Домбаева придется еще и еще раз: другого способа, чтобы читатель «понял» автора этой статьи, не существует.

«Любовь Бексултанова к народной речи, образной, лаконичной (*Лаконичным должен быть язык художественного произведения*) и рациональной (*В какой мере?*), боль от пренебрежительного и оскорбительного отношения к ней (*Народную речь невозможно оскорбить*) некоторых ее носителей диктуют ему характерную лексику персонажей (*Как следует это понимать?*), которые (кто?) вместе с языком утрачивают национальную этику и этикет не только по отношению к людям иной национальности (*Как это можно «утрачивать» этику и этикет?*).

«Бексултанов с исключительным мастерством (*В чем оно проявляется?*) использует неисчерпаемые словесные богатства чеченского языка (*Мы-то до сих пор думали, что язык имеет только одно богатство – словарное...*), его гибкость и выразительность. Например, одной строкой, не утруждая язык, устами самой героини (*Выходит, что язык отключается... Действуют только уста героини...*) демонстрирует ее темперамент и характер» (*Трудно себе представить, как это на практике получается*).

«Он (*Бексултанов – Г. И.*) также до тонкости знает профессиональный язык всех слоев чеченского общества (*Вот как... Какой же он «профессиональный язык всех слоев?»*), в большом количестве (*Не жадничает писатель...*) вводит его своеобразную ткань (*Оказывается, профессиональный язык слоев общества имеет свою «своеобразную ткань»*). Не знали мы этого до сих пор...» в свою прозу».

«Многообразный словарный материал, несомненно, берется писателем не только для того, чтобы создать яркую картину, живой, резко запоминающийся типический образ, но и для того, чтобы продемонстрировать неограниченные возможности чеченского языка, к которому мы, носители этого языка, относимся невежественно, безжалостно и в угоду «ветрам времени» (*Тут уже и не найдешь, что сказать...*). «Бексултанов – мастер диалога. Диалог у него всегда рисует лиц (*Как это «рисует?»*), ведущих между собой беседу (*Мы-то до сих пор думали, что диалог – разговор между двумя или несколькими лицами... А, оказывается, это – беседа...*).

«Любопытно проследить, как действуют на человека, подобно Бексултанову, идеи и стремления, шевелящиеся в нас и проявляющиеся, как все живое, в самых разнообразных формах, редко привлекательных, иногда уродливых» (*Трудно сказать, как бы эти «шевелиющиеся» идеи подействовали бы на Бексултанова, но нам бы они не доставили особого комфорта...*)

Довольно! «Статья» Х. Домбаева занимает четыре страницы журнала... Не будем ее

переписывать, цитируя.

Что можно сказать в заключение? Статья Х. Домбаева – это набор бессмысленных разностилевых речевых конструкций, в которых трудно уловить смысл излагаемого материала.

Возникает закономерный вопрос: читали ли в редакции журнала эту статью? Если читали, то как получилось, что она в таком виде оказалась опубликованной? Думается, что редакция должна была помочь автору привести свои мысли в необходимый порядок!

Определенное место в критике журнала «Орга» занимают интервью. Интервью – жанр, позволяющий читателю непосредственно «услышать» писателя, прояснить вопросы, касающиеся его мировоззрения и творческих планов. К интервью нельзя обращаться походя: оно требует тщательной предварительной подготовки как со стороны интервьюера, так и писателя. Интервью – не повседневный жанр критики. К нему следует обращаться только в исключительных случаях. «Исключительными случаями» могут быть юбилейные даты писателей, выход новой книги, вызвавшей особый резонанс среди читателей, назревание какой-то значимой проблемы и т.д.

К интервью довольно часто обращаются такие критики, как З. Алиева, Д. Сумбулатов, Х. Бурчаев и т.д.

Общим недостатком опубликованных в журналах интервью является стереотипность задаваемых вопросов и их большой разброс. В интервью с М. Бексултановым («Орга», №7, 2009) З. Алиева, например, поставила перед писателем 36 вопросов. Какими могут быть ответы на эти вопросы? Получается, как говорится, «галопом по Европам...» Настоящее интервью должно строиться на обсуждении небольшого круга проблем, скажем, 2–3 проблем. Интервьюер не всегда должен соглашаться с ответами писателя, он должен вступать с ним в полемику. У нас же часто интервью превращается в игру с интеллектуальными поддавками...

Интервьюер не должен ставить перед писателем вопросы, ответы на которые могут в той или иной мере задеть самолюбие его собратьев по перу. Прецедент подобного характера имеет место в нашей литературе. Так, З. Алиева в своем интервью («Орга», №7, 2009) в ряду других ставит перед М. Бексултановым такие вопросы:

– Х1инцлера нохчийн литература юьйцуохь, шун кхаа ц1арца юьйцу: Абдулаев Лечий, хьой, Ахмадов Мусай.

Алиева, дополняя ответ писателя, продолжает:

– Апти ц1ахь воцу дела вуьйцу хир вац. Муха делахь а, шун ц1ераш яхар х1ун ду, кхиберш а ца буйьцуш? Ас х1унда хьотту хьуна аьлча, цхьаболчу шун коллегаша – кьаьстина поэташа – ч1ог1а лазаме т1елочуш х1ума духк иза, даим шу кьестор.

Не лукавит ли Алиева, задавая эти вопросы?

Кто же восхваляет вышеперечисленных писателей? Где это происходит?

Незаслуженное вознесение одних и принижение других, разумеется, не может не вызвать соответствующей реакции со стороны поэтов...

Критик не должен подчеркивать элитарность творчества отдельных писателей. Не дело критиков делить писателей на талантливых и посредственных. Правдивый анализ произведения – вот все, что требуется от критика. Критик не должен делить писателей на «своих» и «чужих». Под «своими» мы имеем в виду тех, к кому критик так ли иначе расположен или обязан по долгу службы.

Прямая обязанность критики – бороться за чистоту писательских нравов.

И последнее. Интервью – жанр журналистики. Для литературной критики, нам думается, больше подходит жанр «диалог».

Юбилейные статьи – довольно распространенный и «привлекательный» жанр в наших журналах. Желаящих и пробующих писать в этом роде всегда много. Сам жанр определяет задачу пишущего статью: не анализ, а похвальное слово.

За два года журнал «Орга» опубликовал десять юбилейных статей, «Вайнах» – семь.

Статьи эти посвящены тем, кто сегодня здравствует, и тем, кого, к сожалению, нет с нами.

Юбилей в наших журналах, как это показывает приведенная статистика, приобрели статус наиболее значительных событий, хотя еще не сложились традиции их всенародного празднования.

Празднование литературного юбилея должно быть не только данью признательности и уважения, не только поводом сказать высокие слова в адрес юбиляра. Юбилей для здравствующего писателя – это возможность оглянуться назад, критически оценить пройденный творческий путь. О том, чем для здравствующего писателя является юбилей, очень образно и метко сказал В. Маяковский. В одной из своих поэм он писал: «Для нас юбилей – ремонт в пути, постоял – и дальше гуди». Всегда ли наши писатели прибегают к «ремонту в пути»...

Юбилей покойного писателя – это осознание его творчества в свете актуальных проблем сегодняшнего дня. Отмечаемые юбилей должны стимулировать нас на новые поиски, мобилизовать новую критику и литературоведение на более глубокое и многогранное

осмысление творчества писателя. Так, например, отмечая юбилей А. Айдамирова, можно было бы исследовать такую проблему, как «Роль документа в романе А. Айдамирова «Долгие ночи» и т.д. По творчеству каждого писателя можно сформулировать десятки важных проблем для исследования. Празднование юбилея писателя не должно заканчиваться публикацией одной-двух статей. Их должно быть гораздо больше. И они должны быть проблемными.

Писательские юбилеи должны стать поводом для взыскательного разговора о творчестве того или иного писателя, снятием «хрестоматийного глянца» с отдельных произведений. Творчество каждого писателя должно быть оценено по достоинству без «щадящего» отношения к его творческим промахам и ошибкам. Сказанное здесь должно иметь отношение не только к сегодняшней литературе, но и к литературе советского периода. Без такого подхода не представляется дальнейшее достойное развитие нашей литературы.

Не все у нас благополучно с празднованием писательских юбилеев. Одни юбилеи отмечаются широко, с большим размахом, другие очень скромно, без особого привлечения внимания читательской общественности. Между тем, думается, что редакции журналов и Союз писателей должны в одинаковой мере относиться ко всем проводимым юбилеям.

Немало в связи с юбилеем отдельных писателей появляется громогласных, но пустых по содержанию статей, в которых из года в год повторяется одно и то же. В таких работах трудно бывает отыскать хотя бы одну свежую мысль, хотя бы один новый факт из биографии писателя.

Бывает и так, что статьи, написанные разными авторами об одном и том же писателе (живом или мертвом), мало чем отличаются одна от другой. В качестве примера можно назвать статьи об А. Айдамирове, М. Мамакаеве, Х. Ошаеве и т.д.

Сегодняшний день обязывает критиков более точно, нежели раньше, судить об истинных масштабах и подлинной ценности каждого литературного явления, его идейно-эстетическом своеобразии, судить о том, что в нем неизбежно должно отмереть, а чему предстоит будущее. Одним словом, история чеченской литературы требует существенных корректив и пересмотров.

Среди жанров критики рецензия занимает особое место. Рецензия – это оперативный жанр критики. Именно рецензия, как добрый вестник, первая извещает читателя о выходе той или иной книги, раскрывает ее содержание, дает ей идейно-художественную характеристику и оценку. Поэтому рецензия – жанр весьма ответственный и необходимый. Автор ее должен обладать способностью коротко и оперативно, верно и справедливо оценить литературное явление. Рецензент прививает читателю художественный вкус, воспитывает в нем правильные взгляды на литературу.

После всего сказанного возникает вопрос: как же обстоит дело в наших литературно-художественных журналах с использованием столь универсального критического жанра?

В поисках ответа на этот закономерный вопрос нами просмотрены почти все номера журналов «Орга» и «Вайнах» за 2008–2009 гг. (вне нашего внимания остались номера: 2 («Орга», 2008), 12 («Вайнах», 2008), 10 («Вайнах», 2009). Ни в одном из просмотренных номеров мы не обнаружили критического материала, который бы определялся жанром «рецензия».

«Как же так? – удивится читатель, прочитав эти строки. – Неужели за два года в республике не было издано ни одной художественной книги, на которую необходимо было как-то откликнуться?» Почему же, книги, если судить по аннотациям журналов, издавались. Писались на эти книги, хоть и в недостаточном количестве, рецензии... Так в чем же дело? Дело в том, что авторы свои критические работы почему-то определяли как «статьи». Перечислим эти «статьи»: З. Алиева. «Са дац деза кхоьллинарг, деза кхоьллинарг дег I ду» («Орга», №2, 2009), «Дахаран маь I не сурташ» («Орга», №5, 2009); Х. Бурчаев. «Мамакаев I аьрбин «винчу юьрта» повестех дош» («Орга», №12, 2008), «Туш – ломара кьайле, я «Кьоман теьтар» романан маь I на» («Орга», №8, 2009); Л. Довлеткиреева. «Чего хочет Асан?» («Вайнах», №3, 2009), «Мысли на перепутье» («Вайнах», №7, 2009).

В чем суть такой метаморфозы? Объяснение этому видится в следующем: или авторы перечисленных выше работ не совсем ясно разбираются в жанровых особенностях «статьи» и «рецензии», или же они пренебрежительно относятся к жанру «рецензия». Нашим авторам следовало знать, что не количеством написанных страниц определяется тот или иной жанр.

Все ли анализируемые произведения являются новинками, на которые следует спешить откликнуться? К сожалению, нет. Многие из упомянутых рецензий-«статей» написаны по поводу произведений, которые уже давно не «новинки»: на некоторые из них уже были и критические отклики. Это обстоятельство почему-то не заставило призадуматься наших авторов, о рецензиях которых мы ведем речь. Ориентируясь в своих критических выступлениях на произведения узкого круга писателей, наши молодые критики упускают из виду поток серой ремесленнической литературы. При «выборочном» рецензировании критик рано или поздно попадает под влияние писателя, становится «отражателем» его писательских амбиций.

Критик не должен преклонять колени ни перед писателем, ни перед читательской публикой.

Он обязан умело сочетать позитивный и негативный подход к литературным фактам. В таком только подходе в должной мере раскрывается и проявляет себя личностное начало, творческое «я» критика.

Крайне мало в журналах «Орга» и «Вайнах» материалов, которые бы свидетельствовали о том, что критики следят за литературным процессом в республике, заинтересованы уловить в этом процессе какие-то общие закономерности. За два года оба журнала опубликовали всего 5 статей, претендующих называться обзорными: «Орга» – 2, «Вайнах» – 3. Это такие статьи, как «Северный Кавказ: литература и действительность» (Р. Межиева. «Вайнах», №6, 2008) «Пусть мир остается ярким!» (Л. Довлеткиреева. «Вайнах», №6, 2008), «Уроки чеченского, или Работа над ошибками» (Л. Теракопян. «Вайнах», №10, 2008), «ТулгIене сатуьйсуш: литературех а, кхидолчух а...» (З. Алиева. «Орга» №1, 2009), «Нохчийн прозин керла лехамаш» (З. Алиева. «Орга», №12, 2009).

Необходимо сразу же отметить, что перечисленные здесь работы не в полной мере соответствуют требованиям жанра обзорной статьи: речь в них идет только об отдельных писателях и их произведениях. По содержанию этих статей читатель не может представить себе сколько-нибудь ясную картину того, что сегодня делается в чеченской литературе, в чем ее поиски и проблемы. У сегодняшней критики, чувствуется, нет желания ответственно взглянуть на действительное состояние литературы.

В чем же дело? Дело в том, что наши молодые критики зачастую подходят к текущей литературе тенденциозно. Особо это касается статей З. Алиевой. Основной пафос ее критических выступлений – неудержимое восхваление роли одних писателей (М. Ахмадов, М. Бексултанов) в развитии современной чеченской литературы и сведение на нет роли остальных.

В статье «ТулгIене сатуьйсуш: литературех а, кхидолчух а...» З. Алиева, несколько не смущаясь, провозглашает: «...Текхуьчу чьгуро шайн из санна лелор бу хIара яздархой: Ахмадов Муса, Абдулаев Леча, Бексултанов Муса, Бисултанов Апти. Церан кхолларалла цьхана денна, цьхана заманна яц, цкъа а дIадала йиш йоцург, гуттар ехар йолу теманаш, идеяш ю цаьрца. Уьш шайн заманан тешаш хилла ца Iа, цара шайн кхоллараллехь къоман изс карладокху. Иза цьха тIегIа ду вайн культурахь. Церан кхоллараллин лехамех масал а оьцуш, произведенеш йоьшуш, исбаьхьаллин гIирсаши толлуш, къаьхьга дезара яздан буйлалучара» (с. 69)

И еще. «Вай цIе яхначу болу яздархой «культовые» яздархой ала догIу, хIунда аьлча, цаьрца керланиг, керла эстетика, «цара зама карчийра», «культура» бохучу кхетаман шен маьIна юха а дерзош» (с. 68). Если верить З. Алиевой, пришла уже пора этим писателям «прозвенеть в бронзе...» Как после такого «заклочения» критика быть другим писателям? Комплиментарность, сознательное завышение литературных и прочих достоинств безразвратно, какими бы благими намерениями они ни прикрывались. В критике всегда надо боятся од здравствующим и работающим писателям. Сказать в превосходной степени о живом – большой риск для живого. Критика должна учить писателей помнить заповедное пушкинское «хвалу и клевету приемли равнодушно». Как известно, даже самые громкие имена писателей далеко не всегда несут только радость и удовлетворение. Умный читатель откликается даже на отрицательную книгу, а не на угодные похвалы и расшаркивания «рекомендователей». Все получается наоборот... Тем, кто пишет критические оды отдельным писателям, кажется, что они поднимают его авторитет и престиж. А нам кажется, что им очень должно быть неловко слышать о себе такое... «Пропев» дифирамбы «культовым» писателям и обещав им «творческое бессмертие», З. Алиева все же вспомнила, что существует и другая литература, «литература простых смертных...» О ней она выскажется так: «Прозехь а, поьзехь а «стилевое» клише го, цьхатера васташ, сурташ, синхаамаш а. Цьхана яздархоша цьхана хенахь караерзийначу исбаьхьаллин кепех пайда а оьцуш, шегара юька хIума а ца далаш, хабар дийцар бен, язйо цара шайн произведениш. Цьхьаь вукхунах къаьсташ йоцуш, тайп – тайпанчу авторийн произведенийн да цьхьаь волуш санна хетало. Ойланийн шоралла а, кIоргалла а, исбаьхьалла а яц, я керла цьха хIума а ца карадо» (с. 69). На анализе каких произведений З. Алиева делает эти выводы? А ведь критика должна быть предметной и адресной... За каждым суждением должны быть убедительные примеры.

Никто так не роняет достоинства критики, не дает основания судить о ней как о сфере обслуживания отдельных писателей, как тот, кто послушно изгибается в сторону обстоятельств.

Белинский при жизни Пушкина поставил Гоголя выше Пушкина, поставил на место, как бы оставленное Пушкиным, и был за это замечен Пушкиным, ценим Пушкиным. Случай в наших условиях невообразимый... Это и понятно: мы ведь не Белинские и не Пушкины.

Лицо любого литературно-художественного журнала, как известно, определяется прежде всего тем, насколько систематически и продуманно на его страницах печатаются проблемные и обзорные статьи, очерки творчества, литературные портреты, рецензии, материалы дискуссий и «круглых столов», эссе, мемуары, насколько оперативно журнал следит за литературным процессом, воспитанием молодых критиков и т.д. Если исходить из сказанного здесь, то к критике журналов «Орга» и «Вайнах» могут быть предъявлены определенные претензии. Прежде всего

журналам необходимо разнообразить формы литературно-критических выступлений, сделать их более действенными. Отсутствие должного разнообразия в критических выступлениях не только обедняет палитру наших журналов, но и не дает им возможности ставить и обсуждать принципиально важные проблемы литературного развития. Проблемы мастерства, художественной правды, конфликта, логики характеров – все эти проблемы ждут своего обсуждения в нашей критике. А между тем, сегодня на страницах журналов царит редкое спокойствие... Создается впечатление, что все важные проблемы уже решены, и по поводу отдельных произведений не возникает никаких споров и разногласий. Журналы делают вид, что не видят серой, бездарной литературы, ежедневно обрушивающейся на наших читателей.

Журналы из этой «массы» отбирают только то, что, по их мнению, «достойно разговора», при этом положительно-восхвалительную оценку получают произведения тех, кто оказывается «поближе» к редакциям журналов. Большая часть выходящих книг остается вне поля зрения журналов, и автор серых, примитивных произведений, благодаря такому положению, чувствует себя в полной безопасности. Следить за текущей литературой – святая обязанность художественного журнала. Ни один номер журнала не должен выходить в свет без какого-либо критического отклика на текущую литературу. Поочередно сотрудники журнала должны обеспечивать каждый выходящий номер рецензией.

Редакции журналов «Орга» и «Вайнах» должны продуманно вырабатывать стратегию и тактику своих выступлений, не должны идти на поводу у случайных авторов. Принципиальность критики в немалой степени зависит от принципиальности журналов, от их боевитости, последовательности в борьбе с художественным браком. Важно, чтобы каждое новое произведение обсуждалось с разных сторон, выявляя различные оценки. Журналы не должны удовлетворяться мнением одного автора о том или ином произведении. Соответствие проблематики рассматриваемого произведения духу и требованиям времени должно быть главным критерием оценки. Журналам необходимо серьезно подумать о работе с авторами публикаций. Имеет место, когда на страницах журнала «Вайнах» появляются материалы, слабые идейно и безграмотные по языку и стилю. В качестве примера можно привести такие публикации, как «Образ Ахмата-хаджи Кадырова в творчестве наших литераторов» (Мурад Нашхоев. Орга, №8, 2008, с. 59–60), «Язык свободного человека (О развитии чеченского литературного языка в прозе Мусы Бексултанова. Хамзат Домбаев. Вайнах, №7, 2009, с.10–13).

Мурад Нашхоев, понятно, преследовал благородную цель, вознамерившись проследить за тем, как в чеченской литературе трактуется образ Ахмата-хаджи Кадырова, первого чеченского президента... Вопрос в том, как он осуществляет свою цель... «Статья» Нашхоева написана очень примитивно. Чувствуется, что автор не владеет необходимой литературоведческой терминологией. Для подтверждения этой мысли приведем несколько предложений из «статьи». Автор рассуждает: «Художники Марат Пашаев и Дадан Идрисов написали (каждый по-своему) портреты Ахмата-хаджи Кадырова: у Марата наш лидер изображен в национальной форме, а у Дадана – по-светскому, но в папахе. У Марата он выглядит серьезным, хотя в глазах чувствуется тревога (?). У Дадана же он смеется, но в глазах этой веселости уже нет. Очевидно, художники пытаются раскрыть личность человека, ставшего лидером в наше бурное и кровавое время» (с. 59). Как же герой не может выглядеть «серьезным», если «в глазах чувствуется тревога»? Как понимать это: «У Дадана он смеется, но той веселости уже нет»?

И еще. «Поэт и художник Махаш Воздингов написал стихотворение «Эшна воцург», с которым я ознакомился, читая его рукописи. Оно – глубоко философское и историческое. Здесь нет штампов и стандартов, призывов и лозунгов» (с. 30) Как понимать то, что стихотворение – «историческое»? Почему в стихотворении должны быть «штампы и стандарты, призывы и лозунги»?

Возникает вопрос: читали ли в редакции «Вайнаха» эту статью до опубликования? Если читали, то как допустили ее к публикации... Ведь речь в статье идет о художественном образе реального, всемирно известного человека... Разве можно так примитивно трактовать образ этого человека? В таком же духе и таким же «языком» написана и статья Х. Домбаева. Подробно о ней речь шла выше, а сейчас можно добавить к сказанному следующее: статья «Язык свободного человека» (Зачем для «литературоведческой» статьи нужно такое образное название?) состоит из громких фраз, смысл которых очень трудно понять. В этой статье нет ничего «литературоведческого»... Хочется порекомендовать сотрудникам редакции, хотя бы сейчас, после публикации, внимательно прочитать эти работы.

Очень «оригинально» о «взаимоотношениях» между автором и героями художественного произведения рассуждает С. Такалашев в своей рецензии на роман А. Дадашева «Цакагбелларш» (Орга, №2, 2009). Вот послушайте: «Салтичо герз тохна шен нана йийча, шайлганца цунах бекхам оьцу кIанта. Цигахь гутаренна а Iилла вьусу Джабраил. Авторан ницкъ ца кхочу иза а, я меттахь Iуьлу цуьнан нана а талархойх кIелхьярякха» (с. 38) И еще. «Кирлелочу вагонаш кахь генарчу, хийрачу махка дIадуьгучу шен халкъана, цунах доглазар бен, цхьана а кепара аьтто бан йиш ца хуьлу авторан, атталла, шашь стенга дуьгу хайта а» (с.38)

Подобных примеров из рецензии С. Такалашева можно привести множество. Возникает вопрос: понимает ли автор рецензии специфику художественной литературы? Что можно вынести из статей С. Такалашева, Х. Домбаева и М. Нашхоева, чему они могут научить читателя?

С. Такалашев в самом начале своей рецензии пишет: «Роман, юьххьера – чекхьялац, критикана «кхача» ца бьтшуш, массо «хуттург» шен – шен меттахь йолуш, яздархочун профессионализм хат1 лакхарчу т1ег1анехь дьушуш» (с. 37). Очень трудно согласиться с этим восторженным утверждением рецензента... Содержание романа А. Дадашева – избитые истории, сцены, рассчитанные на чувствительного, неискушенного читателя. Не в таких «эпизодах» следовало описывать трагедию чеченского народа.

Отсутствуют в журналах «Орга» и «Вайнах» и такие формы критической работы, как дискуссия, «круглый стол», писательская критика и т.д. В 2008 г. журнал «Вайнах» провел «круглый стол», на котором обсуждалась проблема: «Женская поэзия: миф или реальность?». Дискуссия за этим «столом» получилась недостаточно удачной: на обсуждение выдвинута проблема, которая еще не созрела в чеченской литературе. Непонятно, какую поэзию участники «круглого стола» собирались обсуждать? Ведь в нашей республике можно назвать лишь дватри имени более или менее известных поэтесс... Какие выводы можно было бы сделать, говоря о поэзии этих двух-трех поэтесс? Дискуссия «Вайнаха» завершилась тем, что каждый из участников высказал свои собственные соображения, которые никак не соотносились, не соприкасались с высказываниями других. Разговор оборвался как бы на полуслове, не получил завершения в смысле выводов. Была серия монологов, но не было серьезной дискусионности. Дискуссии и «круглые столы» уместны и хороши в том случае, если в них затрагиваются серьезные и актуальные проблемы, выдвинутые самой художественной литературой, временем. Отсутствие настоящих дискуссий – один из серьезных недостатков журналов «Орга» и «Вайнах»: в критике и науке о литературе нет более надежного способа выяснения истины, чем дискуссия. Журналам следует обращать в первую очередь внимание на первостепенные проблемы, которые в той или иной мере могут повлиять на литературный процесс в республике. Редакция журналов предстоит еще многое делать для того, чтобы дискуссии, творческие обсуждения стали нормой литературной жизни. При том важен, разумеется, не спор ради спора, но полемика вокруг искусственно выделенных проблем, а обмен мнениями по важным вопросам литературного развития. Журналам следует воспитывать культуру спора у авторов и вместе с тем обогащать свой практический и организаторский опыт.

Как известно, теория литературы родилась и развивалась на основе художественной практики. Почему же наши журналы не привлекают писателей высказываться по поводу литературного творчества? Ведь писательская критика – это творческая самосознание мастеров прозы, поэзии. Поэты, прозаики, включившись в литературно-критический процесс, могли бы раскрыть тайны своей творческой лаборатории, поделиться своими мыслями о творчестве собратьев по перу.

И последнее, о работе журналов «Орга» и «Вайнах». В то время, как десятки авторов годами ждут критической оценки своих произведений, на страницах журналов зачастую рассматриваются произведения одних и тех же авторов, вновь и вновь говорится о произведениях, которые давно изданы и забыты читателем. Нельзя считать нормальным явление, когда критика хранит молчание о произведениях таких авторов, как К. Ибрагимов, С.-Х. Нунуев, Л. Яхьяев, Ш. Цуруев, С.-Х. Тагаев, Х. Борхаджиев, А. Исмаилов, А. Юсупов, С. Дакаев, У. Яричев и т.д. Практически вне критики остаются драматургические произведения, поэзия. Нет критических откликов на произведения начинающих.

Каждый журнал, как об этом сказано было выше, должен иметь свое лицо. В чем оно выражается? Лицо журнала прежде всего определяется его стратегией и тактикой, принципиальностью. У наших журналов должны быть и свои специфические задачи: журнал «Орга», думается, обязан всеми средствами прививать любовь к родной словесности. «Вайнах», издающийся на русском языке, должен учить читателя правильной и грамотной русской речи. Авторы, которые печатаются в этом журнале, должны уметь логически и грамматически правильно выражать свои мысли. Публикации «Вайнаха» в смысле грамматики и стиля должны быть безукоризненными. Думается, что пора покончить с практикой, когда материалы на чеченском языке публикуются в «Вайнахе», и наоборот. Если бы можно было так поступать, то не было бы необходимости издавать два журнала.

Обзор наш подходит к концу и, как всегда, в конце хотелось бы сказать что-то ободряющее, что-то веселящее... Но повода для этого, к сожалению, нет! Поэтому завершим наш разговор некоторыми выводами о состоянии литературной критики в журналах «Орга» и «Вайнах», которые, на наш взгляд, могут быть полезными критикам, писателям и читателям.

Критика – часть литературы. Это особый род творческой деятельности, предметом которой является художественная литература и творческая личность художника.

Критика, по определению В. Белинского, – движущаяся эстетика, наука, рожденная

искусством. Литературная критика напрямую зависит от состояния самой художественной литературы. Перед критикой стояла и стоит одна задача: четко и внятно говорить, что такое «хорошо» и что такое «плохо» в литературе и в жизни. Критика должна стремиться обратить внимание писателей к материалу и проблемам современности. Долг критика – глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса. Критика не должна ограничиваться рамками чисто художественного исследования, она должна анализировать также социологические, философские и психологические аспекты литературы. Критика призвана будить общественную мысль и оценивать сделанное литературой без помпезных приписок. Критика нужна тогда, когда она способна сказать читателю больше того, что прочитано им в книге. Критика двуадресна. Она расположена между двумя полюсами: писателем и читателем. То, что она дает писателю, должно быть интересно и полезно читателю и наоборот. Пишущий о литературе должен помнить, что его сочинение возьмет в руки не только специалист, но и простой читатель. Поэтому критическая работа должна быть доступной для понимания.

Подлинная критика дает произведению новую жизнь. Уловить ростки нового в жизни и литературе – святая обязанность критика. Критик не информатор и не комментатор; через свое личное отношение к произведению критик обязан выразить общественное мнение. Критик должен проявлять неуступчивость к идейному и художественному браку, служить авторитетным и доброжелательным советчиком писателя, стоять на страже читательских интересов.

В литературном процессе писатели и критики не антагонисты, а союзники; они по праву должны разделить как славу за достижения, так и ответственность за недостатки. Критик не может рассчитывать на писательские аплодисменты – отношение писателей к критике никогда не было восторженным. Критик не может быть ни «злым», ни «добрым», но он должен быть прежде всего объективным. Чуткость к таланту – в этом и талант критика, и его общественный долг. Критик должен понимать муки творчества, его тайны. Справедливая критика не столько наказывает, сколько ободряет, ждет от писателя добрых всходов.

Критик должен стоять на том же уровне, что и художник. «Быть в просвещении и с веком, и с художниками наравне» (В. Белинский). Критик – творец со своими взглядами на жизнь и литературу, со своими склонностями и интересами. Он также вынашивает свои замыслы, он также живет в художественной сфере, как и художник, который страдает, ищет, утверждает и отстаивает определенные общественные и эстетические идеалы. Обобщение и осмысление жизненного материала – одна из неотложных задач критики.

Критик должен быть таким же мастером слова, как и писатель. От стиля критика, от умения четко, ясно, привлекательно излагать свои мысли во многом зависит убедительность его выводов. Критик должен отказаться от общих фраз, чужих мнений, кокетства и заумной фразы. В критике не должно быть «зазывной броскости». Критика не должна быть комплиментарной и пустопорожней. Критическое суждение должно быть доказательным и адресным. Критика обслуживает всю литературу, а не узкий круг писателей. Критика должна бороться за чистоту писательских нравов, способствовать нормальному «климату» в писательской среде. Незаслуженное вознесение одних и принижение других писателей не способствует развитию полноценной литературы. Свообразие критики в том, насколько точно умеет критик анализировать литературное произведение, насколько глубоко формулирует и доказывает на языке критической прозы художественную мысль писателя. Критика не должна попадать в зависимость от журналов и писателей. Специфика критики – открытость, она не приемлет подтекста... Если мы говорим, что критика отстает, то следует это понимать так: отстает поэзия, отстает проза и т.д. Критика неотделима от художественной литературы. Критика должна выступать против тех, кто склонен трактовать возможность всех и всяческих тем в литературе, не учитывая, что независимость позиции художника от тематики его произведений относительна. Тематика художника должна быть тесно связана с ведущими тенденциями времени. Односторонне ратовать за «равноправие» всех тем означает на деле оправдывать узость тематического кругозора писателя, а узость взгляда, как известно, никому пользы не приносила. Критика должна внушать писателю, что необходимы поиски новой художественности, новой системы эстетики, вбирающей в себя новое мироощущение, новое миропредставление.

В нашем чеченском обществе пока что не принято знать и ценить критиков – не достигли такого уровня культуры. Иной раз смотришь, написал человек с десяток стихотворений или несколько рассказов (не будем говорить об их идейном или художественном уровне!), и он уже – писатель, поэт. Он уже украшает собой картинную галерею чеченской литературы. Он уже – талант, уже личность, а критик, который сделал немало для родной литературы, – никто. Когда речь заходит о достижениях художественной литературы, критик должен стоять рядом с писателем, на том же уровне, что и художник. Это понимание должно постоянно воспитываться и в читателе, и в тех, кто стоит у власти.

Что необходимо сделать для того, чтобы активизировать чеченскую литературную критику, сделать ее более действенной и нужной? Для того, чтобы улучшить положение в критике, на

наш взгляд, необходимо провести следующие мероприятия:

1. Создать при Союзе писателей секцию критиков.
2. При редакциях журналов и республиканских газет должны быть назначены лица, ответственные за подготовку и публикацию критических материалов.
3. Редакции журналов и газет должны привлекать к критической деятельности студентов и преподавателей филологических факультетов ЧГПИ и ЧГУ.
4. Желательно было бы ввести на выпускных курсах филологических факультетов ЧГУ и ЧГПИ спецдисциплины, на которых студенты могли бы приобрести элементарные навыки критической деятельности.
5. При Союзе писателей и редакциях журналов регулярно организовывать семинары для молодых критиков.

Решением вопросов, связанных с вышеперечисленными мероприятиями, полагаем, должен заниматься Союз писателей республики. Вопросами критики должны заниматься и Комитеты радио и телевидения. Экран должен представляться для популяризации прежде всего заслуживающих поддержки и массового распространения произведений. Нельзя позволять устраивать всевозможные «презентации» для заведомо слабых произведений, способных ввести в заблуждение зрителя-читателя. Необходимо сегодня многое сделать, чтобы критика не отставала от времени, была способна оперативно исследовать не только очередные литературные события, но и историко-литературный процесс в целом. Дальнейшая активизация критики, более глубокое ее «внедрение» во все стороны литературного процесса – такой видится одна из самых существенных задач критики. Эта задача может быть успешно решена только в том случае, если важность и необходимость критики будут понимать властные органы и все общество в целом. Немалое значение может иметь и поощрение, стимулирование труда критиков. Варианты стимулирования авторов могут быть самые различные: премии за лучшие работы, освещающие литературный процесс, творческие поездки в регионы России, привлечение к деятельному участию в работе печатных органов. Делать все это следует в прозрачных и открытых формах. Здесь не должно быть места для келейности. Воспитание критиков – общее дело Союза писателей, редакций журналов. Надо отметить, наши республиканские газеты не обходят молчанием юбилейные и праздничные даты, но редко ставят перед собой задачу активно вмешиваться в литературный процесс, планомерно воспитывать культуру читателя. Сегодняшняя наша действительность обеспечивает свободное раскрытие индивидуальности писателей, дает простор их поискам в области тем, жанров, стилей. Со стороны властей они имеют всестороннюю поддержку. Поэтому главной задачей писателей и критиков республики должно быть постижение важнейших социальных, нравственных и политических конфликтов сегодняшнего дня. В центре внимания писателей должны быть большие и добрые перемены, происходящие в республике под руководством Р.А. Кадырова. Глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров уделяет большое внимание нравственному воспитанию молодежи, образованию, борьбе с наркоманией и алкоголизмом. Эти проблемы должны находить свое отражение в произведениях литературы. Критика же должна нацеливать писателей на разработку этих проблем.

Новый этап духовного и социального развития нашей республики лишает литературу и критику права плестись пассивно вслед за быстротекущими событиями, оценивая свою деятельность по старым меркам. Нашей литературе сегодня нужны новые герои, новые темы, новые идеи. Они нужны литературе, а в жизни их хватает. Опыт исторического развития критики свидетельствует: значительных успехов она достигает тогда, когда чутко реагирует на пробуждение общественного сознания, в периоды поисков страной новых путей развития. Беспрецедентный расцвет литературной критики во второй половине 19 в. – ярчайшее тому подтверждение. Пробуждаясь в периоды общественного сознания, критика сама в свою очередь становится одним из важнейших его стимуляторов. Сказанное здесь имеет прямое отношение к тому, что сегодня происходит в нашей республике.

Чеченской литературе сегодня, как никогда прежде, нужна серьезная, научно аргументированная, взыскательная, честная критика, утверждающая идеалы чеченской послевоенной жизни.

Лидия Довлеткиреева

«Отцы» и «дети» современной чеченской литературной критики

Не презирай совета ничьего,
но прежде рассмотри его.

И. Крылов

Обнаружив в «редакторском портфеле» статью Гелани Индербаева со столь серьезным названием «Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы», я ожидала наконец-то ознакомиться с материалом, в котором был бы дан добротный анализ этого направления литературной жизни, дана объективная оценка, ведь ее автор не просто читатель, который высказывает свое мнение, он профессионально занимается вопросами литературы, имеет научное звание, преподает в вузе. Но... с первых же строк статьи пришла в некоторое недоумение. Индербаев сетует на разобщенность писателей, используя, на его взгляд, остроумное сравнение с детской площадкой, на то, что никто не занимается проблемами художников слова, и потому они малюют, как умеют. Такое ощущение, что он испытывает острую ностальгию по временам советской цензуры и идеологического заказа, когда писателями действительно «занимались», и потому придворные пииты получали звания, привилегии и дачи, а неугодные отправлялись в Соловки.

Далее уважаемый критик делает следующее заявление: «Наряду с подлинными художественными ценностями, в нашей литературе существуют и ценности мнимые», – и объясняет это «размытыми критериями» и «отсутствием настоящей литературной критики». Проблема критериев не является исключительной проблемой чеченского литературного процесса. Это общемировая тенденция. И, когда искусствовед берет на себя задачу оценить то или иное произведение, он, как правило, руководствуется не одним критерием, а многими. Чтобы не ошибиться в вопросе о том, состоялось или нет произведение искусства, оно рассматривается с разных позиций, скрупулезно и дотошно. Традиционными координатами являются эстетические: прекрасное – безобразное, идеальное – не соответствующее идеалу, выразительное – невыразительное; гносеологические: понятное – непонятное, аутентичное – ложное, одномерное – амбивалентное, разумное – неразумное; морально-этические: нравственное – безнравственное, хорошее – дурное, нормальное – ненормальное, сакрализованное – деструктивное. XX в. выдвинул еще один мощный критерий: инновационное – стандартное. Существует и масса других категорий, с помощью которых вырабатывается отношение к созданному. И лишь в последнюю очередь, рассмотрев объект под всеми углами зрения, критик может позволить себе стать рядовым читателем (зрителем) и применить эмоционально-оценочную оппозицию: интересное – неинтересное, нравится – не нравится, воспринимаю – не воспринимаю и т.д. Думается, что Г. Индербаев ориентируется исключительно на этот субъективный критерий оценки. Все, что нарушает привычные для него представления о литературе, все, что выходит за грани традиционного реализма, скорее даже соцреализма, отвергается автором как нечто не заслуживающее внимания читателя, ложное. По этому принципу Джойс, Камю, Пруст, все модернисты и экзистенциалисты воспринимаются им однозначно – как «незначительные явления» в западной литературе. И что удивительно, автор не ощущает грани между своей позицией и утвердившимися в мировом литературоведении взглядами. Однако человеку мало-мальски знакомому с историей философской мысли и искусства очевидна ущербность такого посыла. Ведь это не просто наиболее известные прозаики XX в., но и имена, с чьим творчеством связан новый этап развития литературы, искусства в целом, философии, психоанализа, культурологии. Они могут нравиться или не нравиться, но их общемировая значимость – аксиома.

Все, что ломает сложившиеся стереотипы, вызывает раздражение критика. И потому М. Ахмадов, М. Бексултанов, впервые в чеченской литературе на базе чеченского языка применившие такие приемы и методы, как: «поток сознания», углубленный психологизм, «магический реализм» с использованием фантастических, пародий, комических приемов, мифологических и символических слоев смыслов, не

вписываются в прозрачную парадигму Г. Индербаева, в которой главное – идейность и простота, равная примитивизму. Выход за рамки возмущает, не укладывается в сознание этого критика и воспринимается как нечто пагубное, не соответствующее запросам действительности, под которыми на самом деле подразумеваются его личные предпочтения в искусстве. Такой закостенелый подход не приведет к развитию, к движению вперед. «Читатель не созрел», «чеченская литература находится на стадии становления», короче – долей эксперименты! По сути, критик предлагает художникам топтаться на месте, творческие изыскания в его представлении – это профанация, результаты такого поиска – «мнимые» достижения и т.д.

А между тем в литературоведении конца XX – начала XXI вв. утвердилась позиция, которую можно выразить словами Л. Теракопьяна: «Плодотворный художественный поиск возможен в самых разных эстетических направлениях. И в рамках строго реалистической школы, и в традициях модернистской или постмодернистской эстетики, и с креном в мифологию, фэнтези... да и часто эти разграничения условны, переплетаются и взаимодействуют в рамках писательского замысла...»

Недоумение в данном случае вызывает не столько консервативность взглядов Г. Индербаева, сколько подмена понятий, которую он осуществляет, навязывая свой литературный вкус читателю и выдавая его за профессиональную критическую оценку.

Критик предпочитает строгий «реализм» годов эдак 70-х и взывает к этому писателей. Он диктует не только стиль и приемы, но и темы, хочет, чтобы литература превратилась в агиткампанию против алкоголизма, наркомании и другого зла. Представления о «реальном мире» ограничиваются исключительно социальными проблемами, в которые он пламенно призывает писателей «вторгнуться». К тому же и наркомания, и алкоголизм, и рост преступности – это следствие, причина кроется в духовном опустошении общества. Между тем, когда писатель М. Бексултанов в своей повести «Далекие берега реки жизни» ненавязчиво раскрывает красоту и ценность традиционных морально-нравственных установок нации, а я как критик отмечаю важность таких произведений для духовной санации общественного климата, и писатель, и критик подвергаются со стороны Г. Индербаева необоснованным нападкам.

Кто есть кто

На критику Г. Индербаев возлагает ответственность за все несовершенство современной чеченской литературы. Это очень упрощенный взгляд на художественную словесность, которая находится в прямой зависимости от всех процессов, происходящих в социуме: исторических, политических, экономических...

Что ж, попробуем встать на позицию автора. Итак, виновата критика. Но это очень общее заключение, требующее конкретизации. Автор называет имена «ответственных». И, как выясняется, не очень ориентируется в том, кто есть кто. Например, известный литературовед, к.ф.н., имеющий за плечами многочисленные публикации, монографии по западной, русской и чеченской литературе, вышедшие с конца 60-х гг. XX в., Р. Эсенбаева причисляется к «новым именам». В лагере «молодых» оказывается и Х. Бурчаев, работающий в этом направлении где-то с 80-х гг. В «критиках» неожиданно увидит себя и Р. Межиева, пишущая об искусстве в том числе, но лишь в информационных жанрах журналистики: заметках, интервью, отчетных статьях о мероприятиях. Ее единственная обзорная статья в рассматриваемый период 2008–2009 гг. не входит. Мое выступление на семинаре молодых писателей («Пусть мир остается ярким!»), посвященное своеобразию поликультурного мирового пространства и альтерглобализму, где ни одно произведение литературы даже не упоминается, почему-то причисляется к критическому обзору, видимо, здесь действует принцип: раз пишет исследователь литературы, значит, это критика, а с содержанием ознакомиться недосуг. Подобную «невнимательность» автор проявляет неоднократно. Так, тема «круглого стола», проведенного в редакции «Вайнаха», обозначается им как «Женская поэзия...», в то время, как речь идет о «женской литературе» в целом...

Дальше – больше. Теперь Г. Индербаев забывает, что поставил в помпезном названии статьи цель – выявить проблемы современной критики в целом, и переключается на «критику» «молодых» критиков. То ли «состоявшихся» хулить не по плечу, то ли не с руки, гораздо легче повесить всех собак на тех, кто лишь набирает обороты, они более уязвимы и в силу чеченской ментальности: старшему позволено сказать многое в воспитательных, так сказать, целях, а младший смиренно молчи. Однако, исходя из мусульманских представлений о том, что все души созданы в один день, попробую возразить. Получается, это именно «молодые» – причина всех бед. Во-первых, не

о тех пишут, о ком хотелось бы автору. Свобода творчества, которая в том числе предполагает свободу выбора объекта, отменяется напрочь. Во-вторых, тенденциозны, невежественны, не могут отличить проблемную статью от рецензии, безнравственны... А между тем «молодые» (а именно я и З. Алиева, на статьях которых акцентирует свое основное внимание Г. Индербаев) – только часть литературной критики, может ли на нас быть возложена «вина» за все, что происходит в современной литературе? Постановка вопроса – сама по себе забавна и способна зародить в «неокрепшей» психике «молодых» повышенное «чувство собственной важности».

Критика или критиканство?

Из статьи «Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы» вытекает, что «ругательная» публикация – это и есть литературная критика, а «хвалебная» – это уже не критика, а неизвестно что. Т.е., когда, разбирая комедию Грибоедова, Белинский стремился показать тенденциозность ее, отсутствие цельности, а, следовательно, и нехудожественность, ибо «художественное произведение есть само по себе цель и вне себя не имеет цели», а Грибоедов «ясно имел внешнюю цель – осмеять современное общество, которое всегда правее и выше частного человека», – это была критика. А когда Белинский через несколько месяцев заговорил в совершенно ином тоне о «Горе от ума», называя комедию «благороднейшим созданием гениальнейшего человека», и привел массу литературоведческих аргументов в подтверждение этой кардинальной перемены в своих взглядах, – это уже не критика. Хотя в первом случае В. Белинский заблуждался, а оправданность второго взгляда прошла проверку временем. Восторженные разборы Белинским произведений Пушкина, Гоголя, Лермонтова – не литературная критика? А ведь эту особенность отмечал и Достоевский в «Дневнике писателя»: «Белинский был по преимуществу не рефлексивная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда, во всю его жизнь». Литературная критика – это не брань, а суждение. У моего уважаемого оппонента Г. Индербаева одностороннее представление о ней.

Провести критический анализ (отрицательный или положительный) – значит рассуждать о произведении, анализировать, пытаться понять его смысл, приводить его в связь с другими явлениями и т.д., словом, совершать некоторое обследование предмета. С другой стороны – сделать окончательный квалифицирующий вывод об объекте, т.е. либо осудить его, отвергнуть, либо оправдать, признать положительным, причем этот суд может быть и не столь категоричным, т.е. одни элементы судимого объекта могут быть признаны положительными, а другие – отрицательными. Всякая критика действительно включает в себя, если она хочет быть основательной, своего рода следствие, т.е. подробное рассмотрение предмета, а также и приговор о нем – оправдательный или обвинительный. Юридический лексикон видится здесь уместным, поскольку само слово «критика» переводится с латинского языка как «суждение, вынесение приговора». Другое дело, что в современной литературной критике очень мало профессионалов, способных осуществить этот анализ, не нарушая единства формы и содержания художественного произведения. Кроме того, современная литературная критика весьма несмела. Это не камень в чей-то огород. Просто отделять зерна от плевел, выступать в качестве своеобразного санитаря литературного леса мало кто берется. Не знаю, по каким причинам эту миссию не желают осуществить остальные, тот же Индербаев, например. Но могу сказать о себе: произведения, которые я анализирую, как правило, сильны с точки зрения художественной: слабые, графоманские тексты не несут в себе аналитического потенциала, в них нечего исследовать. Поскольку я философ и эстет во взглядах на искусство, мне нужно, чтобы в объекте присутствовал и смысл, и образ. И когда содержание диктует форму, а форма определяет содержание, я берусь об этом рассуждать. Поэтому (не побоюсь быть в данном случае нескромной) и статья, выносящая «обвинительный приговор» роману В. Маканина «Асан», и положительная рецензия на повесть М. Бексултанова «Далекие берега реки жизни», с моей точки зрения, есть качественные литературно-критические публикации. Употребила слово «качественные» в тон своему противнику в споре, который оперирует понятиями «качество» и «количество», основополагающими в марксистско-ленинском учении, и альтернативные выкладки могут показаться ему «псевдонаучными». В общем, я сторонница именно литературной критики (взвешенного, разумного анализа), а не критиканства (придирчивой пустоты). Каждый сам выбирает приоритеты.

Ликвидация пробелов

Что первично – содержание или форма? курица или яйцо?

Г. Индербаев, в общем подчеркивая достоинства критических работ Х. Бурчаева, слегка журит последнего за то, что он «ограничивается только выявлением идейно-общественных аспектов произведения». В то же время яростно обличает З. Алиеву в чрезмерной увлеченности анализом формы художественного произведения. На самом деле, такое представление о «плюсах» и «минусах» данных исследователей выявляет узость профессионального взгляда самого критика. Значит, содержание без формы рассматривать не столь грешно, как форму, доминирующую над содержанием, т.е. предпочтение отдается все-таки содержанию. Но литературоведческая максима гласит: содержание может существовать только в материи, в форме. Всякое изменение формы есть одновременно изменение содержания, и наоборот.

Г. Индербаев открыто говорит о том, что анализ поэтики, то есть художественной ткани, приемов – это «ненужный материал», именно им, на его взгляд, перегружена статья «Чего хочет Асан?». Любопытно, как же доказать художественную несостоятельность созданного автором романного мира, не проанализировав те кирпичи, с помощью которых этот мир построен? Философский, мировоззренческий аспект текста невозможно воссоздать без привлечения целого ряда поэтологических категорий. «Роман В. Маканина – очередная клевета на чеченский народ, и он не заслуживал такого «большого разговора», – считает критик. После этих слов у меня создалось впечатление, что Г. Индербаев мало представляет себе, что значит имя В. Маканина в современной российской литературе, не знаком с романом, за который писатель получил главную литературную премию страны и о котором идет речь в статье, и тем более с бурной дискуссией, развернувшейся среди российских критиков и читателей по поводу этого произведения. Промолчать со стороны чеченцев означало бы в очередной раз согласиться с античеченскими настроениями, царящими в обществе. Тем более опасными, когда они исходят не от обывателя или представителя масскульта, а от человека, признанного «живым классиком русской литературы», чуть ли не «совестью нации», чьи воззрения имеют вес не только в России. Я горжусь тем, что, написав статью об «Асане», не оставляющую камня на камне от ложной концепции автора, исполнила даже не столько долг литературного критика, сколько гражданский долг. Тщательный, аргументированный анализ был просто необходим, чтобы не быть голословной. Многие предпочли бы, чтобы этой статье не было (поклонники таланта В. Маканина или шовинистически настроенные элементы), но она есть. Кстати, и сам Владимир Семенович в личной беседе на форуме молодых литераторов в Москве, где он присутствовал как Мастер слова, обиженно сказал мне, что это очень «неудобная» для него статья ...

«Чего хочет Асан?» – критическая статья или рецензия?

Работа «Чего хочет Асан?» была признана одной из лучших аналитических статей II Совещания молодых литераторов Северного Кавказа в Майкопе и IX Форума молодых писателей и критиков России, стран СНГ и дальнего зарубежья в Москве и вошла в сборник «Новые имена» (издательство «ПРОЗа и К», г. Москва, 2010 г). Так что эта статья, как и статьи А. Бабченко, А. Латыниной, разоблачающие маканинский миф о чеченцах и войне, надеюсь, поможет читателям понять искаженность представленных В. Маканиным идейных и художественных установок. Предваряя публикацию, 1-й зам. главного редактора журнала «Континент», доктор филологических наук, литературовед Е. Ермолин в том числе пишет: «Статья Довлеткиреевой о «кавказском» романе Маканина – это взгляд с Кавказа и голос Кавказа, автор берет на себя общественную миссию, но при этом исходит и из личных убеждений, ориентированных на великую традицию гуманизма. Получилось разом и бесспорно, и спорно. Такой, наверное, и должна быть настоящая литературная критика».

Назвав более трех раз «Чего хочет Асан?» статьей, Гелани Индербаев, как бы спохватившись, вдруг начинает доказывать, что это рецензия. Ведущие литературные критики страны Лев Аннинский, Леонид Теракопян (журнал «Дружба народов»), Наталья Иванова (журнал «Знамя»), Евгений Ермолин (журнал «Континент»), Игорь Шайтанов («Вопросы литературы») определили жанр именно как литературно-критическая статья. Наверное, они кое-что смыслят в принципах жанрообразования. Для меня этот вопрос тоже не стоит: это, безусловно, критическая статья, а не рецензия, потому что в ней четко поставлена проблема соотношения и взаимодействия категорий

«правда» и «вымысел» в пространстве художественного произведения, которая решается на примере романа «Асан».

И дольше века длится день...

«Может ли один человек «вобрать в себя весь нравственно-этический опыт народа, который накапливался в течение веков?» – упрекает меня Г. Индербаев, подчеркивая, что герой М. Бексултанова из повести «Далекие берега реки жизни» просто не в состоянии аккумулировать такой опыт физически. На мой взгляд, очень странный вопрос. Предполагалось, что он будет риторическим, но я все же отвечаю. Без сомнения, может. Как герой чеченских иллы Ади Сурхо, например, или Василий Теркин – герой, вобравший в себя энергию народной борьбы с фашизмом, истоки героизма людей самых различных поколений. Или буранный Едигей из романа «И дольше века длится день», проживший безвыездно сорок лет на полустанке, фронтовик, настоящий труженик. Как писал сам Айтматов, «он один из тех, на которых, как говорится, земля держится... Он сын своего времени». «Разум человека – это сгусток вечности, вобравший в себя тысячелетия истории и эволюции, наше прошлое, настоящее и конструкторию грядущего... Мы есть то, что мы помним и ждем». Поэтому по-особенному звучит название романа – строка из стихотворения Б. Пастернака «Единственные дни». Таких примеров и из чеченской, и из мировой литературы можно было бы привести немало. Да что говорить о литературе с ее принципом типизации, который позволяет значительно расширить сознание персонажа, вместив в него различные временные и пространственные пласты? И данные психологии подтверждают существование «коллективного бессознательного», вобравшего в себя опыт прежних поколений, опыт, с которым человек рождается и существует, даже ничего не ведая о нем, опыт этот предстает в виде символики и архетипов как универсальный язык, шифр и код всей истории человеческой культуры. Ах, да! Карл Юнг, очевидно, для Г. Индербаева тоже не авторитет. Кстати, и в жизни такие образцы высокого человеческого духа, вместившие нравственно-этический опыт всех предшествующих поколений, встречаются. Таким, к примеру, был мой дедушка Мохьмад. Его черты я тоже увидела в герое М. Бексултанова – отце рассказчика. Наверняка, многие читатели узнали своих мудрых стариков в этом образе. И он сам своим примером, и чеченские удалцы, о которых рассказывает детям, и постулаты, на которых основывает воспитание сыновей, очищают душу от скверны, способствуют нравственному возмужанию читателя. Это не открытие М. Бексултанова, это старые и прописные истины, позабытые в век хищнического прогресса, меркантильности и индивидуализма. И то, что писатель в художественной форме неспешно возвращает нас к их постижению, – его безусловная заслуга. А «оболочка» соответствует поставленной задаче: эссеистический стиль свободен, несуетлив, сдержан, полон достоинства, как и герой, переживший выселение, военную бурю, но сохранивший нравственный стержень предков и не только сохранивший, но и прививающий его подрастающим поколениям, дабы не прервалась связь времен. Избранная писателем форма не только способствует максимальному решению поставленных художником целей, но и в читателе пробуждает желание размышлять о преходящем и вечном, успокоиться, остановиться на несколько драгоценных минут, чтобы задуматься о своем предназначении в этом мире, о том, что вообще происходит вокруг. Отсюда и мои пространные вводные суждения о войнах, Армагеддоне... Ведь повесть посвящена военным событиям в Чечне – разве это не апокалипсис в миниатюре? Отчего же Г. Индербаев мысли о конце света и о том, что придает устойчивость земному шару вера и глубокая нравственная чистота, в национальной оси координат чеченцев заключенная в константы «яхь» (соревновательность в достойных делах), «иман» (религиозность), «собар» (терпимость), «кьонахалла» (мужественность) и другие, подвергает осмеянию? Синергетический подход, основанный на привлечении данных смежных наук, не укладывается в устаревшей модели литературоведческого анализа, к которой привык мой коллега. Но без философии, национальной психологии, культурологии невозможно осмыслить это бексултановское произведение. Поэтому я и рассматриваю повесть с точки зрения этнологии. Напомню, чтобы не быть заподозренной в чрезмерной зауми, что этнология – это научное направление в рамках литературоведения, нацеленное на решение комплекса проблем по определению и описанию национального образа мира в совокупности всех его структурных элементов. «В оркестре человечества каждый народ, как инструмент, ценен независимостью своего ума – умения: гобот дорог скрипке тем, что он умеет то, чего она не умеет. Так что не унификация, а уникальность – вот верный курс», – пишет Г. Гачев, отстаивающий идею единства в разнообразии самоценных составных частей глобальной культуры. Повесть М. Бексултанова как раз

о том, что делает чеченский народ уникальным, какой сеткой координат данный этнос измеряет мир, почему он остался самим собой, несмотря на исторические потрясения, что сохраняет его статичность, несмотря на стремительные ассимиляционные процессы, глобализацию, стирающие различия между нациями.

Некоторые тезисы Г. Индербаева и вопросы, адресованные в никуда, как бы риторические, не требующие ответа, т.к. однозначные для него, вызывают не только удивление, но и убежденность в некоторой профессиональной ограниченности литературоведа. Совершенно неожиданным для меня прозвучало следующее «меткое» замечание в мой адрес и соответственно в адрес писателя. Отметив относительную бессюжетность бексултановской повести «Далекие берега...», я выделила в структуре произведения две тематические части: воспоминания об отце, его жизни и методах традиционного чеченского воспитания, им используемых, и современная война, которая стала своеобразной проверкой на прочность и незыблемость внушенных стариком ценностей. Кажется, логика такого деления вполне понятна, только не для Г. Индербаева, он задает серию более чем «своеобразных» вопросов: «Может ли быть композиция без сюжета?» Отвечаю, уважаемый коллега, конечно, может. И тому множество подтверждений. Хрестоматийный пример – «Антоновские яблоки» И. Бунина, некоторые рассказы А. Чехова... И далее: «Автором эссе должен быть реальный человек... Может ли рассказчик из повести «Далекие берега реки жизни, выступающий как художественный персонаж, быть автором эссе?» И сам же безапелляционно отвечает: «Не может». Что ж, придется еще раз разочаровать: вполне может. Более того, это одна из особенностей современной словесности, когда автор практически растворяется в своем герое, отождествляется с ним. Такая манера письма получила в российской критике название «новой исповедальности», «новой искренности». И автором культурологической, этнопсихологической повести «Далекие берега реки жизни», выдержанной в эссеистическом стиле, является не НЛЮ, а конкретный человек, а именно – Муса Бексултанов.

Микро- и макромир

Повесть М. Ахмадова «Косари» воспринимается литературным критиком Г. Индербаевым как исторические хроники, он проводит прямые аналогии с литсредой, ищет прототипы героев и даже называет их (причем среди них оказываются представители 70-х). Ошибка критического подхода в данном случае заключается в том, что ко всем произведениям этот автор применяет единственно возможный для него критерий подлинности: «правдивость, типичность, идейность», но данные категории работают только в отношении реалистических или публицистических произведений. Критик относит «Косарей» к «деревенской прозе». Но тема повести – не жизнь чеченской глубинки, а отсутствие согласия в среде чеченской интеллигенции 90-х, что привело к национальной трагедии. Возможно ли буквальное восприятие художественного текста, прямое соотношение его с жизнью? На мой взгляд, такая точка отсчета значительно искажает вектор осмысления текста читателем. На самом деле литературная критика призвана стать неким мостиком между сложным художественным миром автора и просвещенным читателем. Все-таки, любой художественный мир, даже реалистический, – это некая искусственная конструкция, живущая по законам науки о литературе, с одной стороны, и законам движения авторской мысли, с другой. Это микромодель мира, но не весь мир, это «целостный, замкнутый в себе мир» (В. Белинский). И художник всегда волен в своих интерпретациях этого мира. Даже персонажи, у которых есть реальные исторические прототипы, весьма далеки от оригиналов. Наполеон у Л. Толстого в «Войне и мире» – это не тот Наполеон, которым восхищается Франция. Писатель домысливает прототип, как это делал А. Толстой в «Петре I», и передает свое понимание жизненных характеров. Художественный мир вбирает в себя и первичную, и вымышленную реальность, одновременно и противопоставляя, и сопоставляя их. Все сказанное, впрочем, не имеет отношения к повести «Косари», в которой основным творческим методом является не типизация, а аллегория, иносказание, ведь через конкретное явление – чеченскую интеллигенцию 90-х – автор воплощает абстрактное понятие – отсутствие согласия в обществе как предпосылка политических катаклизмов. В качестве прототипов героев повести Индербаев почему-то называет писателей, художников и композиторов 30–40-х гг. рождения, в том числе и М. Дикаева, ушедшего в мир иной в 1979 г. Хотя читателям повести совершенно очевидно, что подразумеваются ахмадовские ровесники, которым в 90-е было по 30–40 лет, как персонажам этой притчи, а не старшее поколение. Критик в который раз противоречит себе: в одном абзаце он категорично заявляет, что «к 90-м

гг. ... наша интеллигенция еще не сформировалась», а в следующем яростно доказывает, что «чеченская интеллигенция 90-х гг. старалась сделать все, чтобы не произошли те трагические события...»

«Нет характеров, а есть только роли», – продолжает Г. Индербаев, характеризуя «Косарей». Это действительно так, но данное обстоятельство не «минус» и не «плюс» этой повести, а лишь требование творческого метода и жанра, ведь многоплановые характеры в притчевом повествовании априори не предполагаются. Критик выступает в роли адвокатов ахмадовских героев Камаева или Ягаева, воспринимая их как соседей по коммунальной квартире. Но они всего лишь героини-функции, актеры авторского действия, чьи роли заранее прописаны, как роли балаганных скоморохов.

Да, маленькая поправка, «деревенская проза» (повторюсь, к ней вышеназванное произведение не имеет никакого отношения) вовсе не «списанная» тема, как считает Г. Индербаев. Действительно, она зазвучала именно в 70–80-е гг. прошлого века. Но в «нулевые» она очень убедительно проявила себя в прозе таких авторов, как Роман Сенчин, Ирина Мамаева. Беспросветный роман «Елтышевы» Р. Сенчина о деградации русской деревни стал самым обсуждаемым в среде профессиональных литераторов и обычных читателей в 2009 г., вошел в шорт-листы самых престижных литературных премий страны. И именно эта тема стала поводом для того, чтобы в российской критике жарко заговорили о «новой социальности», «новом реализме» в современной литературе.

Дважды два равно пять

Наивным показались мне и соотношение объема критической публикации с объемом анализируемого текста. Г. Индербаев, склонный к математической пропорциональности, язвительно поддевает З. Алиеву за то, что рецензия на рассказ в одну страницу занимает у нее две с половиной страницы. Т.е., на его взгляд, уравнение составлено неверно. Значит, если объектом критика является трехстишие, то желательно ответить критическим терцетом, если четырехстишие – строгим катреном, если рассказ в одну страницу, то и рецензия – в одну страницу, а больше – ни-ни. И это притом, что в истории литературоведения немало примеров, когда одно стихотворение могло стать предметом «ледового побоища» целой армии критиков. Да что там стихотворение или рассказ? Совсем свежий пример: недавно вышедший роман Владимира Блинова легко можно процитировать полностью. «Не надо! Я сама!» – вот и весь текст этого произведения. О том, что это именно роман, в среде критиков споров нет. Для большинства из них это очевидный факт, т.к. текст (в данном случае состоящий из одной фразы) есть «эпос частной жизни», как определял этот жанр М. Бахтин. Споры разгорелись вокруг того, что это за роман – любовный, детективный, комедийный, трагедийный, психологический или философский, какие смыслы и интонации заложены в него автором... Одна фраза породила столько интерпретаций, что хватило бы на десятки произведений самых разных писателей. Так что смешно думать, что объем анализируемого произведения определяет количество откликов или размер отдельной статьи...

Когда созреет яблоко?

Замечания Г. Индербаева сводятся также к тому, что литература не созрела для инноваций, а значит, ставить эксперименты рановато, культурный уровень читателя тоже оставляет желать лучшего, поэтому писателям-новаторам нечего бежать впереди паровоза, как, впрочем, и критикам. Так, «проблемы, затронутые в статьях Л. Довлеткиреевой и Х. Юсуповой, не отвечают сегодняшнему культурному состоянию читателя», – считает он. И содержание этих статей «может быть доступно и интересно только узкому кругу специалистов-филологов». Дело в том, что ни мне, ни Х. Юсуповой, ни С. Инаркаевой, ни другим авторам, работающим в направлении научной критики, вовсе необязательно ждать, когда созреет плод, и ориентироваться на среднестатистического читателя. Есть два вида критики – академическая и художественная. Приметы научного стиля – сухость и объективность, строгий терминологический аппарат, которым, естественно, владеют не все, а только специалисты. Кому интересна такая критика? Писателю, т.к. творчество – это не только талант, но и мастерство, и лишь специалист в данной области способен показать, как это мастерство реализуется в тексте, куда двигаться писателю – не только автору исследуемого текста, но творцу вообще. Такая критика необходима и литературоведу, искусствоведу, т.е. профессионалам, чтобы развивать эти сферы знаний. Было бы странно, если бы мы потребовали от физика или биолога отказаться в своем научном труде от профессиональной лексики только

на том основании, что она относится к разряду ограниченной в употреблении. Почему домохозяйка должна разбираться в нюансах теории относительности Эйнштейна? Литературоведение – это такая же научная дисциплина, а вовсе не литературный «фаст-фуд». И, как любая отрасль науки, функциональная критика доступна только кругу «посвященных». Другое дело, критика художественная – легкая, метафоричная, она сама часть литературы. Такая критика ориентирована на самого широкого читателя, любителя литературы.

Кстати, в цитате, которая, по мысли Индербаева, должна наглядно проиллюстрировать сложность и псевдонаучность моего стиля, нет ни одного литературоведческого термина. «Пассионарный, универсум и бытие» – это общеполитические понятия, а философия, как известно, мать всех наук. Если эти слова по каким-то причинам недоступны читателю, следует ли мне от них отказаться? Конечно, нет. Задача критика не состоит в том, чтобы подстраиваться под культурный уровень читателя. Одна из задач – расширить читательский кругозор. Любопытный читатель откроет словарь, потом, возможно, захочет прочитать (перечитать, вспомнить) Н. Гумилева или В. Соловьева. А нелюбопытный вряд ли вообще будет знакомиться с материалом в рубрике «Критика и литературоведение».

Мы, Его Величество, своим указом...

Критик упрекает молодых авторов в том, что они сконцентрировали свой взор на отдельных прозаиках и упорно не хотят замечать других. Дается даже перечень обойденных вниманием критики имен: К. Ибрагимов, С.-Х. Нунуев, С.-Х. Тагаев и другие. В этом видится чуть ли не заговор, а также зависимость молодых критиков «по долгу службы» от некоторых прозаиков. Что касается меня, то в своих исследованиях я обратилась к авторам разных культур, возрастов и степеней дарования: из наших современников это и М. Ахмадов, и М. Бексултанов, и Э. Минкайлов, и А. Денисултанов, и молодые чеченские литераторы А. Шатаев, М. Хасаева, С. Мусаев, и русские авторы З. Прилепин, А. Карасев, В. Дорофеев, В. Маканин, и даже латиноамериканские писатели. Хотелось бы напомнить, что ни один критик не может охватить всю широту литпроцесса. И почему же сам Г. Индербаев не опубликовал за рассматриваемый им период 2008–2009 гг. ни одной статьи, посвященной творчеству писателей, за которых он так ратует, вместо того, чтобы настоятельно рекомендовать это занятие другим? Кажется, здесь применимы слова, приписываемые народной молвой недобросовестному мулле: «Делай не то, что я делаю, а то, что я говорю». Намек же на «служебную зависимость» показался мне более чем некорректным. Что касается меня, то я абсолютно свободна в своих литературных взглядах и без обиняков высказываю их, даже если они противоречат мнению тех же М. Ахмадова, Ш. Цуруева, Г. Индербаева... Причем по самым принципиальным вопросам. Например, мое отношение к национальной литературе, развивающейся в двух языковых традициях – чеченской и русской, в корне не совпадает с позицией М. Ахмадова, который полагает, что язык является определяющим фактором в принадлежности текста к той или иной литературе. Не совпадают наши взгляды и по проблемам так называемой «женской литературы». Читатель, внимательно следящий за дискуссиями в журнале «Вайнах», наверняка, помнит наши полемичные высказывания. Однако такое разное восприятие происходящего в литературе не мешает нам, как цивилизованным людям, уважающим чужую позицию, совместно трудиться в журнале и вести грамотный, конструктивный диалог, в котором обе стороны видят не конфронтацию, а идейное обогащение. Как говорил Б. Шоу, если у каждого из вас по яблоку, и вы обменяетесь ими, у обоих будет по одному яблоку. Но если у вас одна идея, а у кого-то – другая, и вы обменяетесь ими, то у каждого окажется по две идеи.

Зарина Алиева – молодой талантливый критик, отличающийся от пресной критической массы и любовью к живому чеченскому слову, и литературной смелостью, наиболее «пострадала» от «критики» Г. Индербаева. Основная претензия к З. Алиевой – она пишет о творчестве М. Бексултанова, чуть меньше – М. Ахмадова, горячо, по-максималистски пропагандирует их произведения широким слоям читателей. Да, выбор З. Алиевой основан на личных пристрастиях. Выбор, но не анализ. Вот если бы восторженный отзыв не подкреплялся аналитическим аргументом, тогда можно было бы сказать о неуместной комплиментарности, необедительности экспрессивного окраса. В литературоведении множество примеров частной специализации, так называемые пушкинисты, булгаковеды, толстовцы... К тому же предметом разбора, осуществляемого З. Алиевой, является художественный текст, а не личные отношения с теми, кто эти тексты создает. И не вина молодого критика в том, что ее литературные

предпочтения не совпадают с литературным вкусом Г. Индербаева. Что она является апологетом прогресса в литературе, выражающегося в том числе в одобрении поиска художником новых средств выражения, а Г. Индербаев с опаской относится ко всему новому и является ревностным приверженцем устоявшихся методов. И что немаловажно, сама З. Алиева вовсе не является мишенью автора, она лишь средство, с помощью которого литературный критик Индербаев опосредованно демонстрирует свое «пристрастие» к ахмадовской и бексултановской прозе. Прием довольно оригинальный: критик как бы стреляет из-за угла, вроде бы в Алиеву, но сверхцель – отрикошетить в тех, чье мастерство является для нее несомненным, а для Г. Индербаева – сомнительным. И опять на ум приходит народная мудрость: «Побоявшийся сразиться с конем бился с седлом».

Даже если предположить, что З. Алиева зависима от дружеских отношений с писателями, и по этой причине ставит их на вершину чеченского литературного Парнаса, то каким образом «зависимы» от этих прозаиков известные литературоведы: ныне покойный Ю. Верольский, высоко оценивший роман М. Ахмадова «На заре, когда звезды гаснут» (см. предисловие к данной книге), Л. Егорова, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией «Литературы народов Северного Кавказа» Ставропольского государственного университета, которая не только провела тщательный анализ романного мира этого писателя, но и пришла в результате к выводу, что, цитирую, «выдающимся чеченским прозаиком конца XX в. является М. Ахмадов»? И под чьим влиянием находится Л. Теракопян – один из самых авторитетных российских критиков, 1-й зам. главного редактора журнала «Дружба народов», рассматривающий ахмадовские повести и рассказы как значительные явления современного литературного пространства в ряде своих статей в российской печати? Каким образом «зависят» от М. Бексултанова или М. Ахмадова редакторы иностранных издательств, переводящие их произведения на английский, французский, немецкий, японский языки (не говоря уже о языках народов РФ)? Ах, о чем это я? Ведь эти и подобные достижения отнесены Г. Индербаевым к разряду «мнимых».

Недоволен автор и «назидательным тоном» статей З. Алиевой, «не допускающим каких-либо возражений или сомнений». Но статья самого Г. Индербаева – это, по сути, претензия на истину в последней инстанции, написана она в стилистике выступления на съезде КПСС: сплошные призывы, разоблачения, требования, прямые указания партийного босса с высокой трибуны, запреты, разрешения, строем, маршем к коммунизму и светлomu будущему, равенство всех и вся... Концентрация модальных слов императивного значения в тексте столь велика, что голова идет кругом: «критик должен», «писатель обязан», «нужны работы», «нельзя», «надо», «ни в коем случае», «должны быть», «должны заниматься», «не должно быть», «должно строиться», «не должен ставить», «прямая обязанность», «святая обязанность», «следует воспитывать», «следует обращать», «должны быть безукоризненными», «должен иметь», «долг критика», «критика призвана», «не может рассчитывать», «пришла пора», «история требует», «надо бояться», «в обязанности входит» – и так более ста раз. Не шучу, посчитала из любопытства – не мерещится ли. Режим чрезвычайных запретов распространяется на все: объект творчества, тематику, проблематику, методы, приемы, объем, лексикон... И самое удивительное в данной ситуации то, что все свои «нужно» и «не нужно», «можно» и «нельзя» Г. Индербаев всерьез адресует не себе, а всем чеченским критикам и писателям, т.е. это он решает, что, как, о чем, когда и кому писать. Не хватает только знаменитого хрущевского башмака и «кузькиной матери».

Ау!

Остается открытым вопрос, если «новые имена» так плохи, почему молчат «старые»? Где глубокие критические исследования литературных произведений, осуществленные маститыми и именитыми? Почему бы не начать с себя. С поколения, которое робко отмалчивается, пока графоманы и коммерсанты от литературы издают квази-тексты, используют труд «литературных негров», делают себе имена на чужом горбу? Отмалчивается, когда так называемые поэты, не имеющие элементарных представлений о стихосложении, вдруг оказываются в «авангарде» современной литературы и СМИ трубят об их даре, величии, гражданственности... Или этим явлениям нет места в современном литпроцессе? Почему Индербаев призывает к ответу молодых? Где статьи этого почтенного критика с немалым творческим стажем о состоянии современной литературы? Где нащупанные «болевые точки» и «вскрытые язвы» литературной ситуации в Чечне? Статьи, основанные не на личных пристрастиях и вкусовщине, а на всестороннем анализе?

Уважаемый мною литературный критик Гелани Индербаев сначала обрушивается на молодых, потом на их окружение и, наконец, доходит до литжурналов. Причем на последние он возлагает сложную задачу корректировки литературной ситуации. Упрекает в отсутствии разнообразия, низком уровне большинства пишущих... Согласна, согласна... Но журнал не создает литературу, он лишь зеркально отражает ее состояние, да и состояние общества в целом. Невозможно всех научить писать, а печатать одних и тех же – значит набить оскомину читателю. Феномен читателя, взявшегося за перо, это тоже не специфика чеченской литературы. Это мировой тренд. Особые очертания и особое распространение графомания получает в сети Интернет, где понятие писателя-профессионала вообще девальвируется. «Маленький человек перестал быть объектом творчества, а стал его субъектом. Маленький человек стал писателем», – считает современный критик М. Михайлов. В Чечне такая вовлеченность «маленького человека» в литературу определяется еще и послевоенным периодом. Жажда творчества как психореабилитирующий фактор, как выхлоп психики, «сублимация» негативной энергии, накопленной во время травмирующих психику ситуаций военного времени, в текст, претендующий, с точки зрения его создателя, на литературу, но не являющийся ею по всем признакам, определяющим произведение искусства. Что делать журналистам с этим потоком? Остается только отбирать из худшего лучшее и публиковать в надежде на то, что когда-нибудь обнаружится «жемчужина в грязи». И она находится. Хасамби Яхъяев – писатель, к сожалению, рано ушедший из жизни, открытие именно журнала «Вайнах». Его творчество еще не обрело должной критической и читательской оценки, многое автор сделать не успел. Но уже то, что сделано, наверняка, получив достойное осмысление, оставит свой след в чеченской литературе.

Г. Индербаев вволю куражится над статьями Х. Домбаева, С. Такалашева, Х. и И. Тимишевых, М. Нашхоева, с удовольствием цитирует самые «слабые» места. Но не лукавит ли критик? Ведь эти авторы не являются профессиональными литературоведами. Журналист, адвокат, учитель... И потом, уровень мастерства, эрудиция – это те категории, которые не могут быть одинаково распределены между всеми. Кто-то более профессионален, аналитичен или объективен, а кто-то менее. Невозможно всех мерить одним аршином.

Давайте-ка, уважаемые «ветераны», вместе строить современную литературную критику. Заедино вершить благородные дела, а не ограничиваться манифестами и декларациями, мол, все плохо, хуже быть не может. Последние тезисы комментируемой статьи напоминают призывы к массовой мобилизации: «Ты записался в добровольцы? Родина-мать зовет!»

Я не могу сказать о том, каким должен быть современный литературный критик. Мои представления далеки от идеала, предложенного Г. Индербаевым: критика-«борца», «крушителя» и «ниспровергателя», находящегося тем не менее под зоркой опекой власти (не важно, политической или всевозможных творческих союзов типа булгаковского МАССОЛИТа), т.е. управляемого извне. Но знаю точно, к какому образцу литературного критика стремлюсь сама. Ж. Старобинский утверждает, что ныне литературная критика оптимально оперирует тремя планами: 1) симпатия-соавторство, 2) объективное исследование, 3) свободное размышление-интерпретация. Он пишет: «Критическая мысль не должна оставаться в границах верифицируемого познания, а призвана быть сама по себе особым видом творчества. Она должна нести на себе отпечаток личности, но такой, которая познала аскезу отстранения через «объективное» знание и научные методы». Именно такой тип ученого, познавшего строгость и аскезу академической науки, принявшего на себя обязательство доказательности и объективности, но одновременно свободно, творчески оперирующего данными различных гуманитарных дисциплин, вступающего с художником в осмысление созданной им «сокращенной вселенной», и является на сегодня одним из наиболее креативных типов ученого. И у меня нет других предложений, кроме одного, – честно трудиться.

P.S. Как смог убедиться уважаемый оппонент, в редакции журнала внимательно вычитывают публикуемые материалы. А без комментариев они обычно остаются потому, что мы рассчитываем на читателя, который сам в состоянии отличить правду от кривды. Надеюсь также, читатель не сочтет за излишнюю самоуверенность форму 1 лица единственного числа, использованную в данной публикации автором. Не хочется прикрываться этикетным «мы» в работе, не носящей научного характера. К тому же «Я» здесь более уместно, оно как открытое забрало. Разве нет? И еще: я очень благодарна Г. Индербаеву за его мнение, несмотря на то, что оно во многом расходится с моим. Достоинство рассмотренной статьи мне прежде всего видится в том, что она дает повод для откровенного разговора, принять участие в котором редакция журнала приглашает всех неравнодушных к проблемам современного литературного процесса. Вариантом такого диалога может стать «круглый стол» или дискуссия на страницах журнала.

Книжные новинки**Ночной прохожий**

В кабардино-балкарском издательстве «Эльбрус» вышел сборник стихотворений Дмитрия Лунина под названием «Ночной прохожий».

Дмитрий Лунин родился в г. Нальчике, пишет стихи более десяти лет. Является лауреатом правительственной стипендии 2008 г. по итогам всероссийского форума молодых писателей в Москве и двух северокавказских семинаров (Нальчик – 2008, Майкоп – 2009). В предисловии к сборнику известный российский поэт и переводчик Кирилл Ковальджи пишет: «Открыть для себя поэта – всегда радость. И не просто поэта, а значительного». Он называет Лунина поэтом «вызывающей поэтической энергии, он столь же силен, сколь уязвим. Уверенный крепкий талант – обнаженные нервы, ранимость, незащищенное сердце. Контрастные свойства его личности резонируют со столь же контрастным временем – особенно резким на Северном Кавказе, где живет поэт». Надо отметить, талант Лунина нашел своих почитателей и в нашей республике, чему во многом способствовало участие в названных форумах и знакомство с ним молодых чеченских поэтов и прозаиков. Его стихотворения несколько раз публиковались на страницах нашего журнала, а также печатались в сборниках «Лири» (Ростов-на-Дону),

«Молодые писатели Северного Кавказа» (Москва). Д. Лунин является автором нескольких книг: «В поисках жанра» (2006), «Большое время» (2007), «Свет ночных фонарей» (2009), «Угол зрения» (2009).

К нашим иллюстрациям**Когда муза требует тишины**

Джамалудин Умарпашевич Товсултанов родился в 1953 г. в селении Мерзи-аки Ошской области Киргизской ССР. Его семья смогла вернуться в Хасавюрт, откуда чеченцы-аккинцы были депортированы в Среднюю Азию, как и все остальные вайнахи, только в 1958 году. Окончил восьмилетку, а в 1972 г. – художественно-педагогическое училище в городе Избербаш. С тех пор, в течение многих лет, работал в родной хасавюртовской школе учителем рисования. На своих уроках он учил детей замечать красоту родного края, любить историю и традиции своего народа. Педагогическая деятельность не стала помехой творчеству – с детства увлеченный живописью, несмотря на неодобрение отца, Джамалудин Товсултанов пробовал силы в самых разных жанрах: портрете, пейзаже и т.п. Правда, долгие годы боялся приносить свои работы домой: отец, в его отсутствие, как-то уже выбросил картины на помойку. Джамалудин и сегодня не считает для себя «ззорным» учиться чему-то новому – даже если уроки приходится брать не у знаменитых мастеров кисти, а у бывших однокурсников – или даже тех, кто «на курс младше». Так, он признается, что на него оказала огромное влияние техника ныне известного далеко за пределами России чеченского художника Султана Юшаева, с которым, кстати, он и учился в упомянутом избербашевском училище. Из классиков живописи Джамалудину очень импонирует творчество Врубеля, а из современных – Никаса Сафронова и мариниста Сатарова.

Несколько лет назад его картины были впервые представлены на одной из художественных выставок в Грозном. Его пригласили работать на художественно-графическом отделении ЧГПИ, где он преподает «живопись», а с 2001 г. Джамалудин Товсултанов принят в Союз художников Чеченской Республики. В августе этого года планируется его персональная выставка, на которую он мечтает пригласить своего друга Султана Юшаева. А с не менее знаменитым братом последнего, Замиром Юшаевым (интервью с которым было опубликовано в нашем журнале в 2008 г.), – познакомить одного из своих талантливых выпускников – «окаль, если талант парня останется незамеченным». Мечты Джамалудина очень похожи на мечты многих чеченских художников – иметь собственную художественную мастерскую: «дома маленькие внуки тоже растут с творческими задатками – не успеешь отлучиться от картины на минутку, а шаловливые ручки на холсте обязательно что-нибудь дорисуют». Так что плодотворно работать получается разве что в редких выездах на природу – ведь муза творчества любит уединение.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Выселение. Продолжение в пути», 2 стр. – «Выселение», 3 стр. – «Проводы Сына», 4 стр. – «Жертвы репрессии».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Розита Эсенбаева (р. 1943). Окончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ, аспирантуру в ЛПШ им. А.И. Герцена. Кандидат филологических наук, работала в ЧИГУ с 1967 г. по 1981 г., а также в Тверском государственном университете преподавала историю зарубежной литературы с 1989-го по 1991 гг. Научные рефераты и статьи начала печатать в 1967 г. (журнал «Горное дело», Москва). Опубликовала более 70 научных публикаций, монографию «Стендаль и Достоевский» (1991) и около 30 газетных статей. Под псевдонимом Разида Эрсеной публиковались рассказы («Суфий», «На чужбине»), в 1997 г. на чеченском радио была осуществлена радиопостановка пьесы «Квартал Монпарнас».

Чага Гайрбеков. (р. 1939). В 1963 г. окончил Чечено-Ингушский пединститут. Затем долгие годы работал учителем и директором в средней школе. Много лет был редактором районной газеты «Маяк коммунизма». Первый сборник стихотворений «Утро Родины» вышел в 1973 г. Его стихотворения публиковались в периодической печати республики и в поэтических сборниках. В настоящее время он продолжает продуктивно трудиться на ниве педагогики в родном селении Чечель-Хе Ножай-Юртовского р-на.

Вахит Хаджимурадов (р. 1956). Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1982 г. Пишет стихи и прозу на чеченском и русском языках. В периодической печати публикуется с 1996 г. (в журналах «Вайнах», «Орга», «Стелалад»).

Шамсудин Макалов (р. 1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 г. Публикуется в республиканской периодике с 1959 г. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). С 1969 по 2008 гг. работал главным врачом Шатойской госсанэпидстанции. Заслуженный врач ЧР, член Союза писателей РФ (1992).

Ахмет Денисултанов (р. 1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 г. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммфон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрику афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Маржан Дикаева. Родилась в с. Валерик Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. В 1982 г. окончила медсестринское отделение республиканского Медицинского училища. В 1989 г. окончила химико-биологический факультет ЧИГУ. С 1982 г. работала медсестрой в Республиканском онкологическом диспансере. С 1989 г. – врачом-лаборантом цитологической лаборатории. Пишет стихи и рассказы.

Леча Гарсаев (р. 1952). В 1972 г. окончил Чечено-Ингушский госуниверситет, получив квалификацию «учитель русского языка и литературы, чеченского языка и литературы». С 1972 по 1977 гг. работал учителем, завучем и и.о. директора в Элистанжинской и Новожиженской СШ; с 1977 по 1993 гг. – заведомо культуры Шалинского райисполкома и Аргунского горсовета. С 1993 по 1996 гг. занимал должности замминистра просвещения ЧР, замминистра по делам религии и конфессий. В 2000 г. был назначен министром культуры ЧР, с 2005 по 2007 гг. являлся замминистра ЧР по национальной политике, печати и информации. В 1992 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Вайнахская женская одежда (конец XIX – начало XX века)». В 2010 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Одежда чеченцев и ингушей XIX – XX вв.». В настоящее время – доцент ЧГУ. Является автором 70 научных работ (в том числе – трех монографий).

Гелани Индербаяев (р. 1938). В 1964 г. окончил историко-филологический факультет ЧИГПИ. Заслуженный учитель ЧР. Пишет литературно-критические статьи. Публикуется в республиканской прессе с 1967 г. В 2007 г. вышел сборник литературно-критических статей «Отражение времени». Кандидат филологических наук.

Лидия Довлеткиреева. Окончила филологический и юридический факультеты ЧГУ. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», старший преподаватель кафедр русского языка и литературы ЧГУ. Кандидат филологических наук. Стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России. Литературная критика». Журналист, литературовед, критик, переводчик с чеченского языка. Участник форумов и совещаний молодых литераторов в Ростове-на-Дону, Нальчике, Майкопе, Домбае, Москве, 19 Международной книжной ярмарки в Гаване (Куба). Публикации – в прессе ЧР, литжурналах и сборниках Москвы, Краснодар, Саратова, Ростова-на-Дону, Нальчика. Член Союза журналистов РФ.